

"Сладкий развратный мальчик (др. перевод) (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кристина Лорен

Сладкий развратный мальчик

Глава 1

Миа

День, когда мы официально выпустились из колледжа совсем не такой, как изображают его в фильмах. Я подбрасываю мою шапочку выпускника в воздух, и когда она начинает падать, то трескается кому-то в лоб. Заметки произносящего выпускную речь уносит порывом ветра, и он решает продолжить без них, на бум, толкая полностью не вдохновляющую речь о том, как мы должны превращать наши ошибки в фундамент для нашего светлого будущего, дополняя все это нелепыми рассказами о своем недавнем разводе. Никто в фильмах никогда не выглядит так, будто собирается умереть от теплового удара в их синтетических мантиях... Я бы заплатила кому-то денег, за то, чтобы все фотографии, сделанные со мной сегодня, были сожжены.

Но этот день по-прежнему идеален.

Поскольку, черт побери, мы *сделали* это.

Возле ресторана, после обеда, Лорелей, или Лола в редких случаях, когда кому-то удается попасть в ее ближайшее окружение, вытаскивает ключи из сумки и трясет ими передо мной в победном танце. Отец целует ее в лоб и делает вид, будто не плачет. Вся семья Харлоу окружила ее со всех сторон, обнимаясь и разговаривая друг с другом, вновь переживая Топ Десятку Моментов, когда Харлоу Пересекает Сцену и Выпускается Из Колледжа, до того, как они втягивают меня в свой круг, обсуждая такие же пятнадцать секунд моей славы. Когда они отпускают меня, я улыбаюсь, глядя на них, завершая свои милые, привычные ритуалы.

Позвони мне, как только доберетесь туда.

Используй кредитку, Харлоу. Но не AmericanExpress. Развлекайся, сладкая, ведь это твой подарок на выпускной.

Люблю тебя, Лола. Веди аккуратно.

Мы избавляемся от наших душных мантий, прыгая в старую колотушку-Шеви Лолы, и покидаем Сан-Диего, оставляя позади шлейф выхлопных газов и легкомысленный свист под музыку, направляясь напрямиком к выпивке и безумию, которые ожидают нас в эти выходные.

Харлоу врубает плей-лист, который она сделала специально для этого путешествия - Бритни Спирс с нашего первого концерта, когда нам было по восемь. Совершенно неуместный 50 Cent, которого наш класс как-то уговорил сделать темой выпускного вечера младшеклассников. Лола клянется, что тяжелые басы глэм-метала - это гимн самых сексуальных песен всех времен, и еще пятьдесят других, которые, так или иначе, возводят нашу общую историю. Харлоу врубает стерео на полную катушку, в то время, как мы орем песни в душном, пыльном воздухе, врывающемся во все четыре открытых окна.

Лола откидывает свои длинные темные волосы с шеи, протягивая мне резинку и умоляя меня собрать их.

- Боже, почему так чертовски душно? - кричит она с водительского места.

- Потому что мы мчимся по пустыне со скоростью шестьдесят пять миль в час в Шеви 80-х годов без кондиционера. - Отвечает Харлоу, обмахиваясь програмкой с церемонии. - Напомните мне, почему мы не поехали на моей тачке?

- Потому что она воняет "Коппертоуном" [1] и сомнительными альтернативами? - Говорю я и верещу, когда она бросается на меня с переднего сидения.

- Мы поехали на моей машине, - напоминает Лола, убавляя звук на Eminem'e, - потому что ты, почти врезалась в телефонный столб, пытаюсь, отмахнуться от жука на твоём сиденье. Я не доверяю твоим взглядам, когда ты за рулем.

- Это был паук, - возражает Харлоу. - Огромный. С клешнями.

- Паук с клешнями?

- Я могла умереть, Лола.

- Да могла бы. В охваченной огнем аварии.

Когда я заканчиваю с волосами Лолы, я снова откидываюсь назад и чувствую, будто могу вдохнуть в первый раз за недели, смеясь с моими самыми любимыми людьми на всем белом свете. Духота иссушает каждую частичку энергии моего тела, но ощущается это чудесно, просто отпуская ее, закрыв глаза, кайфовать на сиденье, в то время, как ветер треплет мои волосы, и это слишком шумно, даже для того, чтобы думать. Три блаженные недели лета впереди, до того, как я проеду всю страну, и впервые за все время, у меня нет *ничего*, чтобы я должна была бы сделать.

- Мило, что твоя семья осталась на обед, - произносит Лола спокойным, предусмотрительным тоном, встречаясь со мной глазами через зеркало заднего вида.

- Угу, - пожимаю я плечами, копаясь в сумке в поисках жвачки или конфеты, или чего-либо, что сможет занять меня на достаточно долгое время, чтобы не пытаться оправдать ранний уход моих родителей.

Харлоу поворачивает голову и смотрит на меня.

- Я думала, они собирались на обед со всеми?

- Полагаю, нет. - Отвечаю я просто.

Она полностью поворачивается на своем сиденье, лицом ко мне так, как позволяет ей это пристегнутый ремень безопасности.

- Ну, и что сказал *Девид* до того, как ушел?

Я отвожу взгляд, глядя на пролетающий мимо скучный пейзаж. Харлоу никогда и не думала называть своего отца, или даже отца Лолы, по имени. Но сколько я себя помню, для нее мой отец всегда был просто Дэвидом - со всем презрением, которое она только может вложить в это слово.

- Он сказал, что гордиться и любит меня. И что ему жаль, что он не говорил этого чаще.

Я ощущаю ее удивление в ответном молчании. Харлоу бывает такой тихой только тогда, когда удивлена или пьяна.

- И, - добавляю я, зная, что это тот момент, когда я должна заткнуться, - теперь, я могу строить свою карьеру и вносить значимый вклад в развитие общества.

Не испытывай судьбу, Миа.

- Иисус, - говорит она. - Такое ощущение, будто он любит бить тебя в самое больное место. Этот мужик определенно знает, как *быть* кретином.

Это заставляет нас хохотать, и мы, кажется, согласны плюнуть на это, потому что действительно, что еще можно сказать по этому поводу?

Мой отец задница и даже тогда, когда дело касается моих жизненных решений, он пытается навязать мне свои суждения.

Движение свободное, город возвышается над равнинами, а хаотичное скопление огней ослепительно сияет в уплывающем закате. С каждой милей воздух становится прохладнее, и я ощущаю всплеск энергии в машине, когда Харлоу выпрямляется и ставит новый плей-лист на нашу финишную прямую. На заднем сидении, я покачиваюсь, пританцовываю, подпеваю броской громкой поп-песне.

- Мои девочки готовы сойти с ума? - спрашивает она, опуская солнцезащитный козырек и подкрашивая губы в крошечном расколоте зеркала.

- Не-а. - Лола поворачивает на Ист Фламинго Роуд. Перед нами протягиваются дорожки из гирлянд, ковер из огоньков и гул сирен обгоняющих нас машин. - Но ради тебя? Я буду закидываться шотами безостановочно и танцевать с сомнительно трезвыми мужиками.

Я киваю, обнимая Харлоу сзади и сжимая ее в руках. Она претворяется, что задыхается, но покрывает мою руку своей, так, чтобы я не могла отстраниться. Никто так не отрицает крепкие объятия менее убедительно, чем Харлоу.

- Люблю вас, психички, - говорю я, и если бы я произнесла это кому-то другому, то слова затерялись бы в ветре и уличной пыли, задуваемой в машину. Харлоу наклоняется, чтобы поцеловать мою руку, а Лола оглядывается на меня с улыбкой. Они будто запрограммированы на игнорирование моих длинных пауз и выуживание моего голоса из хаоса.

- Миа, ты должна пообещать, - говорит Лола. - Ты слышишь?

- Это же не включает в себя побег и становление стриптизершей?

- К сожалению, нет.

Мы планировали это путешествие месяц - один последний рывок до того, как нас поглотит взрослая жизнь и ответственность. Я готова ко всему, что жизнь приготовила для меня. Я разминаю шею, делаю глубокий вдох, и прикидываюсь, что щелкаю костяшками.

- Жаль. Я могла бы работать на шесте так, как вы даже себе представить не можете. Но ладно, тресните меня.

- Оставь все лишнее в Сан-Диего сегодня. - Велит она. - Забудь об отце или о том, какую

фанатку Люк отжарит на этой неделе.

вернуться

1

Коппертоун - Товарный знак косметических средств для безопасного загара - лосьонов, мазей, масел, производства одноименной фирмы; принадлежит корпорации "Шеринг-Плау".

Мой желудок переворачивается в момент, когда упоминается мой бывший, хотя мы расстались почти два года назад на хорошей ноте. Просто Люк был моим первым, как и я его, и мы учились всему вместе. Думаю, я должна получать гонорары за его нынешний парад завоеваний.

Лола продолжает.

- Не думай о переезде в Бостон. Не думай ни о чем, кроме того, что мы закончили колледж - колледж, Миа! Мы сделали это. Просто засунь все в пресловутый ящик и засунь его под пресловутую кровать.

- Мне нравятся эти разговоры о засовываниях и кроватях, - выдает Харлоу.

При любых обстоятельствах, это заставляет меня смеяться. Но столь непреднамеренное упоминание Лолы о Бостоне, как это, только что уничтожило крошечное окошко в безтревожное пространство, которое как-то мне удалось отыскать. Это немедленно затмевает любую неловкость, которую я испытывала по поводу преждевременного ухода с самой грандиозной церемонии всей моей жизни, или церемонии Люка и его новоиспеченной шлюшной стороны. На меня накатывает волна паники на счет будущего, и сейчас, когда мы выпустились, больше невозможно игнорировать его.

Каждый раз, когда я думаю о том, что же будет дальше, мой желудок выворачивается наизнанку, воспаляется и сгорает. Эти чувства появлялись так часто в эти дни, что у меня ощущение, будто я должна дать им какое-то название.

Через три недели я перебираюсь в Бостон, в школу бизнеса, куда приезжают из всех уголков страны, и все это так же отдалено от моих детских мечтаний, которые я себе навоображала. У меня предостаточно времени, чтобы найти квартиру и работу, за счет которой я буду оплачивать мои счета и приспособить мои занятия осенью, когда я, наконец, начну делать то, что мой отец всегда хотел от меня, и присоединюсь к потоку бизнесменов, которые занимаются бизнесменской чушью. Он даже с радостью заплатит за мою квартиру.

- Две комнаты, - утверждает он, великодушно. - Мы с матерью и мальчиками сможем навещать тебя.

- Миа? - зовет Лола.

- Хорошо, - соглашаюсь я и киваю, интересно, когда это, из нас троих, я стала человеком с таким багажом. Отец Лолы - ветеран войны. Родители Харлоу в Голливуде. А я просто девушка из Ла Холлы, которая должна танцевать. - Я засуну это под пресловутую кровать. - Произносятся эти слова вслух, кажется, будто они имеют большую значимость. - Я закину все это в ящик с жуткими секс-игрушками Харлоу.

Харлоу посылает мне нахальный поцелуй, а Лола кивает твердо. Лола, больше нас, знает о стрессе и ответственности, но если она может отбросить их на выходные, то и я смогу.

Мы останавливаемся в отеле, Лола и я выпрыгиваем из машины, держа наши простые дорожные сумки, выглядя так, будто мы только что возникли из пылевой бури. Я чувствую себя большой и грязной. Только Харлоу выглядит, будто принадлежит этому месту, выходя из старой Шеви, словно из черного седана, в презентабельном виде, катя позади себя глянцевый чемодан на колесиках.

Как только, мы добрались до номера, мы все потеряли дар речи, даже Харлоу притихла, очевидно, это удивленная форма ее молчания. На этаже было всего пара других номеров и наш - Скай Люкс, он был просто огромен. Отец Харлоу, большая шишка в кинематографе, зарезервировал для нас этот подарок на окончание колледжа. Мы думали, что получим стандартный номер в отеле Вегаса с бесплатным шампунем, возможно, мы бы даже сошли с ума и устроили бы набег на мини-бар, оплатив его картой. Сникерс и крошечную водку всем!

Мы не ожидали этого. В прихожей (здесь есть *прихожая*), между декадентской корзиной с фруктами и бутылкой шампанского, была записка. В ней говорится, что на быстром наборе у нас есть дворецкий, массажистка придет к нам в номер, когда мы того захотим, и отец Харлоу более чем рад предоставить нам неограниченное обслуживание. Если бы Александр Вега не был бы отцом моей лучшей подруги и не был бы счастлив в браке, то я предложила бы ему в качестве благодарности секс.

Напомните мне не говорить этого Харлоу.

Я росла, нося едва ли не всё, на сцене, перед сотнями людей, где я могла притвориться кем-либо еще. Поэтому даже с длинным, неровным шрамом на ноге мне определенно более комфортно в одном из платьев выбранных Харлоу, нежели Лоле. Она даже не примерила свое.

- Это твой подарок на выпускной, - говорит Харлоу. - Как бы ты отнеслась к тому, если бы я отказалась от дневника, который ты мне подарила?

Лола смеется, бросая подушку в нее с другого конца комнаты.

- Если бы я попросила вырвать страницы из дневника и смастерить из них платье, едва прикрывающее задницу, то да, ты могла бы спокойно вернуть мне его.

Я потянула вниз подол моего платья, молча соглашаясь с Лолой, желая, чтобы оно прикрывало побольше. Я редко выставляла напоказ столько кожи.

- Миа одела свое. - Подмечает Харлоу, а из меня вырывается стон.

- Миа выросла в *трико*. Она крошечная, и комплекция у нее, как у газели. - Аргументирует Лола. - К тому же, уверена, если я присмотрюсь получше, то смогу увидеть ее вагину. А я выше ее на дюймов пять, что означает, ты сможешь практически увидеть мой родовой канал в этом платье.

- Ты такая упрямая.

- А ты такая шлюшная.

Я слушала их спор, стоя рядом с окном, довольствуясь наблюдением за прохожими, снующими по Лас-Вегас-Стрип [2], формируя след красочных круглых точек с нашего обзора на сорок пятом этаже. Я не совсем понимаю, почему Лола продолжает упираться. Мы все знаем, что это до поры до времени, пока она не сдастся, так как Харлоу - это гигантская боль в заднице, и она всегда добивается своего. Звучит странно, но я всегда любила это в ней, она всегда знает, что хочет, идет и берет это. Лола такая же во многом, но ее методы более утонченные, чем методы "на пролом" Харлоу.

Лола стонет, но как и ожидается, в конце концов сдается. Она достаточно умна, чтобы понять то, что борется в уже проигранной битве, и это занимает всего несколько минут для нее, чтобы скользнуть в платье и туфли до того, как мы отправимся вниз.

Это был долгий день. Мы окончили колледж, смыли всю пыль и тревогу с наших тел, и Харлоу любит заказывать шоты [3]. Но больше этого? Она любит наблюдать за другими, которые пьют шоты, заказанные ею. К девяти тридцати, все возвращается, и я решаю, что наш уровень выпитого дошел до отметки достаточно: наша болтовня нечленораздельна, но мы, по крайней мере, в состоянии ходить. Не помню, когда в последний раз видела, чтобы Харлоу и Лола так хохотали. Щека Лолы покоится на ее скрещенных руках, а плечи при смехе трясутся. Голова Харлоу откинута назад, и ее хихиканье перекрывает ужасную музыку и разносится по всему бару.

И когда ее голова откинута таким образом, я встречаюсь глазами с мужчиной через переполненное помещение. Я не могу разобрать детали в темном баре, но вижу, что он выше и старше нас на пару лет, с темными волосами и бровями, над яркими, озорными глазами. Он наблюдает за нами и улыбается, будто ему нет надобности участвовать в нашем веселье, он просто хочет оценить его. Двое других парней стоят рядом с ним, болтая и указывая в дальний угол, но он не отворачивается, когда наши глаза встречаются. Во всяком случае, его улыбка становится больше.

Я не могу отвести взгляд, чувство дезориентирует, потому что обычно, когда дело касается незнакомцев, я очень хороша в «отведении взгляда». Мое сердце грохочет в груди, напоминая мне, что мне должно быть более неловко, чем на самом деле, предполагаю я, сосредотачиваясь на своем напитке. Со зрительными контактами у меня хреново. Обычно тоже самое бывает и с общением. Фактически, единственные мышцы, которые мне казалось не освоить, были те, которые требуются для простой речи.

вернуться

2

Лас-Вегас-Стрип (англ. LasVegasStrip) — примерно семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас в округе Кларк в штате Невада, США. Здесь находится большинство крупнейших гостиниц и казино агломерации Лас-Вегаса.

вернуться

шот - румка, стопка.

Но по какой-то причине, спишем это на алкоголь, я пялилась на горячего мужчину через весь бар, когда мои губы сформировали слово "привет".

Он ответил тем же, закусив уголок губы между зубов, и вау, он должен делать это каждый день, каждому человеку, которого встречает всю оставшуюся жизнь. У него появляется ямочка, и я пытаюсь успокоить себя тем, что это освещение и тень, потому что нет ничего в аду такого, что может быть настолько простым и в тоже время восхитительным.

Я чувствую, что-то странное происходит у меня внутри, и мне интересно, это ли люди имеют в виду, когда говорят, что они тают, потому что я определенно чувствую себя менее твердой. В районе ниже моей талии появилось трепетание интереса, о Боже, если одной только его улыбкой удалось сделать это, то представляю, что его... Харлоу хватает мою руку, прежде чем я могу закончить эту мысль, выдергивая меня от моего тщательного исследования его лица, и дергая в столпотворение раскачивающихся и извивавшихся тел под ритм сексуальных взрывов вырывающихся из динамиков.

Мы наверно истощаемся в Вегасе, потому что после танцев и выпивки, мы оказываемся в нашей комнате к полуночи, все трое уставшие от церемонии вручения на пекле, от душной езды и алкоголя, который мы вкатили в наш организм без какой-либо еды.

Даже притом, что наш многоквартирный номер имеет больше места, чем нам нужно, и даже притом, что есть две спальни, мы все нагромоздились в одну. Лола и Харлоу уже несколько минут в отключке, и уже были слышны знакомые звуки сонного бормотания Харлоу. Лола по-прежнему шокирующе тиха и неподвижна. Она полностью закапывается в постель, что я задаюсь вопросом, когда мы были моложе, исчезала ли она так в матрасе во время вечеринок с ночевкой. Были разы, когда я на самом деле рассматривала проверку пульса.

Через весь холл бушует вечеринка.

От тяжелых басов музыки качается светильник, висящий надо мной. Мужские голоса галдят через пустое пространство, разделяющее номера. Они кричат и смеются, создавая свою маленькую какофонию из возгласов и других человеческих звуков. Звук мяча отскочившего от стенки слышится где-то вдалеке, и хотя я могу определить только несколько уникальных голосов в миксе, они создают достаточно шума, и я не могу не полагать, что весь номер не заполнен пьяными парнями, которые просиживают выходные в Вегасе.

Два часа ночи проходят в том же ритме: я пялюсь в потолок, число проснувшихся и число уснувших растет. В три я уже так раздражена, что готова стать Вегасной занудой для того, чтобы я смогла поспать хоть несколько часов перед нашим ранним спа.

Я выползаю из постели, стараясь быть как можно тише, чтобы не разбудить своих друзей, прежде чем начинаю смеяться над абсурдностью своей осторожности. Если они спят при таком шуме, то они точно не проснутся от меня ступающей по ковровому покрытию,

хватаящей ключи и выскальзывающей из нашего номера.

Стучу кулаком в дверь и жду, моя грудь вздымается от раздражения. Звук ударов утопает в шуме, и я не уверена, смогу ли стучать достаточно сильно, чтобы они услышали меня. Подняв оба кулака, я пытаюсь снова. Я не хочу быть тем человеком в Вегасе, который жалуется на веселье людей, но следующее мое действие - это вызов охранников отеля.

На этот раз музыка стихает, и за дверью раздаются шлепающие шаги.

Возможно, я ожидала кого-то постарше, загорелых папочкиных сынков, которые растрачивают трастовый фонд, или кучу инвестиционных банкиров средних лет, которые окунаются, в течении выходных, в разврат или полный номер парней из братства, пьющих шоты из пупка стриптизерши. Но я не ожидала, что это будет он, парень из бара.

Я не ожидала того, что он будет голый по пояс, одетый только в черные боксеры, которые висят так низко на загорелом животе, что я могу видеть мягкую дорожку волос, уползающую вниз.

Я не ожидала и того, что он будет улыбаться при виде меня. И уж этого я точно не ожидала, акцента, когда он выдает:

- Я знаю тебя.

- Нет, - отвечаю я, вполне спокойно, если немного задержать дыхание. Я больше никогда не заикалась при друзьях или семье и только в редких случаях перед незнакомцами, с которыми мне комфортно. Но сейчас, мое лицо горит, мои руки и ноги покрываются гусиной кожей, поэтому я понятия не имею, что делать с моими заикающимися словами.

Если это возможно, его улыбка еще больше растет, румянец становится ярче, ямочки в центре внимания, и он открывает дверь шире, выходя ко мне. Он даже лучше выглядит, чем казался в другом конце бара, и в реальности он немедленно заполняет дверной проем. Он настолько огромен, что я отступаю назад, будто меня оттолкнули. Он расслаблен, встретившись глазами со мной, и сияет улыбкой, когда он наклоняется близко, и игриво изучает меня.

Будучи артисткой, мне доводилось видеть таких же очаровашек, как он. Возможно, он и выглядит, как любой другой человек, но в нем есть то неуловимое качество, которое заставило бы каждую пару глаз следить за ним на сцене, независимо от того, как мала его роль. Это намного больше, чем харизма - это магнетизм, которому нельзя научиться или практиковать. Я в двух шагах от него... и у меня нет ни единого шанса.

- *Знаю*, - возражает он, немного наклоняя голову. - Мы встречались ранее. Просто не представились еще друг другу. Мой мозг ищет место, к которому принадлежит его акцент, прежде чем осознаю: он - француз. Мудак из Франции. Это заставляет таять. Его акцент мягок и нежен. Вместо того, чтобы смешивать все слова вместе, он разделяет их, тщательно выговаривая каждое.

Я щурю глаза, фокусируюсь на его лице. Это не просто. Его грудь гладкая и загорелая, и у него самые идеальные соски, которые я когда-либо видела, маленькие и плоские. Он жилистый, и вполне подходит для позы наездницы. Я могу почувствовать, как тепло исходит от его тела. Но самый верх всего этого, это то, что на нем нет ничего, кроме белья и ему кажется по барабану это.

- Вы парни, безумно шумите, - говорю я, вспоминая о часах шума, которые и привели меня

сюда. - Думаю, ты мне намного больше понравился в комнате полной людей, чем в этом холле.

- Но для тет-а-тет это лучше, не так ли? - Его голос посылает волну мурашек по моим рукам. Когда я не отвечаю, он оборачивается, оглядывается через плечо и возвращается ко мне. - Извини, за шум. Я собираюсь отчитать Финна. Он - канадец, поэтому уверен, что ты понимаешь, что он - дикарь. И Олливера, он - австралиец. Тоже жутко нецивилизованный.

- Канадец, австралиец и француз закатили вечеринку в номере? - спрашиваю, борясь с улыбкой, вопреки моим суждениям. Пытаюсь вспомнить правило о том, нужно ли бороться за жизнь, когда попадаешь в зыбучие пески, так как в данный момент я именно так себя и чувствую.

Тону, поглощенная чем-то большим, чем я.

- Звучит, как начало анекдота, - кивает он, соглашаясь. Его зеленые глаза мерцают, и он прав - тет-а-тет намного лучше, чем стена, или темная, наполненная людьми, комната. - Присоединяйся к нам.

Ничто не звучало так опасно и так соблазнительно в одно и то же время. Его глаза опускаются на мой рот, где задерживаются, до того, как отправляются сканировать мое тело. Несмотря на то, что он только что предложил, он выходит в коридор и позволяет двери закрыться за ним. Теперь только мы, я и он, и его обнаженный торс и... вау, сильные ноги, и потенциал для умопомрачительного неожиданного коридорного секса.

Подождите. Что?

И только сейчас, я вспоминаю, что на мне только крошечные шортики для сна и соответствующий топик с поросятами по всему нему. Внезапно, осознаю, что свет слишком яркий и чувствую, как мои пальцы двигаются вниз, на автомате потянув ткань ниже, чтобы прикрыть мои шрамы. Я в гармонии со своим телом - я женщина, которая естественно, хочет изменить в себе что-нибудь - но, мой шрам - это другое. И дело совсем не в том, как он выглядит - хотя будем честными, Харлоу до сих пор сочувствующие вздрагивает всем телом при виде его, но вот что он собой представляет: потеря школьной стипендии в балетной школе Джоффри, то есть смерть моей мечты.

Но то, как он смотрит на меня, заставляет меня почувствовать себя обнаженной, *в хорошем смысле* обнаженной, а под хлопковым топом мои соски оживают.

Он замечает это и делает еще один шаг, обдавая меня своим теплом и запахом мыла, и вдруг осознаю, что он определенно не смотрит на мою ногу. Он даже, кажется и не обращает внимания на него, или даже если и обратил, то ему нравится, как я собираюсь, чтобы проигнорировать то, о чем говорит этот шрам. А он говорит о *травме*. Он говорит о *боли*.

Но его глаза говорят только *да, и пожалуйста, и светятся озорством*. И что он хотел бы увидеть больше.

Застенчивая девушка скрещивает руки на груди, пытаюсь увести меня на безопасную территорию нашего номера. Но его глаза приковывают меня к месту.

- Я не был уверен в том, что увижу тебя снова. - Его голос становится хриплым, намекая на грязные вещи, которые я хочу почувствовать на моей шее, когда он прорычит их. Мой пульс неистовствует, отбивая барабанную дробь. Интересно, он замечает это?

- Я искал тебя.

Он искал меня.

Поражаюсь своему голосу, который раздается так ровно, когда я отвечаю:

- Мы ушли вскоре после того, как я увидела тебя. - Его язык выскальзывает изо рта, когда он наблюдает за моим.

- Почему бы тебе не зайти... к нам? - в этих шести словах скрыто столько невысказанных обещаний. Такое ощущение, будто он - незнакомец, предлагает самую вкусную конфетку на всем белом свете.

- Я собираюсь в кроватку, - Наконец мне удастся сказать что-то, выставив руку вперед, удерживая его от приближения. - И парни, вам следует быть потише, или я отправлю Харлоу к вам. И если и это не успокоит вас, то в ход пушу тяжелую артиллерию - разбужу Лолу, и вы скажете спасибо за то, что она оставила вас избитыми и истекающими кровью.

Он смеется.

- Ты действительно нравишься мне.

- Спокойной ночи. - Я возвращаюсь к нашей двери на менее устойчивых ногах.

- Я - Ансель.

Проигнорировав его, я вставляю ключ в замок.

- Стой! Я просто хочу знать твое имя.

Я оборачиваюсь через плечо. Он все еще улыбается. Seriously, у моего одноклассника в третьем классе была ямочка, но это не вызывало у меня таких чувств.

Этот парень должен ходить с предупреждающей наклейкой.

- Заткни свой рот, и тогда я скажу тебе свое имя завтра.

Он делает еще один шаг вперед, ступая босыми ногами по ковру, а глаза следят за мной и он говорит:

- Означает ли, что это свидание?

- Нет.

- И ты, правда, не скажешь мне своего имени? Пожалуйста?

- Завтра.

- Тогда я буду звать тебя, *Cerise*. [4]

Я выкрикиваю:

- Меня устраивает, - когда я вхожу в мой номер. Кто знает, как он только что назвал меня. Встревоженной, или скромницей или свинжамкой. [5]

Но, так или иначе, то, как он промурлыкал два слога, заставляет меня думать, что это было нечто совсем другое.

Как только я забираюсь обратно в постель, я смотрю значение слова на моем телефоне.

Cerise означает "вишенка". Конечно, означает. Не уверена, как чувствую себя по этому поводу, потому что что-то мне подсказывает, что он не имел в виду цвет моего лака для ногтей.

Девчонки спят, но не я. Даже, когда шум через стену затихает, и все становится тихим и спокойным в нашем номере люкс, я разгоряченная, и покрасневшая, и желающая иметь больше мужества, чтобы пробыть в коридоре немного дольше.

Глава 2

Харлоу заказывает картошку фри, прежде выливая свою стопку в пиво и перемешивает все.

Она вытирает рот рукой и смотрит на меня. Должно быть, я пялилась, потому что она спрашивает:

- Что? Я стала шикарнее?

Я пожимаю плечами, мешая соломинкой лед в стакане. После утреннего массажа тела и лица, мы провели день в бассейне потягивая коктейли, став, более чем, немного подвыпившие. Кроме того, даже после залпа пива со стопкой, Харлоу *выглядит* шикарно. Она может прыгнуть в бассейн с пластиковыми шариками в Игровой МакДональдс и вылезти от туда, выглядя свежей.

- Зачем беспокоиться об этом? - Спрашиваю я. - У нас есть остальная часть нашей жизни, чтобы быть эстетами, но только не в этот уик-энд в Вегасе.

Она слушает то, что я говорю, обдумывая это, затем кивает в знак согласия и направляется к бармену.

- Я буду еще две стопочки и то уродство, что она пьет. - Указывая на Лолу, которая слизывает взбитые сливки с края отвратительно светящегося бокала. Он хмурится, качая головой, и говорит:

- Два шота виски и один "Шлюха под кайфом на батуте".

Харлоу смотрит на меня своим самым шокирующим выражением лица, но я едва успеваю его заметить, почувствовав, что кто-то давит на меня сзади, в переполненном баре. Огромные руки хватаются за мои бедра, до того, как я слышу:

- А вот и ты, - горячий шепот, прямо в мое ухо. Я пугаюсь, вскакиваю и отпрыгиваю со вздохом.

Ансель.

Мое ухо ощущается немного влажным и теплым, но когда я смотрю на Анселя, я вижу ту же игривость в глазах, которая была прошлым вечером. Он парень, который станцует забавный танец робота, чтобы рассмешить тебя, который облизнет кончик твоего носа, выставив себя дураком ради улыбки. Я уверена, если захочу повалить его на землю, то он позволит мне победить. И насладится каждой минутой.

- Слишком близко? - спрашивает он. - Я хотел быть обольстительным и неуловимым.

- Не уверена, что ты смог бы быть еще ближе. - Признаю я, борясь с улыбкой, пока тру ухо. - Ты был практически в моей голове.

- Он изображает ужасного ниндзя. - Говорит один из парней с ним.

- Оливер, Финн, - представляет Ансель, первый, на кого он указывает, высокий друг с копной каштановых волос, щетиной, яркими голубыми глазами за толстыми очками, и затем на того, который говорил, с коротко подстриженными каштановыми волосами, с темными сверкающими глазами, и с постоянно дерзкой ухмылкой, которую я могу только вообразить. Ансель смотрит на меня.

- И джентльмены, это *Cerise*. Я все еще ожидаю, когда она мне поведаст свое настоящее имя. - Он немного наклоняется, говоря, - Когда-нибудь она должна сдаться.

- Я - Миа, - отвечаю я ему, игнорируя его подтекст. Его глаза путешествуют вниз по моему лицу и тормозят на моих губах. Это в точности тот взгляд, которым он смотрел бы на меня, если бы мы собирались поцеловаться, но он слишком далеко. Он наклоняется вперед, это ощущается так, будто наблюдаешь за самолетом, парящим в десяти футах над землей, но на расстоянии милей, который никогда не приблизится.

- Приятно, наконец, познакомится со всеми крикачами, - говорю я, чтобы снять сексуальное напряжение, оглядываясь к Оливеру и Финну, затем указывая на моих друзей с широко раскрытыми глазами, рядом со мной. - Это Лорелей, и Харлоу.

Они обмениваются рукопожатиями, но остаются подозрительно тихими. Обычно, я единственная, кто не общается с парнями в таких ситуациях. Я обычно та, кто удерживает Харлоу от подсаживания за стол к кому-нибудь, с кем она познакомилась несколько минут назад, в то время как Лола, считает в порядке вещей, избить любого парня, который посмеет заговорить с нами. Должно быть, они слишком ошеломлены, чтобы знать, как отреагировать.

- Вы искали нас? - Интересуюсь я. Ансель пожимает плечами.

- Возможно, мы обошли пару разных мест, просто заглядывая.

За ним, Оливер - тот, который в очках - показывает семь пальцев, и я смеюсь.

- Пару?

- Нет более трех, - говорит Ансель, подмигивая.

Я замечаю движение позади него, и, прежде чем у меня есть шанс, чтобы сказать что-то, Финн ступает вперед, пытаясь стянуть штаны Анселя. А он даже не моргнув, спрашивает меня:

- Что ты пьешь? - И просто хватает свой пояс, не выглядя даже немного удивленным или раздраженным.

Как будто я, не вижу значительную часть серых боксеров. Как будто я, не уставилась прямо туда, где была отчетливая выпуклость под хлопком.

вернуться

4

Cerise - Вишенка.

вернуться

5

свинжамка - неологизм придуманный автором. Свинка + пижамка = свинжамка. Пижама Мии с рисунком в виде свинок.

Это то, чем занимаются мальчики?

- Приятно видеть тебя снова в нижнем белье, - говорю я, изо всех сил сдерживая улыбку.

- Почти, - уточняет он. - По крайней мере, мои штаны на мне в этот раз.

Я мельком смотрю вниз, огорченная, что не могу получить другое зрелище его загорелых бедер.

- Это спорно.

- Последний раз, когда Финн сделал это, они были не на мне. Я побил его дорожное время на этой неделе, и с тех пор, он пытается отомстить мне. - Он останавливается, вздымая брови, и кажется, только сейчас услышал, что я сказала. Он наклоняется немного, спрашивая мягким пониженным голосом.

- Ты пытаешься флиртовать со мной?

- Нет, - я сглатываю, под давлением его непоколебимого внимания. - Может быть?

- Возможно, если мои штаны спадут, то твоё платье должно задраться, - шепчет он, и никакое предложение нигде и никогда не казалось настолько грязным. - Для того, чтобы сровнять возможности.

- Она слишком горяча для тебя. - Вклиниваться Финн в разговор, стоя позади него. Ансель поворачивается, хватая рукой, лицо Финна и отворачивает его. Кивает на мой напиток, безмолвно спрашивая, что было в моем, теперь уже, пустом бокале.

Я смотрю на него, чувствуя странное тепло, распространяющееся по мне. Так *вот*, как ощущается химия. Я чувствовала это с другими артистам, но эта связь отличается от тех, что были. Обычно, химия между танцорами рассеивается за кулисами, или мы возвращаемся в реальную жизнь. Вот с Анселем мы, думаю, смогли бы зарядить огромные электроприборы энергией, искрящейся между нами.

Он берет мой бокал и говорит:

- Сейчас вернусь, - прежде чем взглянуть на Лолу, стоящую в нескольких шагах от остальных. Она наблюдает за Анселем, как ястреб, скрестив руки на груди с выражением "суровая мамочка" на лице. - С выпивкой, - говорит он ей добродушно, - по завышенной цене, разбавленная водой, возможно, с какими-то сомнительными фруктами. Ничего смешного, обещаю. Хочешь пойти со мной?

- Нет, но я наблюдаю за тобой. - В ответ выдает она. Он улыбается ей, своей самой чарующей

улыбкой, и поворачивается ко мне.

- Что-нибудь предпочтительное?

- Удиви меня, - говорю я.

Как только он отходит на несколько шагов, чтобы привлечь внимание бармена, девчонки смотрят на меня чрезмерным взглядом "Какого черта пялишься?", а я пожимаю плечами, потому что, в самом деле, что я могу сказать? Вся суть прямо перед их носом. Горячий парень и его горячие дружки находят нас в клубе, и вышесказанный горячий парень покупает мне выпивку.

Лола, Харлоу и друзья Ансея ведут вежливую беседу, но я едва слышу их, спасибо галдящей музыке и моему пульсу, который грохочет в ушах. Я стараюсь не пялиться на бар, туда, где Ансель втиснул себя между несколькими телами, но боковым зрением я вижу, его голова выше большинства других, и его длинное, худое тело, наклоняющееся вперед, чтобы сделать заказ бармену.

Он возвращается спустя несколько минут с новым бокалом, наполненным льдом, лаймами и прозрачной жидкостью, предлагая мне это с милой улыбкой.

- Джин-Тоник, верно?

- Я ожидала от тебя чего-то более захватывающего. Что-то с ананасом или бенгальскими огнями.

- Я понюхал твой бокал, - он пожимает плечами. - Я хотел, чтобы ты не мешала. Плюс, - он указывает на мое тело, - у тебя все эти девчачьи разлетающиеся вещи, которые происходят с этим коротким платьем и, - он рисует круг в воздухе указательным пальцем возле моей головы, - эти черные блестящие волосы и прямая челка. И эти красные губы. Смотрю на тебя и думаю "ловушка". - Он останавливается, почесывая подбородок, и добавляет, - На самом деле, я смотрю на тебя и думаю...

Смеясь, я выставляю свою ладонь перед ним, останавливая.

- Понятия не имею, что делать с тобой.

- У меня есть парочка предложений.

- Уверенна, есть.

- Хочешь, чтобы я озвучил их? - Спрашивает он, уверенно усмехаясь.

Я вдыхаю глубоко, чтобы успокоить дыхание, пытаюсь справиться с этим.

- Как на счет того, что сначала ты мне расскажешь немного о вашей компании. Вы все живете в Штатах?

- Нет. Мы встретились пару лет назад во время волонтерской программы здесь, переезжая из города в город на велосипеде, строя дома с небольшим бюджетом. Мы занялись этим после университета и работали, начиная от Флориды, заканчивая Аризоной.

Теперь я разглядываю его внимательней. Я не задумывалась о том, кто он и чем занимается, но это гораздо интересней, чем кучка иностранных мудаков, которые просаживают деньги в

номере Вегаса. И переезд на велосипеде из штата в штат определенно объясняет их мускулистые бедра.

- Это не то, чего я ожидала от вас.

- Наша четверка стала очень близка. Финн, Оливер, я и Перри. В этом году мы устроили воссоединительную поездку, но только из Остина до сюда. Сейчас мы старички.

Я осматриваюсь в поисках четвертого и затем выразительно приподнимаю брови, смотря на него.

- И где же четвертый?

Но Ансель пожимает плечами.

- В этот раз нас только трое.

- Звучит потрясающе.

Цедя свой напиток, он кивает.

- Это было потрясающе. Я в ужасе от того, что мне нужно возвращаться домой во вторник.

- Где именно находится твой дом? Франция?

Он усмехается.

- Да.

- Домой во Францию. Какое время. - Говорю я сухо.

- Поехали со мной в Париж.

- Ха. Хорошо.

Он изучает меня в течении долгого времени.

- Я серьезно.

- Ох, уверена, ты серьезен.

Он снова делает глоток своего напитка, приподняв брови.

- Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел. Также подозреваю, и самая умная. - Он немного наклоняется, шепча. - Ты умеешь жонглировать?

Рассмеявшись, я отвечаю:

- Нет.

- Жаль. - Промурлыкивает он, улыбаясь. - Ну, я должен следующие шесть месяцев пробыть во Франции или около того. Ты проживешь там со мной некоторое время, пока мы не купим дом в штатах. Я смогу тебя обучить этому потом.

- Я даже не знаю твою фамилию. - Говорю я, смеясь теперь сильнее. - Мы не можем обсуждать

уроки жонглирования и еще сожительство.

- Моя фамилия Гийом. Мой отец француз. Моя мать Американка.

- Ги.. что? - повторила я, колеблясь с акцентом. - Я даже не уверена, знаю ли, как правильно это пишется. - Хмурюсь, прокручивая фамилию в голове несколько раз. - На самом деле, я даже не могу сказать, с какой буквы начинается она.

- Тебе нужно научиться писать ее правильно, - говорит он, показывая ямочки. - Ты, в конце концов, должна будешь подписывать банковские чеки новым именем.

В конце концов, я должна отвернуться. Мне нужно сделать перерыв от его усмешки, и от этого флирта, достигшего уровня максимальной боеготовности. Мне нужен кислород. Но когда моргаю, справа от меня, я встречаюсь с возобновленными удивленными взглядами моих друзей, уставившимися на меня, которые стоят неподалеку. Я прочищаю горло, решив не скрывать в себе то, как весело мне или как все это легко ощущается.

- Что? - спрашиваю я, показывая Лоле выражением лица "не перегибай палку".

Она возвращает свое внимание к Анселю.

- Ты разболтал ее.

Я могу ощутить ее шок, и я не хочу, чтобы это поглотило меня. Если я буду слишком много думать о том, как я свободно чувствую себя рядом с ним, это приобретет обратное действие, и я запаникую.

- Ее? - Он уточняет, указывая на меня большим пальцем. - Она не переставала болтать, не так ли?

Харлоу и Лола смеются, но мдаа, это ты-сошла-с-ума смех, Лола тянет меня немного в сторону, положив мне руку на плечи.

- Ты.

- Что я?

- У тебя только что был момент инсталюбви [6]? - шипит она. - Это пугает меня. Твои трусики еще при тебе? - Она резко наклоняется, будто проверяя.

- Мы встретились прошлой ночью, - шепчу я, потянув ее назад и пытаюсь заставить ее понизить голос, потому что даже если мы и отошли, то не на большое расстояние. Все трое мужчин слушают наш разговор.

вернуться

6

instalove - instantlove - мгновенная любовь.

- Ты встретила его и ничего не сказала нам?

- Боже, Мамочка. Мы были так заняты этим утром, и у меня вылетело это из головы, хорошо? Простой ночью их тусня была слышна через весь холл. Ты бы тоже их слышала, если бы не приняла убойную лошадиную дозу водки. Я пошла к ним и попросила быть потише.

- Нет, это был не первый раз, когда мы встретились. - Вклинивается Ансель, стоя позади меня. - Мы встретились еще раньше.

- Нет, - Настаиваю я, говоря ему выражением лица, чтобы тот заткнулся. Он не знает о защитной стороне Лолы, но я то знаю.

- Но это был первый раз, когда она увидела Ансея в нижнем белье, - добавляет Финн услужливо. - Он пригласил ее к нам.

Ее брови взлетают почти до волос.

- О, мой Бог. Я напилась? Что находится в этой штуке? - она спрашивает, всматриваясь в ее неприятно вспыхивающую чашку.

- Ох, остановись. - говорю я ей, в то время, как мое раздражение возрастает. - Я не приняла приглашение. Я не брала конфетки у роскошного незнакомца, хотя мне очень хотелось, потому что ау, взгляни на него. - Добавляю я, позволяя ей еще больше сойти с ума. - Ты обязана увидеть его без рубашки.

Ансель покачивается на каблуках, потягивая напиток.

- Пожалуйста, продолжайте, как будто меня здесь и нет. Это фантастика.

Наконец - милостиво - Лола, кажется, решает двигаться дальше. Мы все возвращаемся в наш небольшой полукруг, который имитировали ребята, и продолжили пить наши коктейли в неестественной тишине.

Или игнорируя, или не обращая внимания на неловкость, Ансель заговорил.

- И что же вы все отмечаете в эти выходные?

Он не просто говорит слова, он надувает губы, толкая их в небольшом поцелуе. Никогда раньше, у меня не было такого желания, прикоснуться к чьему-то рту пальцами. Пока Харлоу объясняет, почему мы в Вегасе, распиваем жуткие напитки и одеты в самые шлюшные платья в мире, мои глаза скользят вниз по его подбородку, затем по скулам. Вблизи, я вижу, что у него идеальная кожа. Не только чистая, но однотонная и ровная.

Единственное его щеки немного покрасневшие, постоянный мальчишеский-румянец. Он делает его моложе, чем я думала. Если бы он выступал на сцене, его бы даже не гримировали. Его нос острый, глаза идеально посажены и цвет радужки почти пугающего зеленого. Полагаю, что я была бы способна рассмотреть этот цвет даже с конца театра. Нет способа, в которым он может быть столь прекрасным, каким он кажется.

- Чем ты занимаешься помимо велоспорта и жонглирования? - спрашиваю я, и все дружно поворачиваются в мою сторону. Я чувствую, как у меня в горле взрывается пульс, но я продолжаю смотреть на Ансея, ожидая ответа.

Он ставит локти на барную стойку и обращает все свое внимание на меня.

- Я адвокат.

Моя фантазия сразу гаснет. Мой папа будет в восторге, если узнает, что я болтала с адвокатом.

- Оу.

Он хрипло смеется.

- Прости, что разочаровал.

- Я не встречала никогда до этого адвокатов, которые бы не были стариками и извращенцами. - Признаю я, игнорируя взгляды Харлоу и Лолы просверливающие дыры в моем лице. В этот момент, я уверена, они считают, как много слов я сказала за последние десять минут. Я побила свой личный рекорд.

- Поможет ли то, что я работаю в некоммерческой компании?

- Нет.

- Хорошо. Тогда я скажу правду: я работаю в самой большой и беспощадной корпоративной фирме Парижа. У меня действительно ужасное расписание. Вот почему ты должна поехать в Париж. Я бы хотел, чтобы у меня был повод приходить домой пораньше с работы.

Я пытаюсь выглядеть так, будто это не повлияло на меня, но он наблюдает за мной. Я могу практически чувствовать его улыбку. Она начиналась, как крошечный рывок в углу его рта и возрастает по мере того, как долго я притворяюсь.

- Я рассказал тебе о себе, а как на счет тебя? Откуда ты, *Cerise*?

- Я сказала тебе свое имя, ты не должен продолжать называть меня так.

- Что если мне хочется?

Реально трудно сконцентрироваться, когда он улыбается, как сейчас.

- Не уверена, что должна рассказывать тебе, откуда я. Незнакомцы опасны и всякое такое.

- Могу показать тебе свой паспорт. Это поможет?

- Возможно.

- Мы можем позвонить моей матери, - предлагает он, и тянется к своему карману за телефоном. - Она американка, и ты можешь нарваться на фантастику. Она постоянно говорит мне о том, какой я милый мальчик. Я слышу это все время.

- Верю на слово. - Говорю я, и честно, думаю, он на самом деле собирался позвонить мне, позвонить его матери. - Я из Калифорнии.

- Откуда именно? Я не американец, но слышал, что это довольно большой штат.

Я рассматриваю его, прищурив глаза, до того, как, наконец, добавить:

- Сан-Диего.

Он усмехается так, будто выиграл что-то, и я преподнесла ему эту крошечную информацию на тарелочке с голубой каемочкой.

- Ааа. И чем ты занимаешься в Сан-Диего? Твоя подруга сказала, вы празднуете выпускной. Что дальше?

- Уф... школа бизнеса. Университет Бостона. - Отвечаю я, желая, чтобы ответ перестал звучать так натянуто и заржавело для собственных ушей, будто я читаю сценарий.

Очевидно, это кажется для него также слишком, потому что впервые, его улыбка уменьшается.

- Я бы и не догадался.

Отворачиваюсь к бару, и без раздумий, опрокидываю в себя напиток. Алкоголь обжигает, и я чувствую, как тепло распространяется по телу. Слова, которые я хочу сказать, пузырятся в горле.

- Мое призвание танцевать. Балет. - Это первый раз, когда я произнесла эти слова кому-то.

Его брови взлетают, глаза скользят по лицу, затем по телу.

- Теперь я вижу это.

Харлоу косится на меня, после смотрит на Анселя.

- Вы двое такие чертовски милые.

- Это отвратительно, - соглашается Финн шепотом.

Их глаза встречаются по обе стороны от меня и задерживаются друг на друге. Возникает своего рода тихое признание между ними, будто они в одной и той же команде - их против нас - каждый пытается увидеть, какая может умертвить их друга больше всего. И я знаю, мы в полутора часа от того, как Харлоу объездит Финна в стиле повернутой пастушки [7] где-нибудь на полу. Лола ловит мой взгляд, и я знаю, мы думаем об одном и том же.

Как и предсказывалось, Харлоу поднимает рюмку в направлении Финна. В процессе, напиток проливается и скользит по ее коже. И как шикарная женщина, она наклоняется, и проводит языком по тыльной стороне ладони, прежде чем сказать, никому в частности.

- Я, вероятно, собираюсь трахнуть его сегодня.

Фин улыбается, наклоняясь ближе к ней и шепча что-то на ее ухо. Без понятия, что он только что сказал ей, но зуб даю, я никогда не видела, чтобы Харлоу краснела так сильно. Она тянется к уху и поигрывает с сережкой.

Рядом со мной, стонет Лорелей. Если Харлоу смотрит вам в глаза, когда поигрывает с серьгой, то вы будите, либо оттраханны, либо убиты. Когда Финн улыбается, я понимаю, что он уже понял, это правило и знает, что он уже на высоте.

- Харлоу, - предупреждаю я.

Ясно, Лола не может больше терпеть, потому что она хватает руку Харлоу, стаскивая ее со стула.

- Встреча умов в дамской комнате.

- Почему он называет меня Вишенкой? - Я моргаю в отражение зеркала. - Он думает, что я девственница?

- Я уверена, что он говорил о твоём рте, делающем минет. - Говорит Харлоу, подмигивая. - И если можно, то я предполагаю, что ты поразила этого французского мальчика, будто молотком по голове, сегодня вечером. Разве его акцент не самая горячая вещь, которую ты когда-либо слышала?

Лорелей уже качает головой.

- Не уверена, что Мию можно уговорить потерять голову на одну ночь.

Я заканчиваю елозить палочкой с блеском по губам и сжимаю губы вместе.

- И что же это значит? - Я не планировала потерять голову с Анселем на одну ночь. Я планировала паяниться на него на протяжении всей ночи, и потом отправится в постельку одной, где я смогла бы помечтать о том, что я другой человек, и он на самом деле меня обучит всем тонкостям коридорного секса. Но как только Лола произносит это, я ощущаю, как мятежный дух осаживает мои ребра.

вернуться

7

Повернутая пастушка - поза, где девушка сверху объезжает мужчину, повернутая спиной к нему.

Харлоу изучает меня какое-то время.

- Думаю, она права. Тебе немного трудно угодить. - Объясняет она.

- Серьезно, Харлоу? - Спрашиваю я. - Ты можешь выдать такое с каменным лицом?

Глаза Лолы недоверчиво расширяются, когда она поворачивается ко мне.

- Это не то, что я имела в виду.

- Оу, ну мне, определенно, невозможно угодить, - признает Харлоу. - Просто мне нравится наблюдать за попытками мужчин. Но у Мии это занимает около двух недель, прежде чем она будет общаться без огромного пласта неловкости.

- Но не сегодня. - Бубнит Лола.

Я бросаю блеск обратно в клатч и смотрю на Харлоу.

- Возможно, мне нравится двигаться медленно и обходить ту странную потребность, в которой люди безостановочного треплются. Ты та, которой нравится сразу же трахаться, и это

прекрасно. И я не осуждаю это.

- Ну, - Харлоу продолжает, будто я и не говорила ничего. - Ансель восхитителен, и я чертовски уверена, что от того, как он пялится на тебя, ему не нужно будет много разговоров.

Лорелей вздыхает.

- Он действительно кажется милым, и вы оба души не чаете, друг в друге, так что же произойдет? - Она складывает все обратно в свой клатч и прислоняется к раковине, к нам лицом. - Он живет во Франции, она переезжает в Бостон, который незначительно ближе к Франции, чем Сан-Диего. Если ты займешься сексом с Анселем, - говорит она мне, - это будет порочная миссионерская поза с тонной болтовни и с нежными взглядами прямо в глаза. Это будет не просто секс-на-одну-ночь.

- Вы сводите меня сейчас с ума. - Отвечаю я им.

- Тогда она может просто настоять на собачьей позе, в чем проблема? - изумлено спрашивает Харлоу.

Так как мне не нужно принимать участие в этом разговоре, я выхожу из уборной, назад в бар, оставляя их, чтобы решали остальную часть моей ночи, без меня.

Потихоньку, наши друзья метафонически испаряются в фоновом режиме, расслабляются (или пьянеют), и их смех говорит мне, что они больше не слушают все, о чем мы говорим. В конце концов, они направляются к столам блэк-джека вне бара, оставляя нас наедине только после своих "будь осторожна" взглядом мне и "не будь слишком настойчивым" взглядом Анселю.

Он заканчивает свой напиток и ставит пустой бокал на стойку.

- Что больше всего тебе нравится в танце?

Я чувствую смелость, то ли от джина, то ли от Ансея, не важно. Беру его руки в свои и заставляю его подняться на ноги со стула. Он отступает от бара и подходит ко мне.

- Уходить с головой в это, - отвечаю я, изучая его. - Быть кем-то другим.

Таким образом, я могла бы притворяться кем угодно, думаю я, в образе, делать вещи, которые я бы не сделала будучи собой, думая об этом слишком много. Ведя Ансея по коридору, я думаю о том, что мне нужно сделать глубокий вдох и сосчитать до десяти, что я и делаю.

Когда мы уже за углом и останавливаемся, он мурлыкает, и я сжимаю губы, обожая то, как этот звук заставляет сжиматься мои легкие. Это не должно быть возможным для моих ног и легких, и мозга ко всей оставленной работе в то же время. Работа моего мозга, легких и ног не возможна в одно и то же время.

- Ты можешь притвориться, что это сцена, - произносит он тихо, опираясь рукой на стену рядом с моей головой. - Ты можешь притвориться кем-то другим. Притвориться девушкой, которая привела меня сюда из-за того, что хочет поцеловать меня.

Я сглатываю, тщательно подбирая слова в моей голове.

- Тогда кем *ты* будешь сегодня?

- Парнем, который получил девушку, которую хотел, и который не горит желанием возвращаться домой.

Он не отводит взгляд, и я чувствую, что тоже не могу сделать этого, даже при том, что мои колени подгибаются. Он мог поцеловать меня прямо в эту секунду, и это было бы не достаточно быстро.

- Почему ты *привела* меня сюда? Подальше ото всех? - Спрашивает он, его улыбка медленно испаряется.

Я смотрю мимо него, через его плечо в клуб, где не на много светлее, чем где находимся мы.

Когда я не отвечаю, он наклоняется, чтобы поймать мой взгляд.

- Я задаю слишком много вопросов?

- У меня всегда занимает какое-то время, чтобы собрать слова вместе. - Отвечаю я. - Это не из-за тебя.

- Нет, нет. Соври мне. - Выдает он, придвигаясь ближе, его сердце-останавливающая улыбка возвращается. - Позволь притвориться, будто мы одни, и что это я лишил тебя дара речи.

И все же, он ожидает, когда я сформулирую слова в ответ, который я хочу дать. Но правда в том, что даже с полной чашей слов, которые я могу выбрать, не уверена, что они будут иметь значение, так как, если я скажу ему, почему захотела отвести его сюда, подальше от безопасности с моими друзьями, которые всегда способны перевести мои чувства в предложения, или по крайней мере сменить тему ради меня.

Я не нервничаю или не напугана. Я просто не знаю, как вжиться в роль, в которую я хочу сыграть: флиртующую, открытую, смелую. Может это та химия другого человека, которая заставляет тебя более или менее тянуться к нему? С Анслом, я чувствую, будто мое сердце одержимо им. Я хочу оставить свои отпечатки пальцев от его шеи и до губ. Хочу целовать его кожу, и узнать такая ли она теплая каковой, кажется, и решить нравится ли мне то, что он пил, пробуя это на его языке. Я хочу болтать с ним обо всем, при этом, не ломая голову над словами, и затем я хочу утащить его в комнату и вообще не использовать слова.

- Спроси меня снова. - Прошу я.

Его брови сдвигаются друг к другу на секунду, пока она осознает.

- Почему ты привела меня сюда?

Это тот раз, когда я не думаю, до того, как отвечаю.

- Мне хочется этой ночью пожить другой жизнью.

Его губы немного надуваются, пока он думает, и я не могу ничего поделать, кроме того, чтобы уставиться на них.

- Со мной, *Cerise*?

Я киваю.

- Я знаю, что это значит, также как и ты. Это значит "вишенка". Извращенец.

Его глаза загораются от удовольствия.

- Да, это так.

- И я надеюсь, ты догадался, что я не девственница.

Он качает головой.

- Ты видела свой рот? Я никогда не видел таких полных и алых губ.

Не осознанно, я захватываю свою губу в рот и посасываю ее. Его взгляд вспыхивает, и он наклоняется еще ближе.

- Обожаю, когда ты делаешь так. Моя очередь.

Мой голос нервный и дрожащий, когда шепчу:

- Это лишь губы.

- Это *не просто губы*. И умоляю тебя, - дразнит он, находясь так близко, что я могу почувствовать запах его лосьона после бритья. Он пахнет как свежесть и зелень, запах и резкий и в то же время успокаивающий. Он пахнет так, как я никогда еще не ощущала до этого.

- Ты красишь губы красной помадой, чтобы мужчины не замечали твой рот? И ты, конечно же, знаешь, что мы мечтаем о таком рте.

Я не закрываю глаза, когда он наклоняется и захватывает мою нижнюю губу между своими, зато *он* закрывает свои.

Его веки закрыты, и каждая частичка меня вбирает в себя хриплые звуки, которые он издает: я пробую это, чувствую, слышу, и вижу, как он дрожит напротив меня.

Он скользит языком по моим губам, затем посасывает и после отстраняется. Я осознаю, что это был не настоящий поцелуй. Это была дегустация. И очевидно он согласен:

- Твой вкус не вишневый.

- А какой же?

Он пожимает легко плечами, задумчиво поджимая губы.

- Не способен подобрать точное слово. Сладкий. Как женщины, но в то же время, все еще девушки.

Его одна рука все еще упирается в стену рядом с моей головой, но другая играет с низом моей кофточки. Я понимаю, что если хочу другой жизни этой ночью, то тогда я должна сделать это. Я не могу ходить по краю обрыва на цыпочках. Я должна прыгнуть. Мне нужно выяснить, какая девушка хочет сделать с ним то, чего хочу и я, и притвориться ею. *Она* одна на сцене. Миа наблюдает с зала.

Я тяну его руку к подолу платья, и затем под него.

Он больше не смотрит на мой рот; мы непосредственно изучаем глаза друг друга, когда я тяну его пальцы к внутренней части моего бедра. Здесь уединение - темнее и еще - за углом бара гремят пьяные голоса и тяжелые басы поп-песни. Мы скрыты, но любой мог найти нас, если бы захотел. Без каких либо призывов, он проскальзывает пальцами под ткань моего белья. Мои глаза закатываются, а голова откидывается назад к стене позади меня, пока он потирает туда сюда самое чувствительное местечко.

Я не знаю, что я сделала, или почему, меня внезапно поглотили противоречивые ощущения. Я хочу, чтобы он прикасался ко мне - *Боже, я хочу, чтобы он трогал меня* - но также, я подавлена. Я была с двумя другими парнями начиная с Люка, но всегда было больше прелюдии: поцелуи и обычные прогрессирующие сверху-вниз касания. Наличие Анселя рядом расплатило меня до лужи желания.

- Не знаю, кто больше удивлен тем, что ты только что сделала. - Шепчет он, целуя меня в шею.
- Ты или я.

Он убирает палец, но почти немедленно возвращается обратно под лучшим углом, на сей раз, просовывая всю руку под мое нижнее белье. Мое дыхание перехватывает, поскольку, он поглаживает меня мягко двумя пальцами. Он осторожен, но уверен.

- *Toutes les choses que j'ai envie de te faire...* [8]

Я сглатываю, выдыхая.

- Что ты сказал?

- Только то, какие я хочу проделать вещи с тобой. - Он целует в подбородок. - Хочешь, чтобы я прекратил?

- Нет, - говорю я, но затем паника накрывает меня. - Да. - Он застывает и сразу же теряет ритм его больших пальцев. - Нет. Не останавливайся.

С хриплым смехом, он наклоняется, чтобы поцеловать меня в шею, и мои глаза закатываются, когда он начинает двигаться снова.

Много времени уходит на то, чтобы открыть глаза. Моя голова пульсирует. Мое тело ноет. Я давя руками на виски, сдавливая их, будто так я могу собрать ее воедино. Должно быть, она развалилась на куски. Только это может объяснить эту боль.

В комнате темно, и я знаю, что за тяжелыми шторами отеля, сияет ослепительно летнее солнце Невады.

Даже если я проспала неделю, то я нуждаюсь еще в двух.

Ночь всплывает в моей голове крошечными, хаотичными кусочками. Выпивка. Ансель. Утаскивание его в коридор и ощущение его языка на моем. После, разговоры. Много разговоров. Вспышки обнаженной кожи, движений, шарящие конечности - последствия ночи оргазмов, которые продолжались один за другим.

Я вздрагиваю, тошнота накатывает на меня.

Любое движение - пытка. Чувствую синяки и истощенность, и это отвлекает меня от того, что я абсолютно голая. И одна. Есть определенные участки кожи, которые побаливают на ребрах, шее, плечах. Когда мне удастся сесть, я вижу что большая часть постели на полу, а я на пустом матрасе, будто меня выдернули из хаоса и преднамеренно положили сюда.

Рядом с моим голым бедром лежит кочек бумаги, аккуратно сложенный пополам. Почерк опрятный, и легко узнаваем, что писал иностранец. Руки трясутся, когда я быстро читаю записку.

Мия,

Я попытался разбудить тебя, но провалившись в этом, оставил тебя дальше смотреть сны. Во всяком случае, думаю, мы проспали около двух часов. Я собираюсь в душ, и после в ресторан напротив лифта позавтракать. Найди меня.

Ансель.

Меня трясет, и я не могу остановить это. Это не просто из-за бушующего похмелья или осознания того, что я провела ночь с незнакомцем и большую часть этого не помню. Это не из-за состояния номера: лампа разбита, зеркало перепачкано следами от рук, пол усыпан одеждой, подушками и - *спасибо Боже* - фольгой от презервативов. Это не из-за темных пятен от бутылки из под газировки разлитой по всему ковру в комнате. Это не из-за нежных синячков, которые я вижу на моих ребрах или постоянной боли между ноги.

Я дрожу из-за тонкого золотого ободка на безымянном пальце левой руки.

Глава 3

МЕНЯ ТРЯСЕТ, ПОТОМУ ЧТО, КАКОГО ХРЕНА ЭТО ЗНАЧИТ, ЧТО У МЕНЯ КОЛЬЦО, КОТОРОЕ ВЫГЛЯДИТ, КАК ОБРУЧАЛЬНОЕ, И ПОЧЕМУ Я НЕ МОГУ ВСПОМНИТЬ, КАК МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ? Единственная вещь, которую я помню после того, как утащить Анселя в холл прошлой ночью - это, много алкоголя... очень много... и флирт.

Вспышка беспредельной езды на лимузине.

Крики Харлоу из окна и глупая улыбочка Анселя.

Думаю, я помню, как видела целующихся Лолу и Оливера. Вспышки фотоаппарата. Утягивание Анселя дальше по коридору и секс. Много секса.

Я бегу в ванную, и мой желудок извергает все его содержимое. Алкоголь превращается в кислоту, вкус подобен стыду и сотне плохих идей наполнивших мое горло прошлой ночью.

Чищу зубы слабой и трясущейся рукой, в то время, посылаю своему отражению в зеркале самые постыдные взгляды, на которые я только способна. Выгляжу, как дерьмо, начиная с примерно семнадцати засосов на шее и груди, и, буду честной, заканчивая моим ртом, которым я сосала член на протяжении долгого времени вчера ночью.

Утоляю жажду водой из-под крана и выхожу из ванны, и натягиваю на себя рубашку из первого чемодана, о который споткнулась. Я едва могу ходить, рухнув на пол после тридцатисекундной охоты за телефоном. Когда замечаю его через комнату, подползаю к нему, только чтобы понять, что он сдох, и я без понятия как его зарядить. Прижимаясь щекой к полу, сдаюсь.

В конце концов, кто-нибудь обнаружит мое тело. Так ведь? Очень надеюсь, что в будущем, я буду вспоминать эту историю со смехом.

- Харлоу? - откликаюсь я, вздрагивая от хриплости своего голоса, запахов моющего средства и несвежей воды, исходящих от ковра, находящегося так близко к моему лицу. - Лола?

Но огромный люкс абсолютно бесшумен. Куда, черт возьми, они подевались прошлой ночью? И в порядке ли они? Картинка Лолы целующей Оливера всплывает в голове более детально: они оба стоят перед нами, освященные дешевым флуоресцентным светом. *Святой хрен, они тоже женаты?*

Почти уверена, что я снова собираюсь вывернуть свой желудок. Пользуюсь моментом, дышу через нос, выдыхая через рот, и голова сразу же проясняется, достаточно для того, чтобы встать и набрать бокал воды из-под крана. И все это для того, чтобы не облевать дорогуший номер, за который платит папа Харлоу.

Я поглощаю энергетический батончик и банан, которые обнаруживаю в мини баре, после выпиваю целую банку имбирного эля в почти два глотка. Мне никогда не удастся восполнить уровень жидкости в моем организме, я чувствую это.

В душе, я скрабирую свою ноющую кожу, бреюсь и отмываю все трясущимися пост-похмельными руками.

Миа, ты - катастрофа. По этой причине ты и отстойный пьяница.

Худшая часть не та, как ужасно я себя чувствую, или какой беспорядок я устроила.

Худшая часть - это та, в которой я хочу найти его также сильно, как и Харлоу с Лолой.

Хуже всего - это крошечный завиток беспокойства, который я ощущаю, зная, что сегодня понедельник, и сегодня мы должны уехать.

А нет! Пойдите! Худшая часть - это то, что я идиотка!

Обсушившись в ванной, я одеваюсь в джинсы и топик, ища на матрасе его записку. Его аккуратный, каллиграфический почерк направлен в потолок и в мои мысли проскальзывает тоненькая ниточка воспоминаний, мои руки на одетой груди Ансея, выталкивающие его из ванной, сажусь на туалетную крышку со стопкой бумаги и шариковой ручкой. Для написания письма? Полагаю...для...себя?

Но я нигде не могу найти его. Его нет под огромной кучей одеял на полу, нет и под разбросанными диванными подушками в гостиной, нет также и в ванной или вообще в этом люксовом хаосе. Оно должно быть тут. Я только один раз писала сама себе письмо, единственное, что направляло меня в тяжелейший момент в моей жизни.

Если письмо с прошлой ночи существует, то это значит, что я должна отыскать его.

вернуться

8

Все, что я хочу сделать с тобой...

После самой тошнотворной и тревожной поездки в лифте в истории, я, наконец, добралась на нижний этаж. Я замечаю парней за столом в ресторане, но Харлоу и Лолы нет с ними. Они спорят, кажется, каждую минуту, что на самом деле означает немного другую версию обнимашек на диване. Они кричат и жестикулируют, выходя сердито, но затем они начинают смеяться. Ни один из них, кажется, не отошел еще от грандиозного, немного преступного веселья, чувствую, как мои плечи расслабляются самую малость, удостоверившись в том, где бы ни были Харлоу и Лорелей, они в безопасности.

Замявшись у входа, я игнорирую бойкую хозяйку, которая спросила у меня несколько раз, нужен ли мне столик. Моя головная боль вернулась, и будем надеяться, однажды, мои ноги начнут двигаться, и она отстанет. Ансель поднимает взгляд и видит меня, его улыбка исчезает на секунду, но затем ее подменяет что-то более сладкое, чем улыбка. На меня находит радостное облегчение. Он показывает все, открывая словно на ладони. Финн и Оливер оглядываются через плечо и смотрят на меня. Финн что-то говорит, но я не слышу этого, до того, как он стучит дважды костяшками пальцев по столу и отодвигает кресло.

Ансель встает из-за стола, как и его друзья, подходит ко мне.

- Г-где, - начинаю я, но останавливаюсь, выпрямляю плечи, и продолжаю, - где Харлоу и Лола?

Оливер указывает подбородком на лифт в холле.

- Спааат. Мож быт в душее.

Я щурюсь на австралийца.

- Ааа?

- Спят, - переводит Финн со смешком. - Может быть в душе. Его акцент не такой сильный, если он не с похмелья. Я скажу им, что ты здесь.

Приподнимаю брови в ожидании, желая узнать, есть ли еще информация, которой они хотят поделиться.

- И? - спрашиваю я, обернувшись, а затем обратно, смотря между ними.

Брови Финна сдвигаются друг к другу.

- И...?

- Мы все поженились? - спрашиваю я, ожидая, что он скажет мне "Неа, это все игра. Мы выиграли эти дорогие золотые кольца, играя в блек-джек!".

Но он кивает, выходя менее обеспокоенным, чем я.

- Угуу. Но не беспокойся, мы исправим это. - Он оборачивается к Анселю, смотря на него намекающим взглядом.

- *Исправим?* - Повторяю, и о Боже, это так ощущается insult?

Финн опять разворачивается ко мне, тянет руки ко мне, кладет их на мои плечи и смотрит на

меня с драматическим сочувствием. Когда я смотрю за его спину на Ансея, я вижу его... моего мужа?... глаза горят забавой.

- Знаешь ли ты, кто такой Броуни?

Я снова смотрю на Финна, не полностью уверенная в то, что услышала его правильно.

- Эээ...кого?

- Броуни, - повторяет он. - Парень из "Мое маленькое пони".

- Даа, окей. - *Какого...?*

Он наклоняется вперед, сгиная колени, таким образом, наши лица находятся на одном уровне.

- Я спрашиваю тебя об этом, не потому что мужчина, за которого ты вышла замуж прошлой ночью в пьяном угаре - это Броуни, а потому что он думает, что вся идея Броуни чудесна.

- Не уверена, что я в теме. - Шепчу. Я все еще пьяна? Может он? В какой чертов мир я попала этим утром?

- Он также однажды принял ванну из желе, потому что кто-то отважился поспорить с ним, и ему было любопытно. - Говорит Финн мне. - Он любит открывать винные бутылки только с помощью обуви и стены. А когда мы исчерпали наличные в Альбукерке, и ресторан не принимал кредитные карты, он заплатил за наш обед, танцуя в небольшом захудалом стриптиз-клубе, который находился по близости.

- Мне нужно выпить кофе, прежде чем я пойму хоть что-нибудь из того, что ты только что сказал. - Выдаю я.

Но Финн игнорирует это.

- Он заработал около семисот долларов той ночью, но это не на моей совести.

- Ладно? - я снова смотрю на Ансея. Он, никаким образом, не мог слышать, о чем мы говорим, но он определенно знает этого парня хорошо, поэтому ему и не нужно слышать нас. Он откровенно смеется.

- Моя задача - сохранить это все в голове, когда ты поговоришь с ним. Ансель влюбляется во все, что он видит. - Когда он говорит это, моя грудь необъяснимо сжимается. - Это то, что я люблю в этом парне, но вся его жизнь в основном... - Он смотрит на Оливера для поддержки.

Оливер выуживает зубочистку изо рта.

- Энтузия? - Предлагает он, вернув зубочистку в рот.

- Интуиция. - Финн похлопывает меня по плечу, будто мы подводим конец здесь, будто этот разговор имеет какой-либо гребанный смысл. Он обходит меня. Оливер кивает, серьезно. Свет неоновых лампочек отражается в его очках, и я моргаю, мне интересно, облежаться снова было бы предпочтительней разговора, и я уверена, что это произойдет в скором времени. О чем они вообще говорят? Я едва могу вспомнить, как ходить, не говоря уже о том, как справиться с мыслью, что я возможно законно замужем за парня, который любит все в жизни, включая Броуни.

Мой живот нервно сжался, когда я проскользнула между двумя столами и подошла к столику, за которым сидел Ансель, улыбаясь мне. Однако, пока многие минуты мы были разделены... или пока я была в отключке... я забыла какой эффект он производит вблизи. Нервные окончания, кажется, поднимаются на поверхность кожи, жажда касаний его рук.

- Утро доброе, - приветствует он. Его голос хриплый и тягучий. У него под глазами темные круги и его кожа немного бледная. Учитывая, что он бодрствует больше, чем я, разглядывать его, думаю, не улучшит мое состояние в лучшую сторону в течение нескольких часов.

- Доброе утро. - Я колеблюсь у края стола, не уверенная, что готова сесть. - О чем говорил Финн?

Он взмахивает рукой, отклоняя вопрос.

- Я увидел, что ты идешь и заказал тебе апельсиновый сок и то, что вы американцы любите называть кофе.

- Спасибо. - Когда я сажусь, я резко вздыхаю из-за пульсирующей боли между ног, и в реальности, наша дикая ночь безумного... и может быть немного грубого... секса, ощущается, как третий человек за столом. Я вздрагиваю, содрагаясь всем телом, и Ансель замечает это. И это вызывает ответную комичную реакцию: он краснеет, опуская глаза на отметины, которые он оставил по всей моей груди и шее. Я пытаюсь прикрыть горло дрожащими руками, желая, чтобы я взяла с собой шарф в пустыню, летом, что звучит смешно, и затем он раздражается смехом. Я роняю голову на мои скрещенные руки на столе и мычу. Я больше никогда не буду пить.

- Об укусах... - Начинает он.

- Об этом.

- Ты умоляла меня кусать тебя.

- Правда?

- Ты была очень конкретной, - и он усмехается. - И будучи джентльменом, коим я и являюсь, я с радостью выполнил просьбу.

- Ох.

- У нас явно была дикая ночка.

Подымаю голову, благодарю официантку, когда она ставит чайник с кофе рядом со мной.

- Подробности потихоньку возвращаются.

И наконец, они все вернулись: мы врываемся в гостиничный номер, смеясь и падая на пол из кафеля в прихожей. Он, играючи, переворачивает меня, проверяя наличие царапин, целуя вдоль шеи, спины, бедер. Раздевает меня пальцами, зубами и словами, при этом целуя кожу. Менее ловко, я сбрасываю с него одежду, нетерпеливо сорвав с него рубашку.

Когда я смотрю вверх и встречаюсь с ним глазами, он трет шею, виновато улыбаясь мне.

- Если что, я тоже чувствую сегодня любые признаки, нашего, ммм... времяпровождения.

Мое лицо вспыхивает, и в тоже время, мой желудок делает кульбит. Это не первый раз, когда я слышу такой комментарий.

- Извини, моему телу... трудно угодить. Люк усердно работал, чтобы мы занялись этим, и в начале, иногда мне приходилось симулировать оргазм, чтобы он не чувствовал себя проваленным.

О, боже мой, неужели я на самом деле сказала это вслух?

Ансель морщит нос, выражение, которое я еще не видела, и это - изображение очаровательного замешательства.

- Что? Ты же не робот, иногда для этого требуется время. Я наслаждался выяснением того, как доставить тебе удовольствие. - Он морщится, выглядя еще более раскаивающимся. - И боюсь, что тот, кто был требовательным, был я. Я нажрался. Кроме того... мы хотели больше и больше после каждого раза... Я чувствую себя так, будто сделал приблизительно миллион упражнения на пресс.

Как только он выдает это, я понимаю, что это правда. Даже сейчас, мое тело ощущается, словно инструмент, на котором искусно играли часы напролет этой ночью, и кажется, мое желание исполнилось: я получила *другую жизнь* на ночь. Жизнь женщины с диким, внимательным любовником. Под дымкой моего похмелья, я чувствую себя растянутой и обработанной по полной, удовлетворение, которое достигает середины косточек и закоулков моего мозга.

Помню, как несусь к дивану из гостиной, позже, когда Ансель заканчивает то, что начал в прихожей люкса. Ощущение его рук, когда он отодвигает мое белье в сторону, скользя пальцами туда-сюда по моей чувствительной, разгоряченной коже.

- Ты такая мягкая, - шепчет он между поцелуями. - Нежная и влажная, я боюсь, что слету с катушек от этого маленького, сладенького тела. - Его рука дрожит, и он замедляется, потянув мое нижнее белье вниз по моим ногам и снимая их, бросает на пол. - Сначала, я заставлю тебя раствориться. Потому что, когда войду в тебя, знаю, я потеряю себя. - Продолжает он, посмеиваясь и щекоча мои бедра, покусывая подбородок, в то время, как его рука путешествует вниз по животу, к середине моих бедер. - Скажи, когда станет офигенно.

Я сообщила ему об этом почти немедленно, когда его палец надавил на клитор, двигаясь из стороны в сторону, пока я не начала дрожать, и умолять, и не тянуться к его штанам. Я неловко залезла рукой туда, не расстегивая штаны, желая только почувствовать его пульс в руке.

Вздрагиваю, от того, что мое тело помнит первый оргазм, и как он не унимался, вытягивая еще один из меня, пока я не оттолкнула его, скатилась с дивана и взяла его в рот.

Но я не помню, чем это закончилось. Думаю, он кончил. Внезапно, я начинаю паниковать.

- В гостиной, ты...?

Его глаза расширяются, прежде чем в его глазах вспыхивает веселье.

- О чем ты думаешь?

Моя очередь морщить нос.

- О чем?

Он наклоняется, опираясь подбородком на кулак.

- Что ты помнишь?

Ох, маленький трахальщик.

- Ты знаешь, что произошло.

- Может я забыл? Может, я хочу услышать это от тебя.

Я закрываю глаза, и мои мысли возвращаются к ковру, впивающемуся в мои голые колени, так как изначально, я приспособилась к его ширине в моем рте, его рукам в моих волосах, его подрагивающим бедрам под моими ладонями.

Когда я открываю глаза, он все еще наблюдает за мной, и сразу же всплывает именно то воспоминание, как выглядело его лицо, когда он в первый раз кончил на мой язык.

Тянусь к своему кофе, поднося его к губам, и делаю огромный, обжигающий глоток.

А потом я помню, как мы перебрались в спальню, Ансель дико целовался и вылизывал каждый сантиметр моего тела, сосал и кусал. Я помню, как мы рухнули с кровати на пол, снеся при этом лампу. Я помню, много часов спустя, как наблюдала, как он раскатывал презерватив на себе, его голый торс нависший надо мной. Не думаю, что я, когда-либо, чувствовала себя такой падкой на что-то такое, как его вес придавливающий меня сверху. Он был идеален: скользя осторожно, даже будучи пьяным, покачиваясь маленькими и идеальными движениями, пока я не начала неистовствовать под ним. Помню стон, который он издал, когда он начал приближаться к концу, перевернув меня животом на матрас, проходясь зубами по моей шее. Оставляя одну из многих отметок.

Ансель разглядывает меня через стол, а его рот растягивается в крошечной знающей улыбке.

- Ну? Что я?

Я раскрываю рот, чтобы ответить, но его озорный взгляд, возможно мы оба вспомнили момент, когда он прижал меня к стенке, вновь толкаясь в меня грубо. Где мы были, что аж очутились у стены? Помню, какой грубый секс был потом, что картина в нескольких метрах на стене сотрясалась, как я говорила ему о том, как чувствую себя идеально. Помню звук падающих и разбивающихся бокалов возле бара, как он скользит своей грудью по моей от пота. Помню, его лицо, его руку, прижатую к зеркалу позади меня.

Но нет, это был другой раз.

Иисус, сколько раз мы занимались сексом? Чувствую, как мои брови приподымаются.

- Вау.

Он выдыхает в свой напиток, и дымка вьется перед ним.

- Хм?

- Да, я предполагаю, что ты... *наслаждался*. Мы, должно быть, много раз наслаждались.

- Где было твоим любимым? Гостиная, кровать, пол, кровать, стена, зеркало, барная стойка, пол?

- Шшш, - шикаю я, поднося бокал к губам для следующего глотка более осторожного. Я улыбаюсь в кружку.

- Ты странный.

- Думаю, моему члену нужен гипс.

Я смеюсь, кашляя, горячий кофе почти полилось из моего носа.

Но когда я подношу салфетку ко рту, улыбка Анселя пропадает. Он пялится на мою руку.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо в кубе. У меня на пальце все еще кольцо. Я не вижу его рук, так как они под столом, и безбашенный секс, который был у нас прошлой ночью, официально, последний из моих проблем. Мы даже не начали обсуждать реальный вопрос: как расхлебывать последствия пьяной ночки? Как исправить. Это намного проблемнее, чем кончать, используя презервативы и неловко прощаться. Дикая ночка юридически не обязательна, если вы не настолько глупы, чтобы пожениться.

Почему же я не сняла кольцо, как только заметила его?

- Я н-н-не... - Начинаю я, и он моргает. - Я не хотела потерять его. В случае, если оно настоящее или... принадлежит кому-то.

- Оно принадлежит тебе. - Отвечает он.

Я отворачиваюсь, глядя на стол, и замечаю два обручальных кольца там, между солью и перцем. Это мужские кольца. Одно из них его? О Боже.

Я начинаю стягивать свое, но Ансель тянется через стол, успокаивая меня, и поднимает другую руку, его палец все еще украшает кольцо.

- Не смущайся. Я тоже не хотел потерять его.

Это слишком странно. То есть для меня слишком странно. Ощущение, будто тебя утягивает волной. Паника охватывает меня от осознания, что мы женаты, и это не игра. Он живет во Франции, я через пару недель переезжаю в другой город. Мы облажались. И боже, я не могу хотеть этого.

Я сошла с ума? И сколько будет стоить все это? Я отодвигаюсь от стола, нуждаясь в воздухе и друзьях.

- Что все делают с этим? - спрашиваю я. - Остальные? - Как будто мне нужно объяснять, кого я имею в виду.

Он проводит рукой по лицу, и смотрит через плечо, будто ребята все еще могут быть здесь.

Повернувшись ко мне, он говорит.

- Думая, они встречаются в вестибюле. И тогда, предположу, вы, девушки, направитесь домой.

Домой. Стон вылетает из меня. Три недели проживания с моей семьей, где даже

очаровательные мальчишеская болтовня моих братьев, играющих в Икс-бокс, не может заглушить отцовское занудство. И затем снова стон вылетает из меня: мой отец. Что если он узнает об этом? Будет ли тогда он оплачивать мою квартиру в Бостоне?

Ненавижу зависеть от него. Ненавижу делать что-то, что вызывает его ухмылку, которую он натягивает, говоря мне о том, что я налажала. Также ненавижу то, что меня может вырвать прямо сейчас. Паника закипает в моем животе, а моя кожа вспыхивает. Мои руки липкие, а на лбу выступает холодный пот. Нужно найти Лолу и Харлоу. Нужно уходить.

- Мне вероятнее всего следует отыскать девчонок и пойти собираться, до того, как мы... - Я неопределенно махаю в сторону лифта и встаю, чувствуя себя больной совсем по другим причинам.

- Миа, - зовет он меня и тянется к моей руке. Выуживает из кармана тоненький конверт и смотрит на меня. - У меня есть кое-что, что я должен отдать тебе.

И вот мое потерянное письмо.

Глава 4

После несчастного случая, я едва плакала в больнице, все еще считая все это кошмаром. Была другая девушка, не я, которая проехала на пересечении Университетской и Линкольн на велосипеде за неделю до выпуска из школы. Та, которая была сбита кем-то на грузовике, который не потрудился остановиться на красный цвет.

Та, другая Миа размолотила таз и сломала свою ногу так, что кость прорвалась через кожу бедра.

Первые несколько дней я была в ступоре и шоке. Боль притупилась за счет безостановочной капельницы. Но даже сквозь дымку, я была уверена, что все это было определенной ошибкой. Я была балериной. Я совсем недавно была принята в Школу балета Джофри. Даже когда комнату наполнили рыдания моей матери, а доктор описывал степень моих травм, я не плакала... потому что это была не я.

Он был не прав, мою медкарточку перепутали, он рассказывал о другом человеке. Мой перелом был минимален. Возможно, вывихнуто колено. Кто-то более квалифицированный придет в любую минуту и объяснит все. Просто обязан.

Но никто не пришел, к утру меня выписали, и я столкнулась лицом к лицу с действительностью жизни без танцев... В мире не существовало столько морфина, который смог бы оградить меня от правды. Нога была разрушена... а вместе с этим и мое будущее, над которым я работала всю свою жизнь.

Заикание, с которым я боролась большую часть моего детства, вернулось, а мой отец - который тратил больше времени на рассчитывание шансов, насколько моя карьера танцора станет прибыльной, нежели посещал мои выступления - был дома, притворяясь, что в душе не празднует это.

На протяжении шести месяцев я едва говорила. Делала то, что должна была: двигалась дальше. Я выздоравливала снаружи, пока Лола и Харлоу наблюдали за мной, обращая внимания на мою поддельную улыбку и брекеты.

Я и Ансель подходим к тому же углу, к которому я привела его вчера.

Утром, здесь, несомненно, светлее и менее уединенно, но я почти не замечаю этого, сверля глазами конверт, который он вручил мне. Он без понятия, какое значение несет это, последний раз, когда я писала себе письмо было в день, когда я решила снова заговорить, в день, когда я уговорила себя, что ничего страшного в том, что ты оплакивала вещи, которые потеряла, но настало время двигаться дальше.

Я села, написав все те вещи, которые боялась сказать вслух, и медленно начала принимать мою новую жизнь. Вместо переезда в Чикаго, как я всегда планировала, я перепоступила в Калифорнийский Университет Сан-Диего, и наконец, сделала то, что отец посчитал достойным: закончила его с отличием и была приглашена в самые престижные бизнес-школы страны.

По крайней мере, у меня был выбор из программ. Я всегда задавалась вопросом, подсознательно ли я пыталась уехать подальше, как только могла, от него и аварии.

Конверт помят и истрепан, сложен пополам, и вероятно, его вытаскивали из кармана туда-сюда много раз, напоминая мне большую часть письма, которое я читала и перечитывала на протяжении многих лет. У меня déjà vu. [9] Один угол был испачкан в чем-то, а так же, поцелуй из моей помады был на другой стороне, но он все еще отлично заклеен, уголок не был отклеен даже не на чуть-чуть. Он не пытался его вскрыть, хотя судя по его тревожному выражению лица, он определенно рассматривал это.

- Ты сказала отдать тебе это сегодня, - говорит он спокойно. - Я не читал его.

Конверт достаточно толст, тяжел, а еще напичкан так, что ощущается, будто там сотня страниц. Но когда я открываю его и вижу, осознав, что это из-за того, что мой почерк просто огромен, а еще "пьяно танцует". Я вместила примерно двадцать слов на каждой узкой бумаге, предоставленной отелем. Я что-то пролила ни них, и несколько страничек немного порваны, будто я едва могла сложить их правильно перед тем, как плюнуть на это и запихнуть их грязной кучей в конверт.

Ансель наблюдает за мной, в то время, как я сортирую их и начинаю читать. Я могу практически чувствовать его любопытство, в том месте, где его глаза остановились на моем лице.

"Привет тебе, Миа. Мне. Себе." - Начинается. Подавляю усмешку. Помню волнение от этого момента, сидя на туалетной крышке и изо всех сил пытаюсь сосредоточиться на ручке и бумаге.

"Ты сидишь на туалете, пишешь письмо себе, чтобы прочитать позже потому что пьяна достаточно, зная, что ты не вспомнишь многое завтра но не на столько пьяна чтобы ты не могла писать. Но я знаю тебя, потому что ты -это я, и мы обе знаем, что ты не умеешь пить и твою память отбивает напрочь когда ты напиваешься джином. Так давай же я напомним тебе:

он Ансель.

ты целовалась с ним

он на вкус как лимон и скотч

ты засунула его руку в свое белье и потом

вы болтали часами на пролет. да, болтали. я болтала. мы. мы рассказали ему все об аварии и о нашей ноге твоей моей.

это сбивает с толку". - Я забыла об этом. Поднимаю глаза на Ансея, румянец, покаявая, приливает к моим щекам. Чувствую, как мои губы тоже вспыхивают, и он замечает это, и его глаза застилают пеленой.

Я была так пьяна, когда писала это. - Шепчу я.

Он просто кивает, а затем кивает на листки, будто не хочет, чтобы я отвлекалась, даже на него.

"ты рассказала ему что не любишь разговоры но любишь движение

ты рассказала ему все о танцах до несчастного случая и о жизни без танцев после

рассказала о том как это, оказаться в ловушке, под горячим двигателем

о двух годах физиотерапий, и попытках танцевать "ради веселья" после

рассказала о Люке и о том, как он сказал, такое чувство будто старая Миа умерла под грузовиком

рассказала о отце, и как была уверена в том, что он измениться

о Брое и Джеффе которые вырастают из милых детишек в тупиц

о том, в каком ты ужасе от осени и переезда в бостон

на самом деле ты сказала 'хочу любить всю свою жизнь так же сильно, как и любила эту ночь' и он не рассмеялся над тем как глупо ты звучала

и вот самая странная часть

готова?"

Закрываю глаза, немного покачиваясь. Я не готова. Так как это воспоминание всплывает в моих мыслях, победа, безотлагательность, облегчение. Я не готова вспомнить, как с ним я чувствовала себя в безопасности, и как прост он был. Я не готова осознать, что он стал свидетелем чего-то, чего еще никто не видел за всю мою жизнь до этого. Я глубоко дышу и смотрю вниз на письмо.

"ты не заикалась. ты ЛЕПЕТАЛА."

Почитав это, я встречаюсь глазами с Анселем, будто ища подтверждения в них, но он не знает, о чем говорится в письме. Его глаза расширяются, когда он исследует мое выражение лица, едва сдерживаясь от того, чтобы не заговорить. Помнит ли он все, о чем я ему поведала?

" вот почему ты сделала ему предложение и он ответил 'да' так быстро с этой пьяной улыбочкой, будто это было самой лучшей идеей которую он слышал, поэтому, конечно же, мы должны были пожениться! Теперь, ты осведомлена, но я хотела написать это первым из-за того, что ты можешь и не помнить об этом, поэтому я тебе и написала это.

не будь душой. он может оказаться прекрасным человеком, которого ты, когда либо знала.

целую

Мине. ты еще не переспала с ним. но хочешь. сильно. Пожалуйста, займись с ним сексом. ты

спросила его о том, что вы ребята собираетесь заняться этим и он сказал 'посмотрим'. ./ "

Складываю листы так аккуратно, как только могу и засовываю их обратно в конверт дрожащими руками. Такое ощущение, что мое сердце увеличилось в два раза в размере, возможно, соединилось с другим, новым, которое предпочитает стаккато [10] паники. Удвоенные удары пульсируют и отражаются в моей груди.

- И? - спрашивает он. - Ты знаешь, я умираю от любопытства.

Я написала его до того, как мы... - Я поднимаю руку, показывая простое золотое кольцо. - Последний раз, когда я писала себе письмо... - Начала я, но он уже кивнул. Чувствую, что кружусь под тяжестью этого.

-Знаю.

- И я сделала тебе предложение? - Предполагаю я, удивленная, на самом деле тем, что предложение вообще поступило. И это было не просто пьяным бредом. Помню, как он дразнил меня накануне ночью, что я должна поехать с ним во Францию, но все это нужно было обсудить и спланировать. Найти машину, сказать направление. Требуется, чтобы мы подписали документы, заплатили, выбрали кольца, затем произнесли клятвы достаточно связно, чтобы убедить кого-то, что мы не были пьяны в стельку. Я даже немного впечатлена последней частью.

вернуться

9

dejavu - психическое состояние, при котором человек ощущает, что он когда-то уже был в подобной ситуации, однако это чувство не связывается с конкретным моментом прошлого, а относится к прошлому в общем.

вернуться

10

Staccato (стаккато, итал. - отрывисто, от staccare - отрывать, отделять) - короткое, отрывистое исполнение звуков, чётко отделяющее их друг от друга.

Он снова кивает, улыбаясь.

- И ты ответил 'да'?

Слегка наклонив голову, его губы прорисовывают каждое слово.

- Конечно.

Но ты даже не был уверен, хочешь ли заняться со мной сексом?

Он уже качает головой.

- Серьезно, я хотел трахнуть тебя еще, когда увидел в первый раз, двумя ночами назад. Но в

последнюю ночь, мы были жутко пьяны. Я не... - Он отворачивается в сторону холла. - Ты пошла писать себе письмо, так как боялась, что забудешь, зачем ты сделала предложение. И ты действительно забыла это. - Он приподнимает брови, ожидая от меня подтверждения того, что он попал в точку. Я киваю. - Но мы вернулись в отель, и ты была такой прекрасной, и ты... - Он выпускает дрожащий вздох. Такой прерывистый, представляю, что могу видеть, как он частями вырывается из его рта. Ты *хотела* этого. - Он наклоняется ближе, оставляя быстрый поцелуй. - Я *хотел* этого.

Я сдвигаю ноги, желая узнать способ, как отлепить свои глаза от его лица.

- Мы занимались сексом, Миа. Мы занимались им часами, и это был самый лучший и интенсивный секс в моей жизни. И видишь? Есть детали, которые ты до сих пор не помнишь.

Я не могу вспомнить каждое прикосновение, но мое тело определенно помнит. Я могу ощутить его кончики пальцев, которые вытатуировались по всей моей коже. Синяки, которые я вижу, а также и невидимые следы: отголоски его пальцев в моем рту, их блуждание по моим ногам и скольжение внутри меня.

Но какими бы опьяняющими воспоминания не были, я действительно не хочу ничего из этого обсуждать. Хочу знать, что он помнит до свадьбы, до секса, до того, как я бросила ему свою жизнь на колени. Занятие сексом с незнакомцем странно для меня, но не неслыханно. Что для меня колоссально, так это открыться кому-то настолько сильно. Даже Люку, я никогда не говорила о некоторых вещах.

- Видимо, я много тебе вчера выболтала. - Говорю я, до того, как начинаю посасывать и покусывать свою нижнюю губу. По-прежнему немного щиплет, и крошечная, дразнящая вспышка воспоминания о его зубах, языке и пальцах, атакующих мой рот, всплывает в голове.

Он ничего не говорит, но его глаза путешествуют по моему лицу, как будто он ожидает от меня понимания, которого он добился часами ранее.

- Я рассказала тебе о Люке? И о своей семье?

Кивок.

- И о своей ноге тоже?

- Я *видел* твою ногу. - Напоминает мне он спокойно.

Ну, конечно же, он видел шрамы тянущийся от бедра до колена, и крошечные следы от швов вдоль длинной, серебристой раны.

- Поэтому тебя трясет? - Спрашивает он. - Потому что я видел твою голую ногу? Потому что касался шрамов?

Он знает, что это не поэтому. Улыбка растягивает его рот, говоря мне о том, что он знает мой секрет, и злорадствует. Он помнит все, даже его уникальное достижение: лепечущая Миа.

- Должно быть - это джин. - Говорю я.

- А я думаю, это был я.

- Я была пьяна в стельку. Мне кажется, я просто забыла, как нервничать.

Его губы так близко, что я вижу их тень на моем подбородке.

- Это был я, *Cerise*. Ты по-прежнему не заикалась этим утром.

Опираюсь на стену позади себя, нуждаясь в пространстве. Это не только удивление обнаружить, что я такая раскованная с ним. Это опьяняющее давление его внимания, необходимость ощущать его руки и рот на себе. Это головная боль, которая возвращает в реальность, где я замужем. Что бы ни случилось, я должна разобраться со всем и единственным, чего я желаю вернуться обратно в постель.

- Чувствую себя немного странно из-за того, что рассказала тебе все, при том, не зная о тебе ничего.

- У нас предостаточно времени, - говорит он, увлажняя языком свои губы. - На самом деле, пока смерть не разлучит нас.

Он должно быть издевается. Я смеюсь, радуясь тому, что мы, наконец, можем быть игривыми.

- Я не могу оставаться замужем за тобой, Ансель.

- В действительности, - шепчет он, - можешь. - Его губы нежно прикасаются к уголку моего рта, а его язык проскальзывает через губы, чтобы распробовать вкус моих.

Мое сердце пропускает удар и застывает.

- Что?

- 'Хочу любить всю свою жизнь так же сильно, как и любила эту ночь'. - Цитирует он.

Мое сердце проваливается, рассыпаясь в животе.

- Я понимаю, как это звучит, - говорит он немедленно, - и я вполне нормален. Но ты взяла с меня обещание, что я не позволю тебе свести себя с ума. - Он медленно качает головой. - И, еще потому что я обещал, не давать тебе аннулирование. По крайней мере, пока не начнутся занятия осенью. Я обещал, Миа.

Я отступаю и сморю в его глаза, прямо перед тем, как он наклоняется и прижимается своими губами к моим. Чувствую, что должна быть более осторожной во всей этой ситуации, но его эффект, который он производит на меня, не уменьшается, ни из-за того, что я с похмелья, ни из-за тревожной действительности того, что мы сделали.

Он посасывает мои губы, втягивая в свой рот, а затем его язык проскальзывает в мой рот, и на вкус он как апельсиновый сок, вода и виноград. Его руки сжимают мои бедра, он наклоняется ниже, целуя меня глубже, дразня меня с хриплым стоном.

- Пойдем обратно в номер, - выдыхает он. - Позволь мне почувствовать тебя снова.

- Миа! - голос Харлоу прорезается через весь холл, который воняет несвежим запахом сигаретного дыма. - Святое дерьмо! Мы искали тебя на протяжении всего утра! Я уже начала волноваться, что ты могла валяться в сточной канаве или где-то в этом роде.

Лорелей и Харлоу быстро пересекают холл, и Харлоу останавливается около нас, согнувшись и опираясь руками на колени.

- хорошо, больше никаких забегов. - Стонет она. - Мне кажется, меня сейчас стошнит.

Мы все ждем, тревожно осматривая помещение в поисках ведра, или полотенца, или, возможно, выход, чтобы быстро смыться.

Наконец, она выпрямляется, качая головой.

- Ложная тревога.

И реальность опускается занавесом молчания, в то время, как Лола и Харлоу неуверенно изучают нас.

- Ты в порядке, Миа? - спрашивает Лола.

Прикосновение Ансея и его предложение, в котором мы должны остаться женатыми, моя головная боль, мой желудок, все это бунтует и ведет заговор против меня с целью заставить захотеть скатиться на пол и свернуться в крошечный калачик сумасшествия.

Меня даже не волнует грязный ли ковер.

- Ничего, что не смогла бы решить небольшая смерть.

- Мы можем украсть ее ненадолго? - Харлоу спрашивает Ансея, и ее голос удивляет меня. Харлоу не спрашивает до того, как берет, никогда.

Он кивает, но прежде чем я уйду, он пробегает рукой вниз по моей и прикасается к колечку на моем пальце. Он не произносит ни слова, но этим крошечным прикосновением он просит меня не уезжать отсюда, не поговорив с ним.

Лола ведет меня по коридору в вестибюль, туда, где находится скопление огромных кресел в тихом углу. Каждый из нас плюхается в кресло из шикарной замши, теряясь ненадолго в своем собственном убогом похмелье.

- Итак. - Начинаю я.

- Итак. - Они вторят в унисон.

- Какого черта случилось прошлой ночью? - спрашиваю я. - Как так получилось, что никто не сказал "Вау, наверно, нам не стоит жениться всем разом?"

- Уф, - вздыхает Харлоу. - Я знала, что мы были превосходны.

- И во всем виноваты семь сотен шотов, что мы выпили вчера. - Бубнит Лола.

- В моем случае виноват впечатляющий член Финна. - Харлоу делает глоток из бутылки с водой, в то время, как мы с Лолой стонем в унисон. - Я серьезно. - Настаивает Харлоу. - Позвольте мне вам сказать, парнишка то в некоторых вещах властное маленькое дерьмо.

- Аннулирование. - Напоминает ей Лола. - Ты все еще можешь ударить его, когда вы одни.

Харлоу потирает лицо.

- Точно.

- Что случилось с Анселем? - спрашивает Лола.
- Очевидно, куча всего. - Инстинктивно, поглаживаю свою нижнюю губу. - Не уверена, что мы вообще спали. И расстроена тем, что не помню всего, но уверена, мы успели попробовать все.
- Анал? - Харлоу спрашивает благоговейным шепотом.
- Нет! *Боже*. Десять долларов в Шлюшную Банку. - Говорю я ей. - Ты такая извращенка.
- Бьюсь об заклад, Французский мальчик мог добиться этого. - Выдает Харлоу. - Выглядишь так, будто тебя приперли к стене.

Воспоминания клубятся как дым передо мной, крошечными струйками в воздухе.

Его плечи,двигающиеся надо мной, кулаки сжимающие наволочку под моей головой.

Резкое клацанье его зубов, когда я провожу языком по головке его члена.

Мои руки, прижимающиеся к огромному зеркалу, ощущение его горячего дыхания на задней части шеи, прежде чем он толкается внутрь.

Его голос, шепчущий, *Laisse-toi aller, pour moi* [11]. Кончи для меня.

Прижимаю свои ладони к глазам, пытаюсь вернуться в настоящее.

- Что произошло с тобой и Оливером? - Интересуюсь я у Лолы, пытаюсь переключиться на что-то другое.

Она пожимает плечами.

- Честно, к тому времени, как мы покинули часовню, мы оба начали трезветь. Харлоу создавала шум в ихнем люксе. А Ты и Ансель в нашем..

- Простите, - бормочу я.

- Всю оставшуюся ночь мы гуляли по Стрип, болтая.

- Правда? - спрашивает Харлоу удивленно. - Но он был таким сексуальным. И у него есть Австралийский акцент. Я бы хотела услышать, как он произносит "Оближи мой член".

- Еще пять в Шлюшную Банку. - Говорит Лола.

- Как ты понимала то, что он говорил? - Интересуюсь я, смеясь.

- Не знаю, его речь ухудшается, когда он бухой в хлам. - Признается она, откинув голову назад на огромное кресло. - Он очень хороший. Это странно, девчонки. Знаете ли вы, что он открывает магазин комиксов? Из нас троих, я - та, которая должна быть поражена кулаком Бога. Я имею ввиду, он сексуален, высок и, до смешного, неуклюж, что конечно же вы знаете, является моим криптонитом. И мы уже согласовали все вопросы о нашем аннулирование, пока ожидали лимузин, который должен был забрать нас после церемонии.

Все это кажется немного сюрреалистичным. Я ожидала от выходных загорание, выпивку, танцы и общение со своими лучшими друзьями, но не занятие лучшим сексом в моей жизни и утро уже в качестве Миссис. Кручу кольцо на пальце и смотрю во круг себя, осознавая, что я

единственная, кто носит его.

Харлоу тоже замечает это.

- Мы встречаемся с ребятами в час, чтобы вместе отправится в часовню для аннулирования.

Ее голос тяжелеет и жалит, будто она уже знает, что к моей ситуации примешан дополнительный уровень чувств.

- Хорошо. - Соглашаюсь я.

Ловлю Лолу за разглядыванием меня.

- Это совсем не звучит, как 'хорошо'. - Говорит она.

- Что Ансель сказал тебе в холле?- Спрашивает Харлоу. Ее суждение, словно другой человек, заседающий в кругу стульев с нами, глядя мрачно на меня со скрещенными руками на его груди. - Он поцеловал тебя. Он не должен был целовать тебя *сегодня*. Мы все должны слегка ужаснуться, и начать восстановление забавных деталей о ночи когда-мы-однажды-все-разом-поженились-в-Вегасе, которыми мы будем делиться в последующие тридцать лет. Никаких милостей или поцелуев, Миа. Только похмелье и раскаяние.

- Ммм...? - Мычу я, почесывая висок. Я знаю, что Харлоу займет твердую позицию при упоминании о чувствах в ситуации как эта, но у меня они есть. Мне нравится он.

Также мне нравится, как он смотрит на меня, и как наполняет мой рот своим. Хочу помнить, какие он издает звуки, когда трахает меня жестко, и ругается ли он на французском или на английском, пока кончает. Хочу сидеть на диване в баре снова, и на этот раз, пусть он болтает.

Станным образом, я думаю, если бы мы не поженились прошлой ночью, у нас было бы больше шансов исследовать это, совсем немного.

- Иисус, Миа, - бубнит Харлоу под нос. - Я люблю тебя, но ты убиваешь меня.

Я игнорирую ее давление, чтобы ответить вслух. Я понятия не имею, как Лола будет реагировать на мою нерешительность. Она далека от живи-и-позволь-жить-другим, чем Харлоу, попадая в спектр где-то между мной и Харлоу в плане одобрения случайного секса. Из-за этого, и из-за того, что ни один из нас никогда не выходил замуж за человека из другой страны - и на самом деле это будет очень смешно когда-нибудь - Лола, вероятно, более сдержанна в ее реакции, таким образом, я направляю свой ответ ей.

- Он сказал, мы можем... остаться женатыми. - Там. Кажется это неплохой способ испробовать его.

Тишина возвращается ко мне.

- Я *знала* это, - шепчет Харлоу.

Лола остается заметно тихой.

- Я написала себе письмо, до того как мы сделали это. - Объясняю я, желая действовать осторожно. Из всего мира, эти две девушки хотят для меня только лучшего. Но я не знаю, не будет ли им больно, если они узнают, что странным образом я чувствую себя в безопасности с Анселем.

- И? - подталкивает Харлоу. - Миа, это важно. Ты не могла *сначала* рассказать нам про это?

- Знаю, знаю, - соглашаюсь я, откидываясь в кресло. - Думаю, я рассказала ему все о своей жизни. - Они обе знают значение этого, потому не комментируют, ожидая, когда я закончу. - И я болтала на протяжении должно быть часов. Без заикания, без фильтрации.

- Ты действительно болтала долго. - Лола выглядит удивленной. Харлоу прищуривает глаза.

- Ты же не серьезно рассматриваешь оставаться замужней, - говорит она, - с незнакомцем, которого встретила прошлой ночью в Вегасе, и который живет за пять тысяч миль отсюда.

- Ну и как же это может не звучать так сомнительно, когда ты говоришь про это так?

- А как бы ты хотела, чтобы я сказала это, Миа? - Выкрикивает она. - Ты совершенно потеряла свои мозги?

Потеряла ли? Да, полностью.

- Думаю, мне просто нужно больше времени. - Говорю я ей, вместо ответа на вопрос.

Харлоу подскакивает, озираясь вокруг, будто ища кого-то в вестибюле, кто мог бы помочь убедить ее лучшую подругу в том, что она не выжила из ума. А напротив меня, Лола просто изучает мое лицо с прищуренным взглядом.

- Ты уверена? - спрашивает она.

Из меня вырывается смешок.

- Я не уверена ни в чем из этого.

- Но ты уверена, что не хочешь аннулировать это сейчас?

- В любом случае, он сказал, что не даст мне аннулирование сегодня, так как пообещал мне, что не сделает этого.

Ее брови скрываются под ее челкой, а она откидывается в кресло удивленная.

- Он *пообещал* тебе?

- Это то, что он сказал. Я заставила его поклясться мне.

- Это самая забавн... - Начинает Харлоу, но Лола прерывает ее.

- Ну, парень только что получил пару очков от меня. - Отводит она взгляд, и тянется к Харлоу, положив руку на предплечье в успокаивающем жесте.

- Идемте, конфетка. Миа, мы скоро вернемся, соберем вещи и отправимся домой, хорошо?

- Вы издеваетесь? Мы... - Харлоу начинает, но Лола обрывает ее взглядом. - Хорошо.

На расстоянии, я вижу Оливера и Финна через стеклянные двери, которые ожидают Лолу и Харлоу рядом со стоянкой с такси. Анселя нигде не видно.

- Хорошо, удачи с становлением незамужними. - Говорю я с легкой улыбкой.

- Тебе повезло, что я люблю тебя. - Харлоу откликается через плечо, ее каштановые волосы взлетают вокруг нее, когда Лола утаскивает ее прочь. - Иначе, я бы убила тебя.

Вестибюль кажется слишком тихим после их ухода, и мне интересно, наблюдает ли Ансель в каком-нибудь темном углу за мной, видя, что я не пошла вместе с ними. Но его здесь нет. И я без понятия, где он. Он - единственная причина, почему я осталась здесь. Даже если у меня его номер мобильного, то у меня нет моего телефона. И даже если бы он и был со мной, то я не знаю куда подевался зарядное от него. Мне, пьяной, определенно стоит лучше следить за вещами.

Так что единственное, о чем я могу думать, это подняться в номер, принять душ, упаковаться, и попытаться создать хоть какую-то видимость порядка.

Шаг внутрь, и вспышки ночи, кажется, начинают вторгаться в комнату. Закрываю глаза копя глубже, жаждущая больше деталей.

вернуться

11

Отпусти это, ради меня.

Его руки на моей заднице, груди, бедрах. Медленно глядящие мою внутреннюю часть бедра. Его рот приклеивается к моей шее, оставляя засосы на коже. Мои мысли обрываются тихим стуком в дверь.

Конечно же, это он, и выглядит так, будто только из душа, и я ощущаю противоречивые чувства. Он проходит мимо меня в комнату и садится на кровать с краю.

Он упирается локтями в колени и смотрит на меня сквозь волосы, которые упали ему на глаза. Даже частично скрытые, они так выразительны, что я ощущаю, как волоски на моих руках встают дыбом.

Без какого-либо вступления или разминки, он выдает:

- Думаю, тебе стоит полететь во Францию на лето.

У меня есть тысяча аргументов, которые крутятся на языке для ответа на абсурдность его предложения. Первое, я не знаю его. Также, я не знаю французского. Билеты заоблачно дороги, и где я буду жить? Чем я буду заниматься все лето, живя с незнакомцем во Франции?

- Я переезжаю в Бостон через пару недель.

Но он качает головой.

- Ты не обязана переезжать туда, пока не наступит август.

Чувствую, как мои брови взлетают. Похоже, я *рассказала ему каждую деталь моей жизни*. Не

пойму, впечатлена ли я тем, что он помнит все это, или раскаиваюсь, что заставила его выслушать так много. Я наклоняю голову, ожидая. Большинство девушек, что-нибудь ответили бы на это. Роскошный мужчина предлагает что-то очень удивительное, а я просто жду, что же он еще хочет сказать.

Облизав губы, он кажется довольным, зная, что он не дал мне чего-то, на что я должна отвечать.

- Просто выслушай. Ты можешь жить в моей квартире. У меня отличная работа, и я могу позволить себе обеспечивать тебя едой и жильем на лето. Я работаю реально очень много, и это правда. Но ты можешь просто... - Он опускает взгляд на пол. - Ты можешь наслаждаться городом. Париж - один из самых красивых городов, *Cerise*. Существует бесчисленное количество вещей, которыми можно заняться. Твои последние несколько лет были тяжелыми, и может, беззаботное лето во Франции сделает тебя счастливой. - Снова посмотрев на меня, он тихо добавляет. - Со мной.

Обхожу кровать и сажусь на нее, прокладывая достаточное расстояние между нами. Горничные уже заменили постельное белье, устранили хаос, который устроили мы. Так легко притворится, что прошлая ночь была чьей-то чужой жизнью.

- Это, правда, что мы не знаем, друг друга, - признает он. - Но я вижу твою нерешительность на счет Бостона. Ты переезжаешь туда, чтобы убраться подальше от отца. Ты переезжаешь туда, чтобы продолжать двигаться вперед. Возможно, тебе стоит сделать паузу, и *вздохнуть*. Делала ли ты это хоть раз за те четыре года, которые прошли с момента аварии?

Я хочу, чтобы он продолжал, так как я решила, хотя и не знаю его достаточно хорошо, чтобы влюбиться в него, но этого достаточно для того, чтобы любить его голос. Я люблю его насыщенный твердый тембр с тягучими гласными и соблазнительными согласными. Его голос танцует. Этот голос не мог звучать грубо или резко. Но как только эта мысль промелькнула в голове, я вспомнила, это не правда. Я помню, как он звучал прошлой ночью, когда был совершенно требовательным:

Положи свои руки на стену.

Не заставляй меня ждать, Cerise.

Покажи, как сильно тебе нравится ощущать меня своим языком.

У меня нет ответа на его предложение, поэтому я и не даю его ему. Просто подползаю к подушке и ложусь на спину, измотанная. Он присоединяется ко мне, ложась плечом к плечу, прежде чем я поворачиваюсь к нему, скользя руками по его груди и волосам. Его тело вызывает тактильную память: насколько я могу обернуть его руками, как он чувствуется под моими ладонями. Я зарываюсь носом в углубление между шеей и плечом, вдыхая его свежий запах океана, который пробивается сквозь запах гостиничного мыла.

Ансель поворачивается лицом ко мне, целуя шею, подбородок, и губы, но только один раз и он задерживается на них, проделывая все это с открытыми глазами. Его руки скользят по моей спине, по изгибу моей попки к моему бедру и нижней, задней части моего колена, где он тянет ногу на свое бедро, затаскивая меня на себя. Между ног, я чувствую, как желаю его. Также, я чувствую его длину и давление. Но вместо разговоров, мы проваливаемся в сон. Когда я просыпаюсь, то на пустой подушке обнаруживаю клочок бумаги. Он оставил свой мобильный номер и обещание того, что прибудет в любой момент, если я буду нуждаться в нем, но его нет.

Интересно, сколько тысяч двигателей проезжали от Вегаса до Калифорнии по горячему ветру, который просачивается в драндулет с женщинами с похмелья, и их сожалением, которое зависло в воздухе, как и последний унылый аккорд, который проигрывает диск.

- Мне нужно съесть что-нибудь жирное, - стонет Харлоу, и Лола съезжает с шоссе, паркуясь "У Денни".

После жареного сыра и картошки фри, Харлоу начинает:

- Я не понимаю, почему ты просто не согласилась аннулировать брак, пока мы были там. - Она обмакивает картошку в кетчуп, и затем бросает ее в свою тарелку, выглядя так, будто испытывает тошноту. - Теперь тебе придется вернуться сюда, или пройти через сложный процесс вне штата. Расскажи мне каждую деталь, которая прекратит мое желание дать тебе по лбу.

Если быть объективными, то Ансель удивительный, а секс был явно смешным, но она знает, что я не такая легкомысленная, чтобы хороший секс смог натолкнуть меня на опрометчивые решения. Поэтому, дело и дошло до письма.

Я никогда не вела дневник. Я едва писала Харлоу, когда она гостила у отца за границей, который был на съемках. Но я читала, другое письмо после несчастного случая так много раз, что бумага стала тонкой, как засушенный листок, а чернила стали почти невидимыми. Писать письма для меня немного странно, это словно духовное снисхождение, хотя думаю, это не правильно, придавать этому значение, которое я намерено сделала, когда писала его.

- Что ты собираешься делать? - Задает вопрос Лола, когда я заканчиваю рассказывать им каждую грязную мельчайшую подробность, которую могла вспомнить об этой ночи.

Пожимаю плечами.

- С этого момента по сентябрь буду пытаться понять, почему я захотела замуж за этого человека. Потом, скорее всего, аннулирую брак.

Глава 5

Лола подбрасывает меня до дома. И я нахожу своих братишек в гостиной, которые режутся в Xbox, а папа вручает мне бокал вина, как только я выхожу на веранду.

- За нашу замечательную дочь, - произносит он тост, поднимая свой бокал в воздух. Он снисходительно улыбается мне, притягивая Маму ближе к себе, а позади них закат создает прекрасный фон, и я уверена, он был бы рад увидеть этот момент, запечатленный в рамку. - Я верю, что твои сумасшедшие выходные выдались на славу, и, как твой отец, я не хочу слышать ни одной подробности об этом. - Он улыбается своей маленькой шутке, и я бы посчитала ее забавной, если бы наша история не была бы такой опасной. - И надеюсь, что твое будущее будет, ни нечто иным, нежели концентрацией и успехом.

Я чокаюсь с его бокалом без энтузиазма, и, наблюдая за его лицом, пока он осматривает меня. Я принимала душ дважды, но все еще выгляжу, как смерть, выраженная в черную футболку и рваные джинсы. Его взгляд перемещается к моему рту, шее, где я пыталась скрыть укусы и бордовые засосы серым трикотажным шарфом. Улыбка отца сразу превращается в гримасу

отвращения, но, кажется, он не заметил мое обручальное кольцо. Осторожно, я скользнула рукой в карман, от греха подальше.

Он ставит свой бокал на барную стойку и отступает от мамы.

- Женщины, которые преуспевают в бизнесе - *леди*, - выдавливают он это, сквозь сжатые зубы, и я ощущаю капельку удовлетворения, зная, как он наслаждался этим моментом. Я была ничем, как кроме самой ответственностью и амбициозностью последние четыре года, и поэтому у него почти не было возможности критиковать меня. Но сейчас он в своей стихии. Мой отец любитель по части оскорблений, а не похвал.

- Мы съездили в Вегас отпраздновать наш выпуск, Пап. Мы не стали проститутками. - *Нет, Миа, ты просто вышла замуж за незнакомца.*

- Ты должна будешь много работать, до того, как заслужишь свое место в Бостонском Университете. Как бы сильно я не одобрял идею тебя в качестве танцора на всю оставшуюся жизнь, по крайней мере, я восхищался твоими амбициями. Теперь, вскоре после выпуска из колледжа, ты заявляешься домой, выглядя как... - Он качает головой. - Даже, не имею понятия, чем ты там занималась. Ни один человек не захочет работать на шлюху, которая является на работу с распухшими губами и засосами, и от которой несет так, будто пила дни напролет. Приведи себя в порядок, Миа.

Мама шокировано вздыхает, и смотрит на него, будто возражает против этой абсурдной тирады. Но ее настрой улетучивается, когда он встречается с ней глазами в вызове. Он проносится, как ураган, забывая о своей "Мимозе". Мама остается, просто сказав:

- Ооо, милая.

- Не надо, мам. Я в порядке.

Не хочу, чтобы она выбирала меня. Скоро я уеду, и жизнь будет для нее намного проще, когда она будет непосредственно в "Команде Дэвида". Она смотрит на меня противоречивым взглядом, и после удаляется в дом вслед за папой.

Задвижная стеклянная дверь закрывается слишком сильно, но я все еще могу слышать отца.

- Она научится когда-нибудь хоть чему-то? Она упустит эту возможность только через мой труп.

Оглядываю совершенный двор моей мамы - безупречный газон, буйно засаженные клумбы, девственно-белый забор - и чувствую себя уродливым сорняком посреди всего этого. Я всегда чувствовала себя здесь не в своей тарелке. И теперь, я ощущаю себя полным аутсайдером.

Открытые ворота зоопарка Сан-Диего самое большое привлечение для толпы. Но за Домом Рептилий и мимо амфитеатра "Вэгерфорсская чаша", есть множество экспонатов, которые мало посещают, и тут почти все время тихо, даже когда зоопарк переполнен туристами. Это всегда было моей любимой метафорой "найти тишину в хаосе". И это место, где я могу все обдумывать.

В начале дня, во вторник, я проскользнула мимо туристов и семей с зелеными пластиковыми колясками, которые выдает зоопарк на входе, и повернула налево мимо экспонатов фламинго, направившись в мое тайное местечко. Мне нужно подумать о том, что я возьму в Бостон, и смогу ли я организовать все так, что бы переехать на следующей неделе, а не через три.

Нужно подумать о том, кем мне устроится: официанткой, пекарем, продавцом, бизнес ассистенткой. Может танцовщицей в клубе, просто ради того, чтобы послать отца на хрен через всю страну. Мой мозг сразу отсеивает мысль о непосредственной работе инструктором по танцам. Отключаю извилины и иду к моей любимой скамейке, сажусь и вздыхаю тяжело и долго. Мне определенно не стоит думать о том, что сегодня в любое время, Ансель может лететь в Париж.

- Ты права, - глубокий, знакомый голос слышится неподалеку. - Эта часть зоопарка безлюдна.

Не верю своим ушам. Открываю глаза, и вижу Ансея, идущего по асфальтированной дорожке. Он опускается на скамейку и вытягивает руку на спинку, положив ее позади меня. Пальцы его правой руки располагаются на моем плече.

У меня нет слов.

Это знакомое чувство, но по абсолютно не понятным причинам. У меня нет слов от шока, а не стеснения.

- К-к-к...- начинаю я, сжимая закрытые глаза.

Он ждет, терпеливо, кончиками пальцев распространяя тепло по коже и поглаживая ее.

- Что ты здесь делаешь? Как ты узнал...

- Ты рассказала мне, что это место для размышлений. Ты сказала, что любишь эту часть зоопарка, и я соглашусь с этим, - отвечает он, осматриваясь, - я не понимаю этого вообще. Бетон и спящие ящерицы. Я здесь уже около часа? - Он наклоняет голову и тепло улыбается, как будто он не жуткий сталкер. - И еще я здесь потому, что не могу быть от тебя в дали, Миа. Ты моя жена.

Мои глаза, должно быть, расширились от ужаса, так как он взрывается смехом, он убирает руку, наклоняется и упирается ею на бедра.

- Извини. Это было не хорошо. Я в Сан-Диего, потому что мой вылет сегодня ночью отсюда. Оливер встречается с архитектором, чтобы реконструировать свой магазин и это последний раз, когда мы видимся друг с другом на некоторое время. Мы приехали вместе вчера вечером, и сегодня я пришел сюда, надеясь, что ты правда, приходишь в это место все время, чтобы подумать. И возможно еще, чтобы самому разобраться в мыслях. - Добавляет он, смотря на меня и мило улыбаясь. - Клянусь, я пошутил.

- Ты пришел сюда в поисках меня, - напоминаю ему и немного отодвигаюсь.

Он лезет в свой задний карман и отдает мне сложенный лист бумаги. Я разворачиваю его и понимаю, что это копия нашего свидетельства о браке.

- У тебя не было даже копии. Ты даже не знаешь, как правильно пишется моя фамилия. Я бы позвонил, но даже если я оказался достаточно умным, чтобы оставить тебе мой номер, я осознал, что не спросил твой.

Чувствую себя полной идиоткой. Он изменил свои планы, чтобы удостовериться, что у меня есть это, а я не могла даже написать ему свой номер.

- Спасибо, - говорю я тихо.

- Конечно.

Придвигаюсь, кладу свою руку на его плечо, и когда адреналин в моей крови утихает до спокойного гула, я осознаю, какой нелепо смешной становлюсь, когда вижу его.

- Так, подожди, Оливер открывает магазин в Сан-Диего? - Безусловно, думаю, Лола не знает о том, что его магазин будет в *нашем городе*.

Он кивает, притягивая мою руку и целуя ее.

- Он приехал сюда на несколько недель. В любом случае, я хотел убедиться, что у тебя будет это, до того как ты переедешь. - Он кивает на бумагу, которую я сжала в руке, и затем встает. - Не хотел отправлять тебе домой это по почте, и чтобы твой отец узнал об этом. - С трудом сглатываю, ошеломленная тем, каким продуманным он был. - Я собираюсь обратно в отель, чтобы немного отдохнуть. У меня впереди очень долгий перелет.

- Во сколько твой вылет?

Он отворачивается, брови сдвигаются вместе, пока он думает.

- Около одиннадцати?

Он засовывает руки в карманы, и перед этим я замечаю, что он не снял кольцо. Он смотрит на мою руку и видит, что и я до сих пор ношу свое.

- Моя почта - это мое имя и фамилия вместе в XMail. - Говорит он. - Мы можем обговорить все в сентябре.

- Хорошо, - отвечаю я, кивая.

Он наклоняется и целует меня в макушку, шепча:

- Я пробуду в Хилтон Бэйфронт примерно до восьми. Также я купил билеты в Париж для тебя туда и обратно. - Стоя, он пожимает плечами, и огромная улыбка расплывается на его лице, в то время как моя челюсть падает на асфальт. - Что я могу сказать по этому поводу, я - оптимист. Или ненормальный. В зависимости от того, кого ты об этом спросишь.

Он может быть безумным, но эта задница выглядит чрезвычайно хорошо, когда он уходит.

Сиж у моей ящерицы в бетонном приюте какое-то время, затем собираюсь идти домой и немедленно отказываюсь от этой мысли. Размышляю над тем, чтобы отправиться к Лоле и потусоваться с ней и Грегом за ужином, но уверена, она выложила своему папе все подробности нашего безбашенного уик-энда. Без сомнений, он «ржал как конь», и я действительно не хочу быть сентиментальной занудой. Подумываю, направиться в район Харлоу в Ла-Хойя, но даже если, глупое времяпрепровождение на пляже звучит удивительно, искренняя любовь и преувеличенное внимание всего семейства Вега обеспечат слишком явный контраст по отношению к странности моей собственной семьи.

Поэтому я еду в центр города.

Ансель открывает дверь и его лицо озаряется огромной улыбкой, которая начинает медленно угасать, когда видит, что я с пустыми руками, без чемодана. Ничего, кроме моей крошечной сумки через плечо.

- Я не могу отправиться с тобой во Францию, - начинаю я, смотря на него с широко раскрытыми глазами. Мой пульс ощущается барабанной дробью в горле. - Но и домой я пока не хочу возвращаться.

Он отступает, впуская меня. Я бросаю свою сумочку на пол и оборачиваюсь, наблюдая за ним. Есть только одна причина, почему я здесь, в номере отеля, и думаю, мы оба знаем это. Просто претвориться влюбленными любовниками как кино, придя в отель для последней ночи вместе. Я не должна быть храброй, когда это ощущается так безопасно. Он уезжает. Это становится почти игрой. Спектаклем. Ролью.

Не знаю, какая Миа берет вверх над моим телом, но я отгораживаюсь от всего, кроме того, как это, чувствовать близость с этим парнем. Я делаю шаг к нему, а он встречает меня на полпути, запуская руки в мои волосы и накрывая мои губы своими. Океан и зелень, и еще мой увядающий запах на его одежде.

Его вкус, ох... Хочу почувствовать себя наполненной им, чтобы все остальные мысли растворились от его страсти. Хочу, чтобы его рот был везде, посасывая меня. Люблю, как он любит мои губы, как, после одной ночи вместе, его руки уже знают мое тело.

Мы пятимся, губы, язык, зубы все это на моих скулах, губах, подбородке. Я падаю назад, когда мои ноги достигают кровати.

Он хватается за кромку платья и решительно срывает его с меня, обнажая, затем заводит руки мне за спину и избавляется от моего лифчика легким движением пальцев. Он заставляет меня почувствовать, будто я - что-то, что можно разоблачить, что-то, чем можно насладиться. Я - вознаграждение в конце его волшебного трюка, скрытое под бархатной накидкой. Его глаза пожирают меня, и я вижу его нетерпение: рубашка отброшена на другой конец комнаты, пальцы дергают ремень, звук языка, желающего вкусить меня.

Ансель бросает срывать с себя одежду, вместо этого встает коленями на пол, между моих бедер, раскрывая меня, целуя меня через ткань трусиков. Он нетерпеливо покусывает и всасывает в рот, посасывает и облизывает, прежде чем он стаскивает последний кусочек одежды с меня вниз по ногам.

Я вздыхаю, когда он наклоняется, накрывая самый чувствительную часть моего тела, проводя языком медленно и протяжно. Его дыхание словно крошечные вспышки огня, когда он целует клитор, лобок, бедра. Я привстаю, опираясь на локти, и наблюдаю за ним.

- Скажи мне, чего ты желаешь, - говорит он, его голос хриплый напротив моего бедра.

С этим, ко мне приходит слабое осознание, что он заставлял меня кончать его руками и телом, но не ртом. Из-за этого у меня появляется потребность заполучить это, и мне интересно, как долго он пытался, прежде чем я теряла терпение, утягивая его вверх и заполучая его в себя.

Правда в том, что я не уверена чего хочу. Оральный секс всегда был знаком стоп для продвижения куда-либо. Один из способов, чтобы сделать меня влажной, это воссоздать карту

моего тела. Никогда ничего не закончится, пока я дрожу, потею и ругаюсь.

- П-сососи, - отвечаю я, гадая.

Он открывает рот, посасывая идеально, но потом становится слишком интенсивно.

- Не так сильно. - Я закрываю глаза, набираясь храбрости, чтобы сказать ему. - Как ты посасываешь мои губы.

Теперь он попал в точку, и я опрокидываюсь на матрас без единой мысли, мои ноги раздвигаются шире, и от этого он становится необузданнее. Его ладони покоятся на внутренней части моих бедер, твердо удерживая их открытыми, звуки рвутся из меня, вибрируя внутри.

Одна его рука покидает меня, и я чувствую, как он меняет позу, ощущаю, ее перемещение. Опираюсь на локти, смотрю вниз, и вижу, что он прикасается к себе, в то время, наблюдая за мной, в глазах пылает огонь.

- Позволь мне, - шепчу я, - ощутить твой вкус.

Не знаю, откуда происходят эти слова. В данный момент, я - не я. Возможно, я никогда и не была самой собой рядом с ним. Он кивает, но не перестает двигать рукой. Люблю это. Люблю то, что это совсем не странно или под запретом. Он теряется во мне, он тверд, он движется на встречу к своему собственному наслаждению, пока ведет меня к моему.

Когда он целует, посасывает, и облизывает с таким безудержным голодом, я боюсь, что не смогу кончить, и его усилия будут потрачены в пустую. Но потом, я начинаю ощущать тяжесть, конец чего-то, что стремительно нарастает, все быстрее и быстрее с каждым его выдохом напротив моей кожи. Мои руки скользят в его волосы, бедра толкаются к нему.

- Ооо, Боже.

Он стонет, рот нетерпелив, глаза широко раскрыты и взволнованы.

Я наслаждаюсь натяжением моих сухожилий, напряжением мышц, и тем, как кровь с бешеной скоростью бежит по венам и кипит. Чувствую, как она вьется, распространяется, проносится по моим конечностям, взрываясь между ног. Хватаю ртом воздух, охрипшая, в бесчувственном состоянии, безмолвная и издающая пронзительные звуки. Отголоски моего оргазма кружат между нами, когда я плюхаюсь на подушку.

Чувствую себя как под наркотой. Усилием воли, я отталкиваю его от того, где его губы прижаты к моему бедру, чтобы сесть. Он путается в своих ногах, брюки расстегнуты и спущены низко на бедра. Смотрю на него, и при свете, который льется из ванны, вижу, какой его рот мокрый из-за меня... будто он был на охоте, будто поймал меня и вкусил.

Он вытирает все лицо о предплечье и подходит ближе к кровати, а я наклоняюсь вперед и беру его в рот.

Он громко и с отчаянием выдает:

- Уже близко.

Это предупреждение. Чувствую это в толчках его бедер, в напряжено-опухшей головке его

члена, и в том, как он удерживает мою голову, будто хочет отстраниться и продлить это, но не может. Он трахет мой рот, это кажется нормальным, и после только шести резких выпадов к моему языку, зубам и губам, он задерживается глубоко внутри и кончает с низким, хриплым стоном.

Вынимаю его изо рта, и он проводит трясущимся пальцем по моим губам, когда я сглатываю.

- Так приятно, - он выдыхает.

Падаю на кровать, ощущая, как мышцы полностью расслабились после моего безумного входа в комнату. Они будто налились свинцом и онемели, и я ничего не ощущаю, кроме остатка наслаждения между ног и улыбки.

Комната окрасилась в цвет фуксии вечерним солнцем, которое светит в окно. Ансель навис надо мной на твердых руках, тяжело дыша. Чувствую, как его взгляд ползет по моей коже, делая остановку на моей груди, и он улыбается, когда, в то же время, я ощущаю, как твердеют мои соски.

- Я пометил все твое тело той ночью. - Он наклоняется, дуя на одну грудь. - Извини.

Я смеюсь и игриво дергаю его за волосы.

- А звучит, будто тебе не жаль.

Он усмехается, и снова отстраняется, восхищаясь своей работой, незнакомый инстинкт, скрестить руки на груди, подкрадывается ко мне. Мое миниатюрное тело было выгодно для танцев. Небольшая грудь была не помехой. И в обнаженном мире секса, я не могу и думать о том, чтобы увеличить мой второй.

- Что ты делаешь? - спрашивает он, убирая мои руки и снимая штаны. - Слишком поздно быть застенчивой со мной сейчас.

- Я чувствую себя крохой.

Он смеется.

- Ты и так кроха, *Serise*. Но я обожаю каждый крошечный дюйм тебя. Я не видел твоей кожи уже на протяжении часов. - Сгибаясь, он обводит языком мой сосок. - Я обнаружил, что у тебя очень чувствительная грудь.

Подозреваю, что у меня становится все чувствительным, когда он касается меня.

Он накрывает ладонью одну грудь, пока посасывает другую, а его язык выводит небольшие, медленные, поглаживающие круги. И это оживляет восхитительную пульсацию между ног.

Думаю, он знает это тоже, так как рука, захватившая мою грудь, начинает спускаться к ребрам, пересекая живот, к пупку и ниже, между ног, при этом он не перестает работать языком.

И затем, его пальцы оказываются там, двое из них надавливают, кружа в том же ритме с языком, между ними, будто потянулась прочная связь, натягиваясь все сильнее и сильнее, разгораясь все больше и больше. Приподымаюсь над кроватью, хватаю его за голову и умоляю хриплым голосом, чтобы не останавливался, *пожалуйста, пожалуйста*.

Если это продолжится в том же духе, то боюсь, я развалюсь на части, растаю на кровати или вообще растворюсь в ничто, затем он мурлычет над моим соском, увеличивает давление пальцами и ослабляет напор на мгновение, пока спрашивает меня:

- Позволишь ли ты мне еще раз послушать тебя?

Не знаю смогу ли выдержать это. Но я не смогу выжить без этого.

С ним, я звучу хрипло и раскованно, кажется, не сдерживаю слова удовольствия, и это происходит абсолютно без единой мысли. Я предлагаю все, мои звуки поощряют его, пока он отчаянно сосет, выгибаюсь в его руках и выкрикиваю...

Почти

Почти

Три пальца врываются в меня, а верх ладони задевает клитор. Удовольствие так интенсивно, что граничит с болью. Может, зная, как это просто и хорошо, я должна отпустить, или сделать, что-то безумное, чтобы удержать это. Мой оргазм продолжается так долго, несколько раз проходя через мое тело самым интенсивным удовольствием. Он затягивается, и Ансель отрывается от моей груди и двигается к моему лицу, целуя и всасывая в себя все звуки, издаваемые мной. Это продолжается, пока Ансель шепчет мне о том, что я - самая прекрасная девушка, которую он когда-либо видел.

Мое тело затихает, и поцелуи замедляются, пока они не превращаются в легкие скольжения губ о губы. Я, на вкус, как он, а он, на вкус, как я.

Ансель склоняется над кроватью, вытаскивая презерватив из кармана джинсов.

- Сильно болит? - спрашивает он. Вопрос повисает в воздухе.

Мне больно, но не думаю, что когда-нибудь буду затраханной так, чтобы отказаться от ощущения его. Мне нужно напомнить, на что это похоже. Беспорядочных кусочков моей памяти будет недостаточно, если я собираюсь отпустить его этой ночью. Я не отвечаю вслух, а тяну его на себя, сгибая колени по сторонам.

Он становится на колени, брови хмурятся, пока он раскатывает презерватив по всей длине своего члена. Хочу схватить телефон и запечатлеть на фото его тело, серьезное и сосредоточенное выражение лица. Мне нужна эта фотография, чтобы я могла сказать себе: «Видишь, Миа? Ты была права по поводу его кожи. Она гладкая и идеальная, прям точь-в-точь, как ты помнишь». Хочу как-то запечатлеть то, как дрожат его руки от спешки.

Когда он заканчивает, то упирается одной рукой рядом с моей головой, а другой направляет себя в меня. Момент, и ощущаю давление его члена, мне приходит в голову, что я никогда не чувствовала такое нетерпение в своей жизни. Мое тело хочет поглотить его.

- Поехали со мной, - выдыхает он, он едва входит в меня, и выходит. Пытка. - Умоляю, Миа. Только на лето.

Я качаю головой, отрицая, неспособная подобрать слова, и он стонет от отчаяния и удовольствия, медленно толкаясь во мне. Мое дыхание сбивается, теряя способность дышать или заботиться о том, нужно ли мне это, приподнимая ноги выше, желая его глубже, мечтая о том, чтобы он никогда не покидал меня.

Он мощный, толстый и такой твердый, что когда его бедра встречаются с моими, то парю на грани дискомфорта. Он, единственный, кто заставляет мое дыхание прерываться, единственный, кто заставляет чувствовать нехватку места для него в своем собственном теле и воздуха в одно, и тоже время, но никогда и ничто не ощущалось так восхитительно.

Хотела бы я сказать ему, что изменила решение, что отправлюсь вместе с ним, если бы могла найти слова, но руками он окольцевал мою голову и начал двигаться, и это отличается от всего остального. Это не похоже *ни на что другое*. Медленное, твердое сопротивление внутри меня воздвигает боль настолько приятную, что этого достаточно, чтобы почувствовать себя немного расстроенной из-за мысли о том, что это невероятное ощущение закончится в какой-то момент.

Он дает мне небольшую передышку, смотря мне в глаза, медленно отодвигаясь, и еще медленнее толкаясь обратно, иногда прогибаясь, скользит своим ртом по моему. Но затем, когда я провожу своим языком по его зубам, он резко и неожиданно делает рывок вперед, и я слышу собственный громкий вдох, и это освобождает что-то в нем.

Движения становятся жесткими и скользящими, он идеально вращает бедрами во время толчков. Не знаю, сколько раз мы занимались сексом за ту ночь, но он, должно быть, понял, в чем я нуждаюсь, и кажется, ему нравится наблюдать за тем, как дает это мне. Он отталкивается руками, вставая на колени между моих разведенных бедер, и я уже знаю, что когда меня накроет оргазм, это будет отличаться от всего того, что я чувствовала до этого. Я слышу его хриплые вдохи, и свои резкие выдохи. Слышу шлепающие удары его бедер о мои, слышу хлюпающие, влажные звуки, когда он входит и выходит из меня.

И не нуждаюсь в его пальцах, моих или игрушке. Мы идеально подходим друг другу. Его кожа задевает и скользит по моему клитору снова и снова, снова и снова.

Лола была права, дразня меня тем, как это будет у нас с Анселем: миссионерская поза, зрительный контакт, но это не любимый или нежный контакт, который она имела в виду. Не могу не смотреть на него. Это была бы как попытка заняться сексом без прикосновений.

Удовольствие обвивает ноги как виноградная лоза, и румянец, который я могу чувствовать, как он распространяется от щек к груди. Ужас накатывает на меня от того, что это ощущение исчезнет, что я в погоне за тем, чего на самом деле не существует, но он ускоряет темп, увеличивает толчки, и они так сильны, что ему приходится держать меня за бедра, чтобы не столкнуть меня с кровати. Его глаза пожирают мои приоткрытые губы и грудь, которая колыхается от его движений. То, как он трахает меня, заставляет мое крошечное тело чувствовать себя чувственным впервые в жизни.

Я открываю рот, чтобы сказать ему, что я сейчас рухну в бездну, но с губ ничего не сходит, кроме как выкриков о *большем* и *да*, и *вот так*, и *да* и *еще да*. Капельки пота скатывают по его лбу на мою грудь и далее на мою шею. Он работает так усердно, *оттягивая свой оргазм, ожидая, ожидая, ожидая* меня. Люблю его сдержанность, голод и решимость на его прекрасном лице, и вот я на краю, прямо там, почти.

Тепло растекается по всему телу за считанные секунды до того, как я пропадаю. Он видит это. Наблюдает, его рот раскрывается от облегчения, сверкая глазами от победы. Мой оргазм гремит во мне так сильно, так затягивающе, что я - больше не я. Я дико тяну его к себе, толкая бедрами вверх к нему, сжимая его задницу, чтобы он оказался глубже во мне. Я - отчаяние в чистом виде под ним. Умоляю. Кусаю, его за плечо. И развожу ноги так широко, как только могу.

Дикость вселилась в него. Я могу слышать, как простынь сползла с матраса и сбилась в кучу подо мной, и он хватается за них в качестве поддержки, двигаясь так грубо, что изголовье кровати начинает биться об стену.

- Ох, - стонет он, ритм становится будто наказывающим. Он зарывается лицом в мою шею, дыша сбивчиво. - Вот так. Да. Вот так.

Он открывает рот, посасывая и целуя мою шею, его плечи дрожат, когда он кончает. Мои руки ползут по его спине, наслаждаясь мышцами спины, напряженностью позы и изгибом спины, чтобы быть во мне как можно глубже. Я двигаюсь под ним, чтобы быть кожа к коже и смещать свой пот с его.

Ансель опирается на локти и висит на до мной, до сих пор пульсируя внутри, в то время, как проводит ладонями по моему лбу и волосам.

- Так хорошо, - шепчет он напротив моих губ. - Так хорошо, *Cerise*.

Затем он тянется между нами к презервативу, стягивая его с себя и кидая в слепую в непосредственной близости от тумбочки. Падает рядом со мной на матрас, левой рукой проводя по лицу, потной груди и останавливаясь в том месте, где находится сердце. Не могу оторвать взгляд от золотой полосочки на его безымянном пальце. Мышцы его живота сжимаются с каждым прерывистым вдохом, и разжимаются с резким сильным выдохом.

- Пожалуйста, Миа.

В последний раз отказываюсь в себе, и прохрипываю это вслух.

- Не могу.

Его глаза закрываются, и мое сердце раскалывается на осколки, представив, что больше не увидит его снова.

- Если бы не напился, не сошли с ума, и не закончили все браком... поехала бы ты со мной во Францию? - спрашивает он. - Ради приключений?

- Не знаю. - Но настоящий ответ: я могла бы. Мне пока еще не нужно переезжать в Бостон, но я планирую это, как можно скорее, мне придется покинуть мою университетскую комнату, и я не хочу возвращаться к родителям на все лето. Лето в Париже после колледжа, вот чем *занимаются* девушки моего возраста. С Анселем - только в качестве любовника, возможно, как соседа - это было бы крышесносным приключением. И это не имело бы такой вес в сожительстве с ним на лето, в качестве его *жены*.

Грустная улыбка пересекает его лицо, и он целует меня.

- Скажи мне что-нибудь на французском. - Я слышала его, говорящего сотни вещей, пока он был погружен в наслаждение, но это в первые, когда я прошу его, и без понятия, зачем я это делаю. Это кажется опасным, из-за его рта, голоса, акцента, похожего на плавленый шоколад.

- Ты говоришь по французски?

- Кроме, *Cerise*?

Его глаза переключаются на мои губы, и он улыбается.

- Кроме этого.

- *Fromage. Chateau.Croissant.* [12]

Он вторит "croissant" немного смеющимся голосом, и когда он произносит это, то слышится, будто это совсем другое слово. Я не знала, как пишется это слово, которое он только что сказал, но это заставляет меня снова хотеть почувствовать его тяжесть на мне

- Ну, в таком случае, я могу тебе сказать это, *Je n'ai plus d'isir une femme comme je te d'isire depuis longtemps. Za n'est peut-ktre mktme jamais arrivü.* [13] - отодвигается назад, следя за моей реакцией, как будто я была способна расшифровать хоть слово из этого. - *Est-ce totalement fou? Je m'en fiche.* [14]

- Могу я спросить тебя кое о чем?

Кивок.

- Конечно.

- Почему ты просто не хочешь аннулировать брак?

Его рот сдвигается в сторону, а глаза наполняются весельем.

- Потому что ты написала это в наших свадебных обетах. Мы оба поклялись сохранить наш брак до осени.

Это занимает несколько секунд, прежде чем шок вспыхивает во мне. Уверенна, я была властной маленькой штучкой.

- Но это, же не настоящий брак, - шепчу я, и претворяюсь, что не замечаю, как он вздрагивает от слов. - Что значит этот обет, если все равно, в конце концов, мы разрушим "пока смерть не разлучит нас"?

Он откатывается и садится на край кровати, спиной ко мне. Он сгибается, прижимая лоб к рукам.

- Не знаю. Думаю, я стараюсь не нарушать обещания. Все это очень странно для меня. Пожалуйста, не думай об этом, я знаю то, что я делаю, и этот пункт помогает мне с управлением фирмы.

Сажусь, подползаю к нему и целую в плечо.

- Кажется, я вышла замуж за действительно хорошего парня.

Он смеется, но затем встает, снова отходя от меня. Чувствую, что ему нужна между нами дистанция, и из-за этого небольшая боль вспыхивает между моих ребер.

Вот он. Момент, когда я должна уходить.

Он влезает в боксеры и прислоняется к дверце шкафа, смотря на меня, пока я одеваюсь. Я натягиваю трусики по ногам и ощущаю, что они до сих пор влажные от меня и от его рта, хотя сейчас эта влажность холодная. Изменив решение, я бросаю их на пол и застегиваю лифчик и надеваю трикотажное платье, обуваясь в свои сандалии.

Ансель молча, протягивает мне свой телефон, и я записываю свой номер в него. Я возвращаю его, и мы стоим, смотря куда угодно, только не друг на друга в течении нескольких болезненных секунд.

Я нагибаюсь за сумкой, вытаскивая из нее жвачку, но он быстро подходит ко мне, проводя по моей шее до лица.

- Не надо. - Он наклоняется ближе, посасывая мой рот именно так, как он любит. - Ты, на вкус, как я. Я, на вкус, как ты. - Он поглаживает мой язык, губы и зубы своим языком. - Мне так чертовски нравится это. Пускай так и останется, хоть не на долго.

Его рот движется ниже, по шее, покусывая ключицу, и там где мои соски проступают под тканью платья. Он сосет и облизывает, втягивая их в рот, пока ткань не намокает. Ткань черная, и кроме нас никто не узнает об этом, но я все еще буду чувствовать прохладу от его поцелуев, даже после того как выйду из номера.

Хочу вернуть нас обратно в кровать.

Но он стоит, изучая мое лицо.

- Всего хорошего, *Cerise*.

Мне только сейчас приходит в голову, что мы женаты, и я обману мужа, если пересплю с кем-то другим этим летом. Но мысль о том, что кто-то заполучит этого мужчину, заставляет что-то кипеть на медленном огне в моем животе. Мне не нравится эта мысль, и хотела бы я знать, это был такой же пожар, который я видела в его выражении лица.

- Взаимно. - Отвечаю ему.

Глава 6

Уверенна, что теперь, я знаю значение фразы «слабость в коленках», так как, я боялась вылезти из машины и использовать свои ноги. Я была с тремя парнями до Ансея, но даже с Люком, секс никогда не был похож на секс с Анселем. Секс, где ты полностью открыт и честен, и я знаю, даже после того, как это закончилось - тепло рассеялось и Ансель больше не со мной - я бы позволила ему делать все, что угодно.

И это заставляет меня сожалеть о том, что я не могу вспомнить нашу ночь в Вегасе более детально. Мы были вместе часами на пролет, и по сравнению с этим, сегодняшние минуты были ничтожны. Потому что я, как-то осознаю, что это было самым честным и свободным и, несомненно, даже больше чем *это*.

Дверь машины хлопает, и громкий звук эхом разносится по нашей тихой, загородной улочке. В доме темно, хотя еще слишком рано для того, чтобы они быть в постели. В такую теплую летнюю погоду, вероятнее всего, моя семья на заднем дворе за поздним ужином.

Но как только я вхожу, то единственное, что я слышу, это тишину. В доме крошечная тьма: в гостиной, в общей комнате и в кухне. Задний дворик также пуст, как и в каждой комнате наверху. Мои ступни шлепают по испанской плитке в ванной, но затихают, когда я начинаю идти по плюшевому ковру в коридоре. По какой-то причине, я заглядываю в каждую комнату... не находя никого. В годы, когда я только начинала учебу в колледже - до того, как я перенесла свои вещи в мою прежнюю комнату пару дней назад - я не была наедине с собой в этом доме, и осознание поражает меня, будто физический толчок. Кто-то всегда находился здесь со мной:

мама, отец, один из братьев. Как это *странно*. Тем не менее, в данный момент, мне предоставили немного тишины. И это, словно передышка. С этой свободой, во мне начинает виться ток.

Я могу уехать без столкновения с противостоянием отца.

Я могу уехать без каких-либо объяснений.

Импульсивность – вот, чего я хочу. Я бегу в свою комнату, нахожу паспорт, срываю с себя платье, и натягиваю чистую одежду перед тем, как вытаскиваю самый большой чемодан из шкафа в коридоре. Я кидаю туда все, что могу найти в своем шкафу, и затем, практически сметаю, все туалетные принадлежности с полки в ванной. Тяжелый приглушенный стук сумки раздается позади меня, когда я спускаюсь по лестнице, роняя ее в прихожей, пока чиркаю записку семье. Ложь вливается в записку, и я, изо всех сил, пытаюсь не сболтнуть лишнего, звучит слишком маниакально.

У меня есть возможность слетать во Францию на пару недель! Билеты – бесплатно. Буду с другом отца Харлоу. У нее есть небольшой бизнес там. Расскажу об этом позже, и да, со мной все хорошо.

Позвоню.

Люблю вас,

Миа.

Я никогда не лгала своей семье – или кому-либо, если на то пошло – но сейчас, мне плевать. Теперь, эта мысль в моей голове, и идея не лететь во Францию вселяет в меня панику, потому что, если я не отправлюсь туда, то мне придется застрять здесь на несколько недель. Это значит, жить под черной тучей контролирующего дерьма моего отца. А еще, это значит переезд в Бостон и начало жизни, которую, я не уверена, хочу ли.

Это означает, возможно, никогда не увидеть Ансея снова.

Смотрю на часы: у меня есть сорок пять минут до отправки самолета.

Дотащив чемодан до машины, я заталкиваю его в багажник и несусь сломя голову к водительскому месту, при этом отправляю смс-ку Харлоу:

Независимо от того спросит отец о Франции или нет, просто ответь да.

Всего в трех кварталах от моего дома, я слышу вибрацию телефона на пассажирском сиденье, без сомнения, она ответила – Харлоу редко выпускает телефон из рук – но я не могу посмотреть сейчас. Я знаю, что увижу в любом случае, и я не уверен, когда мой мозг успокоится достаточно, чтобы ответить на ее «ЧТО???».

вернуться

12

Сыр. Замок. Круасан.

вернуться

Я давно не желал, женщины так, как желаю тебя. Возможно, это бы и не случилось никогда. Абсолютно безумно, не так ли? Хотя мне плевать.

вернуться

Мой мозг не может волшебным образом перевести слова, но мое тело, кажется, знает, что он сказал что-то очень интимное.

Ее «КАКОГО ХРЕНА ТЫ ТВОРИШЬ???»

Ее «ПОЗВОНИ МНЕ-БЛЯТЬ-МЕДЛЕННО, МИА ХОЛЛАНД!!!»

Вместо этого, я паркуюсь — будем оптимистами, и оставляю машину на долгосрочную автостоянку. Направляюсь в терминал, таща за собой чемодан. Регистрируюсь, молча призывая девушку за билетной стойкой двигаться быстрее.

- Вы почти опоздали, - говорит она мне, неодобрительно, хмурясь. - Выход сорок четыре.

Кивнув, я перестаю стучать нервно рукой по стойке и убегаю, как только она выдает мне билет, сложенный аккуратно в бумажном "рукаве". Секьюрити унылое этим вечером, но как только я прохожу проверку, длинный коридор к выходу на посадку в конце пути маячит впереди меня. Я бегу слишком быстро, чтобы беспокоиться о реакции Ансея, но адреналина не достаточно, чтобы заглушить протест моих ослабших бедер, пока я бегу.

Посадка на наш самолет уже началась, я начинаю паниковать, думая, что он, уже возможно, в самолете, когда не могу отыскать его среди массы голов, выстроившихся в очередь. Дико осматриваю помещение, сознательно ужасаюсь, и тревога охватывает меня теперь, когда я здесь: скажу ему, что передумала, хочу с ним во Францию и

хочу жить с ним

рассчитывать на него

быть с ним

и все это требует храбрости, которая, не уверена, что имеется у меня за пределами гостиничного номера, где все лишь игра на время, или в баре, где ликер помогает мне отыскать для себя идеальную роль на всю ночь. Возможно это, мысленно высчитываю, опасно находится в относительно пьяном угаре, для полноты следующих нескольких недель.

Теплая рука обнимает меня за плечо, и я разворачиваюсь, начиная пялиться в расширенные от замешательства глаза Ансея. Его рот открывается и закрывается несколько раз, прежде чем он встряхивает головой, прочищая ее.

- Они позволили тебе придти попрощаться со мной? - спрашивает он, и кажется, что он пытается выдавить из себя слова. Но затем он присматривается: я переоделась в белые джинсы, голубой топик и сверху накинула зеленую толстовку. На плече у меня висит ручная

кладь, я запыхавшаяся и на моем лице выражение, которое я могу назвать лишь паникой.

- Я передумала. - Закидываю сумку выше на плечо и наблюдаю за его реакцией: его улыбка появляется слишком медленно, чтобы я успокоилась. Но, по крайней мере, *он улыбается*, и это кажется настоящим. Но затем, он приводит меня в еще большее замешательство, произнеся:

- Полагаю, я не смогу растянуться и поспать на твоём сиденье теперь.

Без понятия, что ответить на это, поэтому я просто неловко улыбаюсь и опускаю взгляд. Дежурный на входе вызывает другой раздел самолета для посадки, и микрофон пронзительно и резко гудит, заставляя нас подскочить.

А после, ощущение, будто весь мир погрузился в абсолютную тишину.

- Дерьмо, - шепчу я, смотря в ту сторону, откуда я пришла. Слишком ярко, лишком громко, слишком далеко от Вегаса, или даже от уединенности в номере Сан-Диего. *Какого хрена я тут делаю?* - Я не должна была приходить. Я не...

Он утихомиривает меня, делая шаг ближе, нагибаясь и целуя мою щеку.

- Мне жаль, - говорит он осторожно, двигаясь от одной щеки к другой. - От этой неожиданности, я занервничал. Это не было смешно. Я так рад, что ты здесь.

С тяжелым вздохом, я поворачиваюсь, когда он прижимает руку к моей пояснице, но это, как будто наш горячий пузырь был проколот, и мы ступили за кулисы и столкнулись с огнями действительности.

Это давит на меня, удушая. Ноги будто сделаны из цемента, когда я отдаю свой билет дежурному, нервно улыбаясь, пока захожу в самолет.

Все, что мы знаем - это слабое освещение бара, игривые подшучивания, чистые, свежие простыни гостиничных номеров. Все, что мы знаем - это безответная возможность, соблазн идеи. Притворство. Приключение.

Но когда Вы выбираете приключение, это становится реальной жизнью.

Самолет наполняется странным жужжащим звуком, который, знаю, будет в моей голове в течение часов. Ансель идет за мной, и мне интересно, не обтягивают ли джинсы слишком сильно или что творится с моими волосами. Я ощущаю, как он наблюдает за мной, возможно проверяя меня теперь, когда я вторгнусь в *его* реальную жизнь. А может, он пересматривает свое решение. Правда в том, что нет ничего романтического в том, чтобы садиться на самолет, который летит в течение пятнадцати часов с виртуальным незнакомцем. Эта - *идея*, такая захватывающая. Нет эскаписта, ярких огней аэропорта, или тесных самолетов.

Мы укладываем свои сумки, занимая наши места. Я посередине, он у прохода, а рядом пожилой мужчина, читающий газету рядом с окном, чей локоть оказался в моем пространстве, не обращает на это внимание.

Ансель поправляет ремень безопасности, затем снова поправляет, и после тянется над нами к кондиционеру. Он направляет его на себя, на меня, на себя, прежде чем включить его. Включает свет, складывает руки на коленях, беспокойно. Наконец он закрывает глаза, и я считаю, как он десять раз глубоко вздыхает.

Ох, дерьмо. Он боится.

Я - худший человек в этот момент, потому что я не говорю свободно, даже в моментах, как этот, когда требуется небольшая поддержка. Я чувствую внутри себя безумие, и моя реакция на "безумие" в том, что я абсолютно затихаю. Я - мышь в поле, и такое чувство, что каждая неизвестная ситуация в моей жизни - орел, летящий сверху. Это неожиданно смешно, что я провела такую аналогию.

Объявления, как поступать в случае бедствия, сказаны, и самолет взлетает в вечернее небо. Беру за руку Анселя - это последнее, что я могу сделать - и он сжимает ее сильно.

Боже, хотела бы я улучшить его состояние.

Минут через пять, его рука расслабляется, а после вообще выскользывает из моей, отяжелевшая ото сна. Возможно, если бы я уделяла ему больше внимания, или дала бы рассказать в нашу первую ночь, я бы знала, как он ненавидит летать. Возможно тогда, он сказал бы мне, что принял что-то, чтобы заснуть.

Свет тусклый, и оба мужчины рядом со мной спят мертвым сном, но мое тело, не в состоянии расслабиться. Это не нормально. Будто лихорадка, неудобство в собственной коже, не в силах найти удобное положение.

Достаю книгу, которую без разбора бросила в сумку. К сожалению, это мемуары известной женщины, главного директора - выпускной подарок отца. На обложке ее фото, она стоит на синем фоне, одетая в строгий костюм, но от этого моему желудку не легче. Вместо этого, я читаю каждое слово о безопасности самолета на брошюре в кармане сидения, затем краду из кармана Анселя журнал авиакомпании.

Я все еще чувствую себя как в аду.

Подняв ноги на сиденье, я утыкаюсь лбом в колени, пытаюсь сделать так, чтобы воздух циркулировал сильнее. Стараюсь дышать глубже, но ничего не помогает. У меня не было приступов паники раньше, поэтому я не знаю, каково это, но не думаю, что это приступ.

Очень надеюсь, что это не приступ.

И только, когда стюардесса вручает мне меню и оба варианта — лосось или тортеллини — заставляют мой желудок бунтовать, и я понимаю что то, что я чувствую, не просто нервы. Это не похоже на похмелье. Это - что-то другое. Моя кожа горячая и чувствительная. Моя голова кружится.

Еду развозят по самолету, запах лосося, картофеля и шпината настолько едкий и насыщенный, что я задыхаюсь, тянусь к тонкой струйке прохладного воздуха, которая дует из кондиционера. Но этого не достаточно. Хочу убежать в уборную, но сразу же понимаю, что не смогу сделать это. Прежде чем я разбужу Анселя, я отчаянно начинаю искать бумажный пакет в кармане кресла передо мной, и едва открыв его, меня выворачивает.

Нет худшего момента для этого, прямо здесь и сейчас, я уверена в этом. Мое тело не слушается, и сколько бы мозг не твердил, чтобы тело было потише, пока извергает из себя все, как истинная леди - *настолько, блядь, тихо* - но этого не случается. Стон вырывается из меня, чувствуя, что еще одна волна подкатывает, и Ансель рядом со мной резко подскакивает, просыпаясь. Он гладит меня по спине, восклицая.

- О, нет!

Вытаскивая мое унижение на поверхность.

Я не могу позволить ему увидеть меня в таком состоянии.

Отталкиваюсь, вставая, спотыкаюсь об него, прежде чем он успевает убраться из своего кресла, и практически выпадаю в проход. На меня пялятся другие пассажиры - пялятся со смесью шока, жалости и отвращения - но пусть радуются, что я не уронила пакет с рвотой, когда мчалась по проходу. Несмотря на то, что мне стоит сконцентрироваться на ходьбе, пока я пересекаю самолет, по направлению к уборной, в голове я пристально пялюсь на них в ответ. Они когда-нибудь чувствовали себя плохо в самолете, который наполнен пятьюстами людьми, в том числе, и с их новоиспеченным мужем-незнакомцем? Нет? Ну, тогда они должны заткнуться на хрен.

Единственное небольшое милосердие - это пустой туалет, всего в нескольких рядах, толкаю дверь, практически рухнув внутрь. Выбрасываю мешок в мусорное ведро и плюхаюсь на пол, склоняясь над туалетом. Холодный воздух обдувает мое лицо, и темно голубой жидкости там достаточно для того, чтобы снова начать рыгать. Мое тело лихорадит, и из меня невольно вырываются стоны с каждым выдохом. Что бы ни было, но вирус во мне, развивается, словно поезд, несущийся по рельсам и влепляющийся в здание на полной скорости.

Бывают в жизни моменты, когда мне становится очень интересно, может ли все стать еще хуже. Я в самолете, с мужем, энтузиазм, которого, по поводу этой затеи, кажется, ослабевает, и я погружаюсь в этот момент в глубокую жалость к себе, когда осознаю — в абсолютном ужасе — что у меня только что начались месячные.

Смотрю вниз на свои белые джинсы и подавляю рыдания, хватаю туалетную бумагу, складываю её и заталкиваю ее в нижнее белье. Подымаюсь, мои руки слабы и дрожат, пока стягиваю с себя и завязываю толстовку вокруг талии. Плескаю водой в лицо, пальцем чищу зубы, и почти затыкаю им рот, когда желудок ухает в предупреждении.

Это настоящий кошмар.

Раздается тихий стук в дверь, а за этим следует голос Ансея.

- Миа? С тобой все хорошо?

Прислоняюсь к небольшой стойке, когда мы пролетаем небольшую турбулентность и от этого буря внутри моего тела только увеличивается. Я почти падаю в обморок от ощущения желудка, зависшего в воздухе. Секундой спустя, отворяю дверь, оставляя небольшую щелку.

- Да, все нормально. - Конечно же, это не правда. Я в ужасе, думаю, если бы я и смогла сбежать из этого самолета, ползая в туалете, то я бы попыталась.

Он выглядит обеспокоенным... и будто под кайфом. Его веки тяжелые, и он медленно моргает. Не знаю, что он принял для сна, но он только проспал в течение приблизительно часа, и его немного шатает, будто он может упасть.

- Могу я сделать для тебя что-нибудь? - Его акцент усиливается от сонливости, и его слова труднее понять.

- Нет, если, конечно, у тебя не завалялась аптечка в ручной клади. - Его брови сдвигаются

вместе.

- У меня есть ибупрофен, кажется.

- Нет, - говорю я, закрывая глаза на мгновение. - Мне нужны... женские штучки.

Ансель снова медленно моргает, от замешательства, на его лбу появляются морщины. Но позже, до него, кажется, доходит, и его глаза расширяются.

- Поэтому тебя стошнило?

Я чуть не начинаю смеяться от взгляда на его лицо. Мысль о том, что каждые мои месячные такие мучительные и сопровождаемые еще и тошнотой, нагоняют на него жуть от моего имени.

- Нет, - отвечаю, чувствуя, что мои руки начинают дрожать от напряжения, которое отвлекает, чтобы стоять. - Просто чудесное совпадение.

- У тебя... нет ничего? В сумке?

Я испускаю то, что должно быть тяжелым вздохом, известным человечеству.

- Нет. - Говорю ему. - Я была немного... растерянной.

Он кивает, потирая лицо, и после этого, он кажется более проснувшимся, и решительным.

- Жди здесь. - Он закрывает дверь со щелчком, и до меня доносится, как он зовет стюардессу, и я сползаю вниз на сиденье унитаза, упираясь локтями в колени и кладя голову на руки, пока слушаю его через дверь.

- Извините, что беспокою Вас, но моя жена, - начинает он, и останавливается. - С последним словом, которое он произносит, мое сердце пускается вскачь. - Та, которая заболела? У нее начался... цикл? И я хотел бы узнать, не храните ли вы на такой случай... что-нибудь? Понимаете, путешествие произошло спонтанно, и она собиралась в спешке, и еще до этого мы были в Лас-Вегасе. Без понятия, по какой причине она полетела со мной, но я действительно не хочу налажать с этим. И теперь ей нужно кое-что. Может она, уф, - он заикается, и наконец, выдает, - *позаимствовать* это? - Я прикрываю рот, когда он продолжает тараторить, хотела бы я увидеть в этот момент выражение лица стюардессы по другую сторону двери. - То есть *использовать*. - Продолжает он. - Не позаимствовать, потому что не думаю, что это работает так.

Слышу женский голос:

- Вы не знаете, что именно ей нужно, тампоны или прокладки?

Ооо, Боже. Боже. Этого не может быть.

- Ммм... - Он вздыхает и затем говорит. - Понятия не имею, но я дам вам тысячу долларов, чтобы закончить этот разговор и взять оба предмета.

Это официально худшее, что могло произойти со мной. Но это лучше чем это.

Нет унижения хуже, чем сидеть в инвалидной коляске, которую катят через таможню в зал получения багажа, сидеть посреди аэропорта Шарль де Голль, держа в руках бумажный мешок у лица, в случае если два глотка воды, которые я выпила час назад, решат выйти на свет. Мир ощущается слишком ярким и шумным, скоропалительные пронзительные французские крики в резких вспышках из громкоговорителей вокруг меня. После целой вечности, Ансель возвращается с нашим багажом и первую вещь, которую он спрашивает, тошнило ли меня снова.

А я говорю ему, что он должен просто посадить меня на самолет обратно до Калифорнии.

Кажется, он смеется и отвечает, нет.

Он пересаживает меня на заднее сидение такси прежде, чем садится сам и говорит что-то на французском водителю. Он говорит настолько быстро, что я уверена, нет никакого способа понять его, но водитель, кажется, понял. Мы отъезжаем от обочины, и на нереальной скорости стартуем по дороге, выбираясь из аэропорта резкими толчками, заносами и внезапными поворотами.

Как только мы достигаем центра города, и здания начинают вырисовываться и возвышаться над узкими извилистыми улочками, это становится пыткой. Таксист, кажется, не знает, где педаль тормоза, но зато он знает, где у него клаксон. Сворачиваюсь на стороне Ансея, пытаюсь удержать в желудке то, что поднимается к горлу. Существует миллион вещей, на которые я хочу полюбоваться из окна - город, архитектура, яркая зелень, которую я могла почти почувствовать, садясь в такси — но, к сожалению, у меня озноб, я потею и едва остаюсь в сознании.

- Он ведет такси или играет в видео-игру? - Бурчу я, едва ли связно.

Ансель хихикает тихо в мои волосы, шепча:

- *Ma beaute*. [15]

В мгновение, мир перестает вращаться и дергаться, и меня стаскивают с места, подхватывая под колени и спину сильными руками, и поднимают. Ансель легко заносит меня в здание, заходя прямой наводкой в крошечный лифт. Он ждет, когда таксист затолкает наши сумки позади нас. Я ощущаю дыхание Ансея на своем виске, ощущаю механизмы лифта, поднимающего нас выше и выше.

Поворачиваю голову к нему, утыкаясь носом в мягкую и теплую кожу его шеи, и наслаждаюсь запахом. Запах мужчины, имбирного эля и тонкий едва уловимый запах мыла, которым он мылся несколько часов назад, смывая меня с себя в номере отеля.

И потом, до меня доходит: должно быть сейчас от *меня* исходит *отвратительный* запах.

- Извини, - шепчу я, отворачиваясь и пытаюсь, вывернутая из его рук, но он крепче прижимает меня, выдавая:

- Тсс. - В мои волосы.

Он усердно ищет ключи в кармане, при этом неся меня, и как только мы оказываемся внутри, он ставит меня на ноги. И только теперь, когда, кажется, мое тело решает, что получило разрешение ответить на поездку в такси, я падаю на колени, и извергаю всю воду, которая была в моем желудке в ведерко для зонтиков возле двери.

вернуться

15

Моя прелесть.

Серьезно, не возможно, чтобы мое унижение стало еще больше.

Позади слышу, как Ансель резко откидывается на дверь и сползает по ней, рядом со мной, прижимаясь лбом к моей спине прямо между лопаток. Чувствую, как его тело сотрясает от беззвучного смеха.

- О, мой Бог. - Сон срывается с моих губ. - Это худшее происшествие в истории человечества. - Оказывается, мое унижение может увеличиться еще больше.

- Бедняжка. - Жалеет он меня. - Тебе наверно так хреново.

Киваю в ответ и стараюсь - но с провалом - захватить ведро вместе с собой, когда он поднимает меня, обхватив за грудную клетку.

- Оставь его, - уговаривает он, посмеиваясь, - ну же, Миа. Оставь. Я уберу все.

Когда он укладывает меня на матрас, я едва в сознании, и единственное, что я ощущаю, это его запах, повсюду. Я слишком измученна, чтобы заинтересоваться его квартирой, но я делаю мысленную пометку себе, осмотреться и сделать комплимент о квартире, как только мое желание умереть пройдет. Добавляю это задание к списку дел, в котором также благодарю его щедро, затем приношу извинения, и уже после сажусь в самолет и улетаю обратно в Калифорнию с позором.

Похлопав меня по спине, он уходит, и я немедленно проваливаюсь в крепкий сон, и снится мне запутанный и лихорадочный сон о езде в темных, узких тоннелях.

Около меня прогибается матрас в том месте, где он садится, и я резко выплываю из сна, как-то зная, что есть минутка до того, как он уедет.

- Извини, - простанываю я, притягивая коленки к груди.

- Не извиняйся, - Он ставит что-то на тумбочку около подушки. - Вот немного воды. Пей по немногу. - Я могу все еще слышать улыбку в его голосе, но она добрая, не дразнящая.

- Спорим, что ты не так представлял нашу первую ночь здесь.

Он пропускает мои волосы через пальцы.

- Также как и ты.

- Наверно, это самая не сексуальная вещь, которую ты когда-либо видел, - бормочу я, окунаясь в теплую, чистую и пропахнувшую Анселем подушку.

- Менее сексуально? - Вторит он со смешком. - Не забывай, я проколесил всю территорию Штатов с потными, грязными людьми.

- Угу, но ты никогда не хотел заниматься сексом с кем-то из них.

Его рука замирает, там, где он нежно гладил спину, и я понимаю, что, только что, сболтнула. Смешно, даже думать о том, что он снова прикоснется ко мне после последних пятнадцати часов.

- Спи, Миа.

Видите? Вот и доказательство. Он назвал меня, Миа, не *Cerise*.

Просыпаюсь уже под утро от чего-то яркого, не зная, какой час. Снаружи чирикают птицы, галдят голоса и тарахтит транспорт. В воздухе витает запах хлеба, кофе, и мой желудок сжимается, мгновенно жалуясь на то, что не готов для еды. И как только я вспоминаю прошедший день, горячая волна прокатывается по моей коже. То ли смущение, то ли температура, без понятия. Отбрасываю одеяло и вижу, что одета только в футболку и белье.

И затем, до меня доносится голос Ансея, говорящего на английском.

- Она спит. - Говорит он. - Ей было плохо вчера.

Я сажусь в ответ на его слова, и я еще никогда в жизни не хотела так сильно пить. Схватив стакан воды на ночном столике, прикладываю его к губам, выпиваю воду в четыре длинных, благодарных глотка.

- Конечно, - теперь его голос ближе. Неподалеку от двери. - Минутку.

Он тихо ступает в комнату, и когда он видит, что я проснулась, его лицо озаряется облегчением, затем неуверенностью, а далее сожалением.

- На самом деле, она уже проснулась, - говорит он в телефон. - Передаю трубку.

Он передает мне мой телефон, и дисплей показывает мне, что звонит мой отец. Ансель прикрывает микрофон, шепча:

- Он звонил, по меньшей мере, десять раз. Я зарядил его, к счастью... а может и нет. - Сообщает он с виноватой улыбкой. - Теперь у тебя много зарядки.

В моей груди вспыхивает боль, а в животе скручивается чувство вины. Прижимаю телефон к уху.

- Пап, привет. Я... - До того как он прерывает меня.

- Какого хрена ты *вытворяешь*? - кричит он, но не ждет ответа. Я отстраняю телефон на несколько дюймов от уха, облегчая боль от его криков. - Ты сидишь на наркотиках? Это то, что имел в виду Ансель, когда говорил, что ты болеешь? Это твой нарко диллер?

- Что? - Моргаю я, мое сердце так быстро бьется, что боюсь, меня хватит сердечный приступ. - Пап, *нет*.

- Кто, кроме нариков, летит во Францию без предупреждения, Миа? Ты занимаешься чем-то

нелегальным?

- Нет, папа. Я...

- Не могу поверить, Миа Роуз. *Невероятно*. Твоя мать и я чуть с ума не сошли от беспокойства, названивая тебе последние два дня! - Ярость в его голосе слышна так ясно, будто он в соседней комнате. Могу представить какое у него красное сейчас лицо, губы мокрые от слюны, руки дрожат, когда он сжимает телефон.

- Ты никогда не повзрослеешь. *Никогда*. Единственное, я надеюсь, твои братья будут умнее, чем ты в своем возрасте.

Закрываю рот, глаза, свои мысли. Странное ощущение, когда Ансель садится рядом со мной на кровать, а его рука успокаивающе гладит меня по спине. Голос отца на высоте и, как всегда, с авторитетом. Даже если бы я прижала телефон к уху, знаю, что Ансель слышал бы каждое слово. Я только могу вообразить, что он наговорил Анселю, до того как я взяла телефон. На заднем плане, слышу мольбы матери:

- Дэвид, дорогой, не надо. - И знаю, что он пытается осторожно забрать телефон из его рук. И затем ее голос пропадает, приглушенные голоса не слышны из-за прикрытого микрофона.

Не стоит, мам, думаю я. Не делай этого ради меня. Защищаю меня сейчас, не стоит дней тихого обдумывания, за которыми последуют дни подлых и тайных оскорблений.

Отец снова на линии, его голос на пределе и остр как нож.

- Ты же понимаешь, Миа, что у тебя огромные проблемы? Ты слышишь меня? *Громчайшие*. Если ты думаешь, что я собираюсь помочь тебе с переездом в Бостон после этого, то ты полная дура.

Я роняю телефон на матрас, голос отца по-прежнему грохочет в динамике, и стакан воды, который я выпила, решил выбраться наружу. Ванная открыта перед комнатой Ансея, и я пулей проношусь по помещению, падая на колени перед туалетом, и теперь, я не только должна гореть от унижения того, что Ансель слышал, как отец отчитывал меня, так еще и от того, что он будет смотреть на меня, когда мой желудок выворачивает.

Снова.

Пытаюсь подняться, чтобы умыться, слепо шаря в поисках кнопки для спуска воды, и не нахожу, заваливаясь на бок от бессилия и приземляясь на холодную плитку.

- Миа, - зовет Ансель, опираясь на колено, он поглаживает меня по руке.

- Просто оставь меня здесь спящей, пока я не умру. Я вполне уверена, что Харлоу пошлет одного из ее слуг, чтобы вернуть мое тело домой.

Смеясь, он сажает меня, а затем тянет свою футболку к моему лбу.

- Давай же, *Cerise*. - Подбадривает он, целуя меня за ухом. - Ты горишь. Позволь помочь тебе принять душ, и затем мы поедем к доктору. Я беспокоюсь. Ты заставляешь меня волноваться.

Доктор моложе, чем я ожидала: женщина, тридцати лет с милой улыбкой и с успокаивающим и заверяющим-в-своей-компетентности взглядом. В то время пока медсестра, проверяет мои жизненные показатели, доктор разговаривает с Анселем, и по-видимому, он объясняет ей, что со мной творится. Я очухиваюсь, только, когда он произносит мое имя, но в остальном, верю, что он поведал ей обо всем. И предполагаю, что это было примерно так: "Секс был грандиозным, мы поженились, и теперь она здесь! Помогите мне! Она, не переставая, рыгает, это жутко неловко. Ее зовут МИА ХОЛЛАНД. Есть ли здесь такая услуга по отправлению непредсказуемых американок обратно в Штаты? *Merci* [16]!

Повернувшись ко мне, доктор задает мне стандартные вопросы на ломанном английском.

вернуться

16

Спасибо!

- Какие симптомы?

- Температура, - Говорю. - И не могу удержать в желудке какую-либо еду.

- Какова была самая высокая, ммм... температура, прежде чем вы приехали к нам?

Я пожимаю плечами, глядя на Ансея. Он отвечает:

- *Environ, ah, trente-neuf? Trente-neuf et demi?* [17] - Из меня вырывается смешок, но не, потому что я знаю, что он только что сказал, а потому что до сих пор без понятия, какая у меня температура.

- Возможно ли то, что вы беременны?

- Ммм, - говорю я, и вместе с Анселем смеюсь. - Нет.

- Не возражает ли вы, если мы сделаем анализ крови?

- Узнать, беременна ли я?

- Нет, - объясняет она с улыбкой. - Для выявления проблемы.

Я резко останавливаюсь, когда она говорит это, мой пульс начинает разгоняться.

- Вы думаете, у меня есть что-то, что можно обнаружить в крови?

Она качает головой, улыбаясь.

- Извините, нет, я думаю, что у вас просто вирус кишечного тракта. Кровь... ммм... - Она пытается подобрать слово в течение нескольких секунд, перед тем, как обращается к Анселю за помощью.

- *Sa n'a aucun rapport?* [18]

- Не имеет к этому никого отношения, - он переводит. - Думаю... - он начинает и затем

улыбается доктору. Я глазею на застенчивую версию Анселя. - Думаю, так как мы, уже здесь, мы можем сделать стандартные анализы на, ох... инфекции...

- Оу, - бубню я, понимая. - Да, конечно.

- Все в порядке? - спрашивает он. - Она возьмет мои анализы в это же время.

Не уверена, что удивляет меня больше: то, что он озабочен моим ответом или то, что он просит, чтобы доктор проверил нас на инфекции в случае, если я когда-нибудь перестану рыгать, и мы займемся сексом снова. Я тупо киваю, и сжимаю кулак, когда медсестра достает резиновую ленту, чтобы перетянуть бицепс руки. Если это был бы любой другой день, в который я не вырыгала половину своего веса, я бы ответила что-нибудь остроумное. Но прямо сейчас? Вероятнее всего, я пообещала бы ей своего первенца, если она смогла бы заставить мой желудок успокоиться, хотя бы всего на десять счастливых минут.

- Вы принимаете противозачаточные средства или хотели бы начать принимать? - спрашивает доктор, переводя взгляд с ее графиков на меня.

- Принимаю, пилюли. - Чувствую, как Ансель смотрит на мое лицо, и мне интересно, как смотрится румянец на моем, позеленевшем лице.

Глава 7

Ощущение губ, нежно прижавшихся, к моему лбу, будят меня, заставляя открыть глаза. Небо, прямо надо мной, не иллюзия, которую, я думала, воображала себе всю неделю. Комната Анселя на самом верхнем этаже жилого дома, и окно в крыше проливает свет утреннего солнца прямо на кровать. Оно вьется у ее подножья, яркое, но еще не достаточно теплое.

Дальняя стена под наклоном от усеченного потолка приблизительно пятнадцать футов, и вдоль невысокой стены его спальня с двумя французскими дверьми, которые Ансель оставил открытыми, и которые ведут на небольшой балкончик. Теплый порыв ветерка пролетает по комнате, принося с собой звуки улицы.

Поворачиваю голову, и, онемевшая шея начинает протестовать против этого.

- Эй. - Мой голос звучит, словно наждачная бумага, которой проводят по металлу.

Его улыбка заставляет в моей груди что-то трепетать и делать кульбиты.

- Я рад, что твоя температура, наконец, спала.

Стон вырывается из меня, прикрываю глаза дрожащей рукой, в то время как моя память возвращает меня в последние несколько дней. Меня тошнило везде, в том числе и на себя. Ансель, несущий меня в душ, для того, чтобы вымыть, и позднее, охладить.

- Боже мой. - Бубню я. - Унижение вступает в свои права.

Он смеется тихо между другим поцелуем, на этот раз в висок.

- Ты заставила меня поволноваться. Тебе было очень плохо.

- Существует ли хоть одна поверхность в твоей квартире, которая осталась нетронутой моей блевотой?

Он поднимает подбородок, глаза светятся от забавы, кивая в сторону угла.

- Вон там, дальняя часть комнаты - чиста.

Снова прячу лицо в руках, приглушенно извиняюсь из-под них.

- *Cerise*, - зовет он меня, протягивая руку для прикосновения к моему лицу. Инстинктивно, я отстраняюсь, чувствуя отвращение. Но мне, сразу же, хочется исправить это из-за вспышки боли в его глазах, но они проясняются до того, как я понимаю, что она действительно была там.

- Сегодня я должен работать, - говорит он. Хочу объяснить, прежде чем уйду.

- Хорошо. - Это звучит угрожающе, и я на секунду опускаю глаза ниже его лица. Он одет в рубашку. После быстрого умозаключения, понимаю, что он чувствует, что должен объяснить, так как сегодня *суббота*.

- Когда я, в четверг, прибежал в офис, чтобы забрать кое-какие файлы домой, старший партнер, с которым я работаю наиболее тесно, увидела мое обручальное кольцо. Она была... недовольна.

Мой желудок делает сальто, и в этот момент реальность того, что мы делаем, накрывает меня, как гигантская волна. Да, он пригласил меня сюда, но я ворвалась прямо в его жизнь. И вновь вспоминаю о том, как мало я знаю о нем.

- Вы двое... вместе?

Он застывает, выглядя слегка в ужасе.

- Оу, нет. Боже, нет. - Его зеленые глаза сужаются, пока он изучает меня. - Ты думаешь, я бы переспал с тобой, женился бы на тебе и *пригласил* бы тебя сюда, если бы у меня была девушка?

Мой ответный смех больше походит на кашель.

- Предположу, что нет, извини.

- Я был ее маленьким мальчиком-рабом в послание несколько месяцев. - Объясняет он. - И теперь, когда я женился, она убеждена, что моя сконцентрированность на работе пропадет.

Вздрагиваю. То, что мы совершили, так опрометчиво. Так глупо. Мало того, что он женат теперь, так уже в скором времени он будет разведен. Почему он не скрыл наш Вегас-казус на своей работе? Подходит ли он хоть к *чему-нибудь* с осторожностью?

- Не нужно менять свой рабочий график из-за того что я здесь.

Но он уже качает головой.

- Мне нужно поработать только в эти выходные. Все будет отлично. Над ней будет преобладать ее паника. Думаю, она привыкла к тому, что меня можно выдернуть в офис, в любое ей удобное время.

Бьюсь об заклад, так и было. Чувствую, что моя хмурость увеличивается, пока я рассматриваю его, и я не так больна, чтобы горячий поток ревности не заструился по моим венам. Солнечный

свет льется с потолка, освещая его острую челюсть и скулы, и я заново поражаюсь тому, какое у него удивительное лицо.

Он продолжает.

- Я почти разобрался с огромным делом, после него мое время будет более разгружено. Извини, что в твои первые выходные здесь меня не будет с тобой.

Боже, это так странно.

Я отмахиваюсь, неспособная сказать больше чем:

- Умоляю, не переживай по этому поводу.

Он фактически обслуживал меня, с тех самых пор, как я прибыла сюда, кислая смесь стыда и вины начинает бурлить в животе. Насколько я знаю, он видел меня в достаточно ужасном состоянии, чтобы отвлечь его от этой игры, в которую мы играем. И я бы совсем не удивилась, если он, после моего полного выздоровления, предложил бы мне парочку отелей, чтобы я смогла подобрать себе подходящий на остаток моего пребывания здесь.

Какое дерьмовое начало для нашего... чем бы это ни являлось.

Так как возможности могут, в конечном счете, быть ограничены, то я, когда он идет через комнату, глазею на него таким горячим взглядом, словно сам ад. Он высок, жилист и в тонусе. Костюм был сшит прямо по нему. Его светло-каштановые волосы аккуратно зачесаны назад, а кожа его загорелой шеи скрывается под воротником рубашки. Больше нет того непринужденного и игривого человека, которого я встретила в Вегасе. Теперь, он выглядит, как молоденький адвокат-задира, и стал в еще большей мере трахательным. Как такое может быть возможно?

Я приподнимаюсь на локте, мечтая о более ясных воспоминаниях того, как это, проводить языком вниз по его подбородку к кадыку. Хочу вспомнить его расстроенным и отчаянным, помятым и потным, для того, чтобы я смогла наслаждаться знанием, что женщины, с которыми он сегодня встретится, будут знать только эту собранную и одетую его сторону.

вернуться

17

Около, тридцати девяти? Тридцать девять с половиной?

вернуться

18

Не имеет к этому отношения.

Брюки темно-синего оттенка, рубашка крохмально белая, и он, стоящий перед вытянутым зеркалом, и завязывающий красивый сине-зеленый шелковый галстук.

- Поешь, хорошо? - говорит он, разглаживая руками перед рубашки, и затем тянется к синему

пиджаку, который висит на небольшой подставке в углу. Хотела бы я в этот раз стать женщиной, которая встанет на колени, приманит его к кровати, претворившись, что нужно поправить галстук, но вместо этого утащить его обратно под одеяло.

Но, к сожалению, для осуществления этого плана по соблазнению, я была худенькой, а теперь, так вообще ощущаю себя скелетом. Мои ноги, дрожащие и слабые, когда я выкарабкиваюсь из постели. Не сексуально. Ни на грамм. И прежде чем я приму душ, и даже прежде чем приближусь к зеркалу, - и, определенно, прежде чем я попытаюсь соблазнить этого горяченького мужа-незнакомца-человека-перед-которым-я-хочу-снова-обна-житься - мне нужно что-нибудь съесть. Запах хлеба, фруктов, и сладкого нектара богов: кофе, который я не ведала на протяжении всех этих дней, долетает до меня.

Ансель идет назад, и его глаза сканируют мое лицо, и ниже, все мое тело, скрытое до середины бедра по одной из его футболок. По-видимому, я забыла упаковать пижаму. То, как он смотрит, подтверждает то, что я выгляжу как смерть, едва теплая, когда он говорит:

- Там на кухне есть покушать.

Киваю, удерживая его за лацканы пиджака, нуждаясь в том, чтобы он задержался еще на секундочку. Кроме Анселя, я не знаю здесь не единой души, и я едва в состоянии, обдумать свое решение улететь приблизительно через четыре дня назад. Я поражена запутанной смесью восторга и паники.

- Это самый странный момент в моей жизни.

Его смех глубокий, и когда он наклоняется, целуя меня в шею, он грохочет у моего уха.

- Знаю. Легко сделать это, но труднее довести до конца. Но все нормально, хорошо, Миа?

Это было очень загадочно.

Когда я отпускаю его, он отворачивается, засовывая компьютер в кожаную сумку через плечо. Следую за ним из спальни, застывая, когда вижу его хватающего мотоциклетный шлем, который лежал на столике у двери.

- Ты водишь мотоцикл? - спрашиваю я.

Его улыбка тянется от уха до уха, когда он медленно кивает. Мне довелось видеть, как автомобили ездят в этом городе. И я реально не уверена, что он вернется целым и невредимым.

- Не смотри на меня так, - журит он меня, его губы надуваются, выдавая эти слова, а затем растягиваются в трусико-сносящей улыбке. - После того, как покатаешься со мной на мотоцикле, ты больше никогда не сядешь в машину.

Мне ни разу в жизни не приходилось оседлать мотоцикл - да и не хотелось особо - я навсегда отказалась от двухколесных транспортных средств. Но есть что-то в том, как он говорит о нем, как держит с удобством свой шлем под подмышкой и перекидывает сумку через плечо, заставляя меня задуматься над тем, что возможно, он прав. Подмигнув, он разворачивается и уходит. Дверь захлопывается с тихим, поверхностным щелчком.

Вот и все. Я была укутана туманом желудочного гриппа на протяжении нескольких дней, и теперь, когда мне стало лучше, Ансель ушел, и сейчас даже восьми нет.

За пределами спальни, квартира простирается передо мной соединенной кухней, гостиной и столовой. Во всем ощущается *европеец*. Мебели практически нет - черный кожаный диван, два современных стула без подлокотников, низкий журнальный столик. По другую сторону комнаты - обеденный четырехместный стол. Стены - эклектический микс фотографий в рамках и ярких картин. Для холостяцкой, квартира впечатляет.

Пространство открытое, но не очень большое, и здесь присутствует тот же наклоненный потолок. Но вместо французских дверей, распростирается стена из окон. Подхожу к тому, которое ближе, прижимаю руки к стеклу и смотрю вниз. На улице, Ансель забирается на свой блестящий черный байк, надевая шлем, приводит механизм в действие и отъезжает от тротуара. Даже с этого ракурса он выглядит смехотворно горячо. Жду, до того момента, пока он не сливается с потоком движения, затем отворачиваюсь.

Дыхание перехватывает, и я, прикрываю глаза, немного шатаюсь. Это не из-за воспоминаний о тошноте или даже голоде, который заставляет мою голову слегка кружиться. А из-за того, что я *здесь*, и я не могу просто пройти пару кварталов и вернуться домой. Не могу взять телефон и исправить все к лучшему быстрым звонком моей семье. Не могу искать квартиру или работу в Бостоне, пока живу в *Париже*.

Не могу позвонить моим лучшим друзьям.

Ищу свою сумку по комнате, и, найдя, отчаянно начинаю рыться в ней в поисках телефона. Стикер прилепленный к экрану с аккуратным почерком Анселя ведает мне о том, что он настроил мне международный тарифный план. Это, на самом деле, заставляет меня смеяться - возможно, малость погорячилась с облегчением - так как, по правде, эта мысль, заставила мое сердце грохотать почти в панике: *Как я позвоню девчонкам из Франции?* То есть, это явно указывает на нелепость моих приоритетов. Кому какая разница, если я не говорю по-французски, или замужем ли я, собираюсь ли я покопаться в своих сбережениях или же то, что мой муж-незнакомец работает круглыми сутками? По крайней мере, я не расплачусь своим первенцем за минуты в AT&T. [19]

Брожу по квартире, в то время как телефон Харлоу звенит за тысячу миль отсюда. На кухне замечаю, что Ансель оставил для меня завтрак: свежий багет, масло, джем и фрукты. Турка с кофе стоит на плите. Он - святой и заслуживает какую-нибудь смешную награду за последние несколько дней. Возможно, постоянный минет, как подарок и плюс к этому пиво. Он извиняется за работу, когда на самом деле должна простить извинения я, за то, что он должен был убирать мою рвоту и идти покупать мне тампоны.

Бесперывные воспоминания настолько ужасны, что думаю, никогда снова не позволю ему увидеть себя обнаженной без желания облеваться. Гудки идут и идут. В уме, делаю подсчет, зная, что когда здесь середина утра, то там, скорее всего очень поздно. Наконец Харлоу отвечает, стоном.

- У меня есть самый неловкий рассказ в истории самых неловких рассказов. - Выпаливаю я.

- Середина ночи, Миа.

- Хочешь или не хочешь услышать самое большое унижение моей жизни?

Слышу, как она садится, прочищая горло.

- До тебя только дошло, что ты все еще замужем?

Останавливаюсь, паника вселяется все больше в меня с каждой минутой.

- Хуже.

- Ты отправилась в Париж, чтобы стать секс-игрушкой этого парня на все лето?

Смеюсь. Если бы только это.

- Да, мы обсудим все это безумие, но сначала, я должна рассказать тебе о перелете сюда. Это было ужасно, хочу, чтобы кто-нибудь подсыпал мне что-нибудь в кофе, чтобы я забыла обо всем.

- Можешь выпить просто джина, - подкалывает она, и я хохочу до тошноты.

- У меня начались месячные в самолете, - шепчу я

- О, нет! - вскрикивает она с сарказмом. - Только не *это*.

- У меня не было ничего с собой, Харлоу. И еще я была в белых джинсах. В любой другой раз, я бы сказала "Ага, у меня месячные". Но в этот? Мы только встретились, и я могу придумать около пятнадцати тысяч разговоров с горячим полу-незнакомцем, которые предпочла бы этому "У меня начались ПМС, и я - дура, поэтому, просто дай мне завязать толстовку вокруг талии, чтобы все стало действительно очевидным о том, что происходит. Кроме того, ты - мужик, и я понимаю, что вряд ли такое может быть, но не завалилась ли у тебя парочка тампонов?"

В трубке наступает тишина, потому что она выпадает из реальности на секунду, а затем выдает:

- Оу.

Я киваю, мой желудок скручивается, когда я перематываю в голове оставшиеся воспоминания.

- И я блевала на протяжении всего полета, спасибо большое желудочному гриппу.

- У Лолы тоже грипп. - Говорит она, зевая.

- Это кое-что объясняет. - Говорю я. - Меня выворачивало в самолете. И когда мы сходили с самолета. А так же в терминале...

вернуться

19

AT&T Inc — одна из крупнейших американских телекоммуникационных компаний и один из крупнейших медиаконгломератов.

- Ты в порядке? - Забота вклинивается в ее голос, и я могу сказать, что она в пяти минутах от того, чтобы забронировать билет и прилететь ко мне.

- Теперь да. - Заверяю я ее. - Потом мы доехали на такси до его квартиры, и эта поездка была...
- Закрываю глаза, когда в памяти всплывает раскачивающийся пол. - Клянусь, Брок [20], будучи мелким, был бы лучшим водителем. И как только мы попали в квартиру, меня

вывернуло в ведро Анселя для зонтиков.

Она, кажется, пропускает самую важную часть информации, которую я ведаю ей, и спрашивает:

- У него есть ведро для зонтиков? Разве у мужчин они есть?

- Может он поставил его туда для того, чтобы гости блевали туда? - Предполагаю я. - Мне было хреново с вечера вторника, и он видел меня блеющую около семьсот раз. Так же, он помог мне принять душ. Дважды. И не с сексуальным подтекстом.

- Ого.

- Угу.

- Кстати, можешь поблагодарить меня за прикрытие твоей задницы перед твоим отцом. - Говорит она, и я могу практически прочувствовать яд в ее голосе. - Он позвонил, и я подтвердила все из твоей маленькой истории, в то время, вырвав все волосы из головы моей куклы-вуду - Дэйва Холланда. Ты в Париже работаешь в качестве стажера одного из коллег-финансистов моего отца. Но сыграй немую, когда ты приедешь домой, и застанешь своего внезапно облысевшего отца.

- Ух, сочувствую. - От идеи поговорить с отцом прямо сейчас мне снова становится дерьмово. - Он разговаривал с Анселем. Хотя, по правде говоря, "кричал" будет более точным описанием.

Она смеется, и этот такой знакомый звук заставляет мои ребра сжиматься до боли.

- Миа, ты должна воплотить в реальность свою игру для того, чтобы притянуть к себе красавчика.

- Знаю. Но я даже не могу представить того, что он снова захочет прикоснуться ко мне. Я сама к себе самой-то не хочу прикасаться. Даже тот огромный кролик-секс-игрушка на батарейках, которого ты подарила мне на мое двадцать первое день рождения, вероятнее всего, не захочет прикасаться ко мне. - Юмор испаряется, и мой страх возвращается, несясь по венам, а сердце колотится и конечности трясутся. Я не просто перевернула свой мир с ног на голову. Я перекинула себя на абсолютно новую орбиту. - Харлоу? Что я делаю здесь? Было ли это ужасной ошибкой?

Проходит время, прежде чем она отвечает, и я молюсь, чтобы она не заснула на другом конце линии. Когда она начинит говорить, ее голос более оживленный, сильный и задумчивый... именно такой, какой мне нужен в эту минуту.

- Забавно то, что ты спрашиваешь меня об этом *сейчас*, Миа. Но что еще забавнее, так это то, что тебе интересно, не ошибка ли это, и теперь я мысленно хлопаю в ладоши тебе.

- Что? - спрашиваю я, плюхаясь на диван.

- Когда ты отказалась аннулировать этот глупый, чертов брак, я была зла. И когда ты показала свою привязанность к Анселю, я подумала, что ты сошла с ума и станет лучше через пару дней, когда ты отойдешь от его ямочек. Но затем, ты уматываешь в Париж на *лето*. Для тебя не свойственно совершать сумасшедшие вещи, Миа, поэтому, предположу, что ты обнаружила свое сумасбродство и теперь пожинаяешь его. - Она делает паузу, добавляя. - Смею предположить, что тебе *весело* с ним.

- Да, это так. - Признаю я. - Или же нет. Было весело до того как я протекла и вырвала в его ведро.

- Ну, ты отыскала свое приключение на жопу, и ты собираешься повеселиться на полную катушку. - Говорит она, и на заднем плане я слышу шорох постели, и знакомый звук того, как Харлоу сворачивается на боку. - Почему бы и нет? Я горжусь тобой, и надеюсь, ты отлично проведешь время там.

- Я в ужасе от этого. - Признаю я, тихим голосом.

Она напоминает мне о том, что у меня есть в запасе кое-какая сумма денег, а также, напоминает о том, что мне двадцать три года. Напоминает, что мне ничего не нужно будет делать, кроме того, чтобы наслаждаться собой, впервые...*за всю жизнь*.

- Не то, чтобы ты *должна* все лето трахаться с Анселем. - Добавляет она. - То есть, ты можешь делать это, но там существует уйма занятий, и не стоит беспокоиться о том, что он подумает. Выйди из дома. Покушай *Макаруны*. Попей вина - и только не из-за того, что ты официально запретила себе блевать до сентября. Просто иди и испытай все это.

- Даже не знаю с чего начать. - Признаюсь я, выглядывая в окно. Вне нашей узкой улицы, мир снаружи - почти ослепляющее вмешательство зеленого и голубого. Я могу видеть за мили: собор, холм, вершины зданий, которые я видела на картинках. Крыши из плитки и меди, позолоченные и из камня. Даже из окна маленькой квартирки Анселя, кажется, что я оказалась в самом прекрасном городе в мире.

- Сегодня? - Она спрашивает, обдумывая. - Так, сегодня суббота июня, а значит, толпы будут просто огромные. Оставь на потом Лувр и Эйфелевую башню. Посети Люксембургский сад. - Она громко зевает. - Отчитаешься мне обо всем завтра. А теперь, я на боковую.

И она вешает трубку.

Ничто не является таким нереальным, как это, клянусь. Я ем у окна, наслаждаясь видом, а затем перебираюсь в небольшой душ из плитки, где я бреюсь, моюсь и очищаюсь, пока не ощущаю, что каждый дюйм моего тела достаточно выдраен. И когда я выхожу из него, пар начинает рассеиваться и, как ударом молнии, меня поражает осознание, что я не могу просто вернуться домой и взять вещи, которые я забыла упаковать с собой. У меня нет ни фена, ни утюжка. И я не смогу встретиться сегодня с девочками и выложить им обо всем. Ансель ушел на целый день, и я понятия не имею, когда он вернется. Я - одна, и впервые за пять лет, я использую свои сбережения, которые заметила, растут с завидной скоростью. Каждая зарплата от работы в кафе за время учебы в колледже откладывалась на этот счет. Мама настояла на этом. И теперь, эти деньги помогут провести мне лето во Франции.

Лето. Во Франции.

Мое отражение в зеркале шепчет мне: "*Какого хрена ты тут делаешь?*" Я мигаю и закрываю глаза, включая себя в режим автопилота.

Нахожу свою одежду. Он выделил место для моих вещей в своем комод и шкафу.

Мы женаты.

Расчесываю волосы. Мои туалетные принадлежности распакованы, сложенные в одном из ящичков в ванной.

Ты живешь со своим мужем в Париже.

Закрываю квартиру с помощью запасного ключа, который Ансель оставил для меня рядом с небольшим свертком евро.

Ловлю себя на том, что пялюсь на незнакомые купюры денег, неспособная подавить тревогу которую я ощущаю из-за того, что Ансель оставил мне их. Интуитивная реакция сжатия моего желудка при мысли о том, чтобы жить за счет кого-то другого, помимо моих родителей, теперь, думаю, мне нужно отказаться от этого, пока он не дома, а также, мы можем поговорить о чем-нибудь, обходя тему моей головы привязанной к унитазу.

В Вегасе и Сан-Диего, между нами не было различий. По крайней мере, тогда это *ощущалось* так, чем сейчас. Мы оба беззаботно отдыхали. А после, я вернулась бы к учебе, а он к своей работе, жизни, и со вкусом обставленной квартире. Но теперь, я выпустилась из колледжа, не имея никаких планов, девушка, которая нуждается в направлениях метро и оставленных у двери деньгах.

Оставляю деньги там, где они лежали, и направляюсь по узкому коридору к лифту. Он крошечный и по обе стороны от меня расстояние не более двух футов, я тянусь рукой и нажимаю на кнопку со звездой и номером 1. Лифт кряхтит и подрагивает, скользя вниз, механизмы жужжат надо мной, пока он не останавливается с глухим стуком на первом этаже.

На улице, вне дома, шумно, ветрено, жарко и хаотично. Тротуары узкие и выложены из брусчатки и булыжников. Иду вперед и останавливаюсь на углу там, где узкая дорога расширяется в главную улицу.

Здесь есть пешеходные переходы, но четких правил перехода нет. Люди сходят с тротуаров, не смотря ни на что. Автомобили используют клаксоны так часто, я задерживаю дыхание, и, кажется, они ни капельки не раздражены. Сигналят и едут дальше. Такое ощущение, что это сплошной поток машин, в котором нет просвета. Машины останавливаются, двигаются дальше и уступают по какой-то схеме, которую я совсем не понимаю. Уличные торговцы предлагают выпечку и бутылки с яркой, сияющей газировкой, а люди в костюмах, платьях, джинсах и в спортивных штанах проносятся мимо меня, словно я булыжник посреди реки. Язык лиричный и быстрый... и совершенно не понятный для меня.

вернуться

20

Брок и Джефф – два младших брата Мии.

Как будто город притворно разверзся передо мной, готовый поглотить полностью, в свое замысловатое сердце, прямо в беду. Я мгновенно и сильно влюбляюсь в этот город. Да и как бы я смогла устоять перед ним? На какую улицу я бы не сворачивала, каждая кажется самой красивой, как будто весь этот мир - сцена, которая ожидает познать мою нераскрытую историю. Я не чувствовала такого кайфа, с тех пор, как я танцевала, утопала в танце, жила им.

Использую телефон, чтобы отыскать метро на улице Аббес, которое в нескольких кварталах от дома Анселя, умудряюсь найти местоположение ветки, которая мне нужна и затем жду поезда, изо всех сил пытаюсь сориентироваться в окрестностях. Отправляю Харлоу и Лоле фотографии всего, что вижу: французские постеры книг, которые мы обожаем; женщину на шестидюймовых шпильках, которая итак выше большинства людей на платформе; прибывший поезд, который приносит с собой на станцию жаркий летний воздух и запах пыли от тормозов.

Это - короткая поездка в шестой округ, где находится Люксембургские сады, я следую за группой болтающих туристов, у которых, кажется, то же самое направление. Я готова была увидеть парки с лужайками, цветами и скамейками, но я точно не ожидала обнаружить огромную открытую местность в центре этого оживленного, тесного городка. Не ожидала увидеть широкие дорожки по бокам, которые выстроились в рядок идеально ухоженные деревья. Цветы здесь повсюду: ряды за рядами сезонных цветов, коттеджные лужайки, полевые цветы, живые изгороди и кружева из всевозможных цветов. Фонтаны и статуи французских королевских особ контрастируют с листвой. Верхушки зданий, которые я видела лишь в кино или на фотографиях вырисовываются на расстоянии. Любители позагорать растянулись на металлических стульях или скамейках под лучами солнца, а дети пускают небольшие лодки в пруду, в то время как Люксембургский дворец наблюдает за всем.

Нахожу пустую скамейку и сажусь на нее, вдыхая свежий воздух и ароматы лета. Мой желудок урчит от запаха хлеба из повозки, которая стоит поблизости, но я игнорирую это, выжидая, когда она начнет продавать его.

И я снова осознаю, что я в Париже. В пяти тысячах миль от всего, что я знаю. Это мой последний шанс отдохнуть, прежде чем начнется учеба и регламентированный переход из студента в профессионалы.

Я прохожу, каждый дюйм парка, бросаю пенни в фонтан, дочитываю книгу, которую взяла с собой, когда собирала сумку. Этим днем для меня не существовало ни Бостона, ни отца, ни школы.

Глава 8

Сегодняшний день выдался на славу, делаю остановку у небольшого рынка на углу, полная решимости приготовить для Анселя ужин. Всеми этими парижскими штучками, я испытываю себя. Учусь обходить языковой барьер и обнаруживаю, что тот факт, что я не говорю на французском их нисколько не огорчает. Не ожила этого. Кажется, только, когда я пытаюсь что-то сказать на нем и коверкаю его, они начинают ненавидеть наш барьер. Все, что мне нужно было делать - это улыбаться, указывать и невинно пожимать плечами, говоря "*s'il vous plait* [21]" и тогда, я получала все необходимое мне, например: вино, креветки, свежие макароны и овощи.

Но мои нервы начинают снова шалить, когда я вхожу в "не вызывающий доверия" лифт и он несет меня на седьмой этаж. Не знаю, дома ли он уже. Не знаю, что вообще ожидать. Начнем ли мы с того момента, на котором остановились в Сан-Диего? Или же начнем с сейчас, когда мы начали.... э...встретаться? Или опыт наших последних нескольких дней заставил его передумать о нашем маленьком эксперименте?

Погружаюсь в готовку, впечатленная маленькой кухонькой Анселя. Разбираюсь с его стерео и врубаю какую-то французскую танцевальную музыку, радостно пританцовывая на кухне. По квартире витают запахи масла, чеснока и петрушки, когда он входит, мое тело сразу же сжимается и напрягается, слышу, как он опускает ключи в маленькую миску на столике у

входа и кладет шлем на пол под него.

- Эй?

- Я на кухне, - отвечаю я.

- Ты готовишь? - вторит он, выходя из-за угла его лофта. Он выглядит так, будто не отказался бы проглотить что-нибудь съедобное. - Вижу, тебе лучше.

- Ты и понятия не имеешь на сколько.

- Запах - восхитительный.

- Все почти готово. - Говорю я, умоляя свой пульс малость замедлиться. При виде его, трепет внутри меня разрастается так буйно, что от этого мою грудь стягивает тисками.

Но затем на его лиц появляется расстройство.

- Что такое? - Смотрю туда, куда направлен его взгляд: на кастрюлю на плите, куда я заложила уже креветки с макаронами и овощами. Он морщится.

- Выглядит просто невероятно. Просто... - Он скользит ладонью сзади шеи. - У меня аллергия на моллюсков. - Я мычу, прикрывая лицо руками.

- Святое дерьмо, извини.

- Не надо, - говорит он, определенно огорченный. - Откуда бы ты могла узнать про это?

Вопрос висит между нами, и мы оба смотрим куда угодно, только не друг на друга. То, что мы знаем друг о друге, оказываются незначительным по отношению к тому, чего мы еще не знаем. Даже не знаю, как вернуться к начальной стадии.

Он делает шаг в мою сторону, повторяя:

- Такой роскошный запах.

- Хотела поблагодарить тебя. - Делаю паузу, прежде чем продолжаю, и впервые, насколько я помню, он отворачивается. - За то, что позаботился. За то, что взял сюда с собой. Пожалуйста, подожди, пока я сбегаяю, за чем-нибудь другим.

- Вместе ходим. - Говорит он, подходя ближе. Руками он прикасается к моим бедрам, они напряженны и ощущаются как-то неестественно.

- Хорошо. - Без понятия, куда засунуть свои руки, и вместо того, чтобы сделать то, что сделала бы нормальная женщина - обернула их бы вокруг шеи, притягивая его к себе - я неловко скрещиваю их на груди, постукивая пальцем по ключице.

Я жду, когда в его глазах вспыхнет смешинка или же он пощекочет меня и подразнит, вытворив что-нибудь смешное "в стиле Анселя", но он выглядит измотанным и напряженным, когда спрашивает:

- У тебя хорошо прошел день?

Начинаю отвечать, но затем он убирает одну руку, роясь в своем вибрирующем кармане,

вытаскивает его и смотрит на него хмуро.

- *Merde* [22].

Я знаю это слово. Он пробыл дома меньше трех минут, и уже понятно, что он скажет.

Он снова смотрит на меня, его глаза наполняются сожалением.

- Мне нужно вернуться на работу.

Когда я проснулась, Ансея уже не было, единственное свидетельство того, что он появился дома - это записка на подушке рядом со мной, в которой говорится, что он пробыл дома всего пару часов и спал на диване из-за того, что не хотел будить меня. Клянусь, что чувствую, как внутри меня, что-то раскалывается. Я легла спать в одной из его чистых футболок, и кроме нее, больше ничего. Новоиспеченные мужья не спят на диванах. Новоиспеченные мужья не волнуются о том, как не разбудить их новоиспеченную, безработную, жену-туристку посреди ночи.

Даже не помню, целовал ли он меня в лоб перед уходом, но огромная часть меня хочет написать ему смс и спросить, так как, я начинаю думать, что ответ на этот вопрос подскажет мне, должна ли я остаться, или же, заказать билет обратно домой.

Что бы отвлечь себя много не нужно, я провожу второй день одиночества в Париже: гуляю по саду музея Роден и рассматриваю выставленные экспонаты, а затем простаиваю бесконечную очередь на Эйфелевую башню.... но ожидание стоит того. Париж с высоты просто *нереален*. Он ошеломляет на земле, но еще больше он ошеломляет сверху.

Возвращаюсь в квартиру только поздним вечером воскресенья, Лола мой друг по переписке. Она сидит на своем диване у себя дома в Сан-Диего, поправляясь от вируса, который мы подцепили, и отвечает на мои смс-ки с обнадеживающей скоростью.

вернуться

21

Пожалуйста

вернуться

22

Еб твою мать

Я пишу ей: *"Думаю, он сожалеет о том, что взял меня с собой"*.

"Это безумие", - отвечает она. *"Звучит так, будто работа поглощает его сейчас. Да, он женился на тебе, но он не знал, сколько это продлится, но также он должен позаботиться"*

и о своей работе".

"Честно говоря, я чувствую себя содержанкой, но я еще пока не готова уехать отсюда! Этот город ишиизумительный. Может мне стоит остановиться в отеле, как думаешь?"

"Ты чересчур чуткая".

"Он спал на ДИВАНЕ".

"Может он заболел?"

Пытаюсь что-нибудь вспомнить, чтобы я могла услышать.

"Нет."

"Может он думает, что у тебя все еще 'незваные гости [23]'?"

Мои брови взлетают вверх от удивления. Об этом, я не подумала. Возможно, Лола права, и Ансель считает, что у меня до сих пор месячные? Может, я действительно должна выступить в роли секс-инициатора?

"Хорошо, логично".

"Проверь," - приходит ее ответ.

Этой ночью я сплю без футболки. Обнаженная.

Просыпаюсь и смотрю на часы. Почти половина третьего утра, и я сразу ощущаю, что его еще нет дома. Свет в квартире выключен, а постель рядом со мной пуста и холодна.

Но затем, я слышу шорох, звук расстегиваемой молнии и тихий стон из другой комнаты.

Поднимаюсь с постели, натягиваю одну из футболок, которую он оставил в корзине для грязного белья, и которая так сильно пропахла им, что на секунду останавливаюсь, закрываю глаза и пытаюсь успокоиться.

Когда вхожу в гостиную и смотрю в сторону кухни, то вижу его.

Он склонился над стойкой, одной рукой упираясь в нее. Рубашка распахнута, расслабленный галстук висит вокруг шеи, брюки приспущены на бедрах, а его другая рука двигается по члену.

Это гипнотизирует меня, вид чистого эротизма Ансея, доставляющего самому себе удовольствие, в тусклом свете, который льется из окна. Рука движется быстро, локоть согнут, и сквозь рубашку, я вижу напряжение его мышц на спине от того, что он толкается бедрами в руку. Делаю шаг вперед, в желании рассмотреть побольше, но моя нога наступает на доску, которая издает скрип. Звуки стонов разносятся по помещению, но затем он застывает, оборачиваясь через плечо.

Когда его глаза встречаются с моими, то сначала в них вспыхивает унижение, которое медленно перетекает в поражение. Он опускает руку, голова падает вперед, касаясь

подбородком груди.

Медленно подхожу к нему, не уверенная, хочет ли он меня, или же кого-нибудь *кроме* меня. Почему он занимается здесь этим, когда я обнаженная в его постели?

- Я надеялся, что не разбужу тебя. - Шепчет он. Свет из окна показывает мне четкие очертания его челюсти, и более смазанные, его шеи. Хочу ощутить на вкус его кожу, ощутить мягкую полоску волос, которая растягивается от его пупка.

- Как видишь, не вышло, но я хочу, *что бы ты* будил меня, в случае если ты хочешь... - Хотела сказать "меня", но опять же, не знаю, хочет ли он этого. - Если ты желаешь... чего-то.

Боже, разве могу я стать еще менее привлекательной?

- Поздно для этого, *Serise*. Прейдя, я начал раздеваться. И увидел тебя обнаженной в своей кровати. - Говорит он, его взгляд задерживается на моих губах. - Я не хотел тебя будить.

Киваю.

- Я *надеялась*, что ты увидишь меня голой.

Он выдыхает медленно через нос.

- Я не был уверен... - Прежде чем он заканчивает предложение, я уже встаю на колени, отстранив его руку, чтобы я смогла облизнуть его и воплотить его желание в реальность. Мое сердце грохочет так сильно, и я так нервничаю, что вижу, как моя рука дрожит в том месте, где я касаюсь его, но похуй на все. Говорю себе, направляемая наставлениями Харлоу, я уверенная в себе секс-богиня.

Говорю себе, мне нечего терять.

- Я легла в кровать голышом *намеренно*.

- Не хочу, чтобы ты чувствовала себя обязанной мне, - отвечает он хриплым голосом.

Поднимаю на него изумленный взгляд. Что случилось с очаровательно настойчивым парнем, которого я встретила лишь неделю назад?

- А я и не чувствую себя *так*. Ты просто был так занят...

Улыбка освящает его лицо, он сжимает у основания член и проводит им влажную дорожку по моим губам, размазывая капельку смазки, которая выступила у него на головке.

- Думаю, мы оба просто были слишком нерешительными, наверно.

Провожу языком по его члену, немного поигрывая и подранивая. Моя алчность растет к звукам его сбившегося дыхания, которые он издает, к грубому жаждающему рычанию, когда я почти полностью заглатываю его, а затем высовываю, целуя и еще сильнее раздражая.

- Я думал о тебе. - Признается он шепотом, глядя на меня и увлажняя свой член, проводя им по моему языку от основания до самой головки. - Я едва смогу думать о ком-то другом когда-нибудь.

Это признание заставляет испариться тот жесткий комок напряжения в животе, и только

осознала, как я переживала, пока он не произнес это. Такое ощущение, что я растаяла. Из-за этого мое стремление доставить ему удовольствие увеличивается, глубже вводя его в свой рот, давая ему почувствовать вибрации от моих стонов вокруг него. Видеть его таким нетерпеливым и облегченным от моих прикосновений, упрощает мою задачу продолжать быть игривой, храброй и наглой соблазнительницей.

Вынув его изо рта, я спрашиваю:

- Что мы делали в твоём воображении, когда ты дрович?

- Это, - отвечает он, наклонив голову и скользнув рукой в мои волосы, удерживая меня. Готовлюсь к его полному вторжению в мой рот за секунду до того, как он глубоко толкается в меня. - Трахая эти губы.

Его голова откидывается назад, глаза закрыты, бедра ходят ходуном перед моим лицом.

- *C'est tellement bon, j'en reve depuis des jours* [24]... - С видимым усилием, он выпрямляется, немного наклоняясь, толкаясь еще грубее.

- Сглотни, - шепчет он. - Хочу почувствовать, как ты глотаешь. - Он останавливается, чтобы я смогла сделать то, что он просит, хриплый стон вырывается из него, когда я продвигаю его еще глубже, сглатывая при этом.

- Проглотишь ли ты сперму, когда я кончу? Издашь ли ты тот жаждущий звук, когда почувствуешь ее? - спрашивает он, глядя на меня пристально сверху вниз.

Киваю в ответ, не вынимая его. Для него, я сделаю это. Хочу принять все то, что он даст мне. Хочу отдавать ему все в ответ. Он - единственный якорь, который есть у меня здесь, и даже если этот брак не настоящий, хочу вернуть то ощущений, ощущение, когда все между нами было простым и свободным, как в ту ночь в Сан-Диего, и в ту, которая была до нее, которую я запомнила только крошечными отрывками, вспышками кожи, звуков и наслаждения.

На протяжении нескольких минут он двигается, поощряя меня своими тихими рычащими звуками и шепотом, о моей красоте, скользя каждым дюймом вдоль моего языка, прежде чем оборачивает кулаком свой член и постукивает головкой по моим губам и языку.

Он кончает, беспорядочно, изливаясь в мой рот и на подбородок. Это было преднамеренно, должно быть, я знаю, что права, когда поднимаю глаза и вижу, как его глаза темнеют, видя свидетельство своего оргазма на моей коже, мой язык по инерции слизывает все с губ. Он делает шаг назад, пробегая большим пальцем по моей нижней губе, помогая мне собрать все. Затем, влажным полотенцем он нежно очищает меня и отходит, опускаясь на колени. Его слегка качает, и когда уличный свет озаряет его профиль, я вижу, что он вот-вот упадет от усталости. Последние несколько дней он практически не спал.

- Теперь, позволь мне заставить тебя почувствовать себя хорошо, - выдает он, и ведет меня в спальню.

Я останавливаю его, схватив за локоть.

вернуться

Месячные

вернуться

24

Так хорошо, я мечтал об этом в течение нескольких дней...

- Подожди.

- Что? - спрашивает он, и мои мысли разбегаются от грубости его голоса и закипающего расстройства, которые я никогда не слышала.

- Ансель, почти три утра. Когда ты в последний раз спал?

Выражение его лица невозможно рассмотреть в темноте, но здесь не так темно, чтобы я не смогла не заметить, как его плечи кажутся слишком тяжелыми для его телосложения, и как устало он выглядит.

- Ты не хочешь, чтобы я прикасался к тебе? Я кончил на твои губы и поле этого ты готова лечь спать?

Я качаю головой, и не сопротивляюсь, когда от тянется ко мне и скользит рукой под футболку, туда где мои бедра соединены. Он проталкивает палец туда, и стонет. Я намокла, и теперь, он тоже знает об этом. С тихим свистом, он начинает двигать рукой, при этом наклонившись, посасывает шею.

- Дай мне распробовать это. - Рычит он, его теплое дыхание достигает моей кожи, пальцы мягко скользят по моему клитору, затем продвигаются ниже и входят в меня.

- Это было неделю назад, Миа. Я хочу зарыться своим лицом в тебя. Меня трясет в его руках от того, как сильно я желаю его. Его кончики пальцев, словно небеса, его жаркое дыхание на моей шее, поцелуи посасывающие, а он нетерпеливо скользит по всей моей коже. Ничего же не изменят еще пятнадцать минут без сна?

- Хорошо. - Шепчу я.

Жду, пока он заканчивает чистить зубы, и затем скользит в постель, одетый только в боксеры, и уже после него я направляюсь в ванную.

- Сейчас приду.

Тоже чищу зубы, умываю лицо, и говорю своему отражению перестать все обдумывать. Если мужчина хочет секса, то займись им с ним. Как и я хочу этого. Так давайте займемся сексом! Тихо ступаю в темноту. Низ моего живота полыхает, между ногами все скользко и *готово*. *Вот тут то и начинается веселье, именно тогда, когда я могу насладиться им, этим городом и этим небольшим отрезком жизни, в котором мне не нужно ни о ком беспокоиться кроме себя самой, ну и конечно же о нем.*

Лунный свет освещает мой путь до подножья кровати, поэтому я выключаю свет в ванной и забираюсь к нему на кровать. Он теплый, запах мыла и лосьона после бритья сразу же пробуждают во мне дикое желание, которое я игнорировала в течении этих дней, и теперь, мне

срочно нужно оказаться в плену его рук, почувствовать его поцелуй и его движение сверху меня. Но даже когда я начинаю поглаживать руками его живот и грудь, он остается неподвижным, а его конечности, кажутся, отяжелевшими рядом со мной.

Когда я первый раз пытаюсь сказать что-нибудь, ничего не выходит, но второй раз у меня получается прошептать:

- Ты хочешь заняться сексом? - Вздрагивая от резких слов, в которых не присутствует ни грамма соблазна.

Он не отвечает, и я придвигаюсь ближе, и затем сворачиваясь вокруг его твердого и теплого тела. Он спит, крепко. Дыхание глубокое и равномерное.

Он снова стоит передо мной, только в этот раз в угольном костюме и черной рубашке. Он выглядит так, будто собирается на фото сессию: черно-белые кадры, он будто застигнутый врасплох на углу улицы, резкие очертания его челюсти на фоне неба.

Он наклоняется надо мной, оставляя целомудренный поцелуй на моих губах, в то время, как мои глаза открыты. Меняется направление, и от моего рта он переходит к виску, мой живот скручивается, когда я понимаю, что сегодня понедельник, и он снова будет работать весь день.

- Извини за прошлую ночь. - Тихо произносит он в мое ухо. Затем отстраняется, его взгляд отрывается от моего, и сосредотачивается на моих губах.

Мне снился сон – *эротический сон* - и я не была готова его покинуть. Ощущение, что я все еще могу чувствовать его руки и губы, его охрипший голос от работы, на протяжении часов, за мной, подо мной. Сон все еще омрачает мои мысли, подогревая мою храбрость для действия. Без раздумья, я тяну его за руку и затаскиваю его под одеяло.

- Мне снился ты. - Сиплым голосом говорю я, сонно улыбаясь ему.

- Миа...

Сначала, он не понимает, что я делаю, но затем до него доходит, когда я тяну его руку вниз по моим ребрам, и ниже по животу. Его губы раскрываются, взгляд тяжелеет. Ансель встречает своей рукой мои бедра на полпути, просовывая ее между моими ногами.

- Миа, - стонет он, с выражением лица, которое я не могу прочитать. Там присутствует тоска и беспокойство. Но затем осознание приходит ко мне.

Вот дерьмо.

Его пиджак сложенный висит на руке, сумка с ноутбуком на плече.

Он уже собрался.

- Ох. - Смущение подкрадывается к моей шее. Оттолкнув его руку от своего тела, я начинаю:

- Я не...

- Не останавливайся, - говорит он, сжимая челюсть.

- Но ты же уходи...

- Миа, пожалуйста. - Умоляет он, его голос низкий и нежный оборачивается вокруг меня как теплый мед. - Я хочу этого.

Его рука дрожит, глаза закрываются, и я позволяю сделать себе тоже самое, до того, как полностью просыпаюсь ото сна, прежде чем потеряю самообладание. О чем я думала в Вегасе? О том, что я хотела другую жизнь. О том, что я хотела быть храброй.

С закрытыми глазами, я снова могу претвориться. Я - сексуальная бомба, которой наплевать на его работу. Я - ненасытная жена. Я - единственное, чего он желает.

Я - мокрая, опухшая, и шумная. Звуки, которые он издает, когда скользит пальцами, просто нереальны: глубокие, урчащие стоны. Я могла бы кончить от того, что он дыхнет на мою кожу, настолько возбуждена, и когда, кажется, он собирается *подразнить* меня, я приподнимаю бедра в поисках его пальцев. И он исполняет мою безмолвную просьбу, входит в меня двумя, и я хватаюсь за его предплечье, покачиваясь вверх, трахая его руку. Не могу остановиться, даже плевать на то, как отчаянно я выгляжу.

Тепло скручивается под кожей, и я делаю вид, будто только оно имеет значение.

- Ох, дай мне увидеть, - шепчет он. - Отпусти это.

- Ааа, - задыхаюсь я. Тело цепенеет. Оргазм сформировывается прямо на краю, ощущения концентрируются и затем ползут вверх, туда, где его большой палец кружит напротив моей кожи, пока мой оргазм не взрывается во мне. Схватив его руку своими, я вскрикиваю, сжимаясь вокруг его пальцев. Руки, ноги и позвоночник ощущаются словно желе, словно их наполнили жидким теплом, а расплавленное облегчение струится по моим венам.

Открываю глаза. Ансель все еще во мне, затем медленно вынимает пальцы из меня, вытаскивая руку из под одеяла. Он смотрит на меня, в конце концов, сознание выталкивает сон окончательно. Другой рукой он приподнимает сумку выше на плечо. Комната погрузилась в тишину, и я пытаюсь сконцентрироваться на моей приторной уверенности, но я чувствую, как по груди, шее, лицу расплзается тепло.

- Извини, я... - Но он заставляет меня замолчать своими влажными пальцами, прижав их к моим губам.

- Не стоит. - Рычит он. - Просто, *не надо*. - Он прижимается к моим губам, не убирая пальцев, и проводит языком по ним, по моему рту, вкушая меня и выдыхая облегченно. Когда он отстраняется на достаточное расстояние от меня, его глаза встречаются с моими, и в них полно решимости. - Я вернусь домой рано вечером.

Глава 9

Сложно отслеживать свои затраты, когда евро все еще кажется незнакомой валютой. Учитывая то, какими другими кажутся вещи с Анселем по сравнению с тем, какими они были в Штатах - и как бы я не была влюблена в это место - часть меня думает: я должна остаться на 2 недели, посетить все, что смогу за это время, и после отправится обратно домой и загладить вину перед отцом, чтобы мне не пришлось заниматься проституцией или стриптизом, когда я перееду в Бостон и начну поиск квартиры.

Но идея встречи с отцом в данный момент заставляет меня похолодеть. Знаю, что то, что я сделала, было импульсивным и возможно даже опасным. Знаю, что любой любящий отец в этой ситуации имеет право злиться. А моего отца, буквально *все* выводит из себя. Мы все выросли дисциплинированными. Я сожалела, когда не должна была. Но в этот раз, я не смогла отыскать в себе сожаление. Возможно, я напугана и одинока от того, что не знаю, нормируется ли график Анселя, или же, что произойдет с нами этой ночью, завтра, на следующей неделе, или что случится, когда я попаду в ситуацию, в которой я не смогу ни с кем объясниться. Но это было первое решение в моей жизни, которое я сделала сама.

В голове у меня полный бардак, я все обдумываю мой утренний призыв к действию с Анселем, когда выхожу из душа. Передо мной зеркало идеально сухое, не запотевшее, без каких либо разводов от воды, как будто оно было обработано чем-то. Подумываю прибраться, чтобы сбросить немного калорий, но здесь абсолютно нечего убирать. Окно ванной сияет от солнца, которое светит прямо в него. Любопытство съедает меня, и я начинаю бродить, осматривая все. Квартира - безупречна, и - на моем опыте - для мужчины чистота странное качество. Прежде чем, добираюсь до окон в гостиной, я уже знаю, что увижу.

Или, скорее то, что я *не* нашла. Помню, как прикладывала ладони к стеклу в мой первый настоящий день здесь, наблюдая за ним забирающимся на мотоцикл. И уж точно помню, как прикасалась к окну больше чем один раз. Но не осталось, ни одного отпечатка, лишь безупречное, кристально-прозрачное стекло. Кроме нас здесь не бывает никого. В какой-то момент своего короткого пребывания дома, он выделил минуту, чтобы вытереть зеркала и стекла.

Пожилая женщина, живущая на нижнем этаже, подметает порог, когда я выхожу из лифта и, по крайней мере, час провожу с ней. Ее английский основан из фрагментов, смешанных с французскими словами, которые я не могу перевести, но как-то, наш разговор, который мог бы быть неловким, на удивление идет просто отлично. Она рассказывает мне, что лифт был встроен в семидесятые, после того, как она и ее муж переехали сюда. Подсказывает, что овощи намного лучше вниз по Rue de Rome, чем в магазине на углу. Предлагает мне крошечный зеленый виноград с горькими зернышками, который заставляют мурашки бегать по моей коже, но кажется, я не в силах перестать их есть. А потом, она говорит, что рада видеть так часто улыбающегося Анселя, и то, что никогда не любила *других*.

Отгораживаю у себя в голове эту часть информации, выталкиваю нездоровое любопытство из головы и благодарю ее за компанию. Ансель - великолепен, успешен и очарователен. Конечно же, у него была жизнь до того, как я очутилась с ним в аэропорту, жизнь, которая, без сомнения, включала в себя женщин. Это не удивляет меня, знанием о том, что кто-то был с ним до меня. Это лишь только заставило меня понять, что я все еще жду, чтобы узнать *что-нибудь* о нем, не считая того, как он выглядит без одежды.

Провожу большую часть дня, осматривая наш район и составляя мысленную карту местности. Улицы растягиваются до бесконечности, магазины за магазинами, крошечные переулки, за крошечными переулками. Похоже, будто ты летишь вниз по кроличьей норе [25], но здесь я знаю, что смогу найти выход. Просто нужно найти литеру *M*, которая указывает

местонахождение метро и тогда будет проще простого добраться до улицы Анселя.

Моей улицы, напоминаю себе. Нашей. Совместной.

Мысль о его доме, как о моем - это как притворится, что съемки кино - это дом, или же уже привыкнуть, наконец, к тому, что евро - настоящие деньги. И каждый раз, когда я смотрю на свое обручальное кольцо, все это еще больше кажется нереальным.

Мне нравится, как улица смотрится в сумерках. Яркое небо высоко надо мной, но оно начинает угасать в том месте, где солнце начинает заходить за горизонт. Длинные тени пересекают тротуар, и цвета каким-то образом кажутся насыщеннее, чем я когда либо видела. Здания наполняют узкую улочку, а трещины и неровность тротуара ощущаются, словно путь к приключениям. При дневном свете, дом Анселя выглядит немного обветшалым, обветренный пылью и выхлопными газами. Но ночью, он кажется ярче. Мне нравится, что наш дом - сова.

Пока иду по кривому тротуару, я понимаю, это первый раз, когда я прошла весь путь от Rue St.-Ноноге до метро, сев на правильной станции, и затем добравшись до дома без использования навигатора на моем телефоне.

Позади себя слышу проезжающие машины, мотоциклы и звонки велосипедов на дороге. Смех кого-то доносится из открытого окна. Все окна открыты настежь, как и балконные двери, со ставнями, чтобы впустить хоть какой-то вечерний холодок, когда ветер вздымает шторы.

Легкость появляется в моей груди, когда я приближаюсь к нашему дому, за которой следует скачек пульса, когда я замечаю припаркованный мотоцикл Анселя у тротуара.

Наполняю легкие воздухом, крошечными шагами ступаю в вестибюль и затем направляюсь к лифту. Моя рука трясется, когда я нажимаю на кнопку нашего этажа, напоминая себе дышать. *Глубокий вдох. Глубокий выдох. Продолжай в том же духе.* Это будет первый раз, когда Ансель приехал домой раньше меня. Первый раз, когда мы будем в квартире вместе, и никто из нас не будет полусонным, рыгающим или же работающим в ранние часы утра. Мои щеки вспыхивают, когда я вспоминаю его рычание: "Не стоит. Просто, не надо" этим утром, после того как я кончила с помощью его руки.

О, милостивый, Боже.

Мой желудок переполнен бабочками, смесь нервов и адреналина выталкивает меня из лифта. Вставляю ключ в замок, глубоко вздыхаю, и открываю дверь.

- Дорогой, я дома! - Подпрыгиваю на лестничной площадке и останавливаюсь от голоса Анселя. Он на кухне, телефон зажат между плечом и ухом, он говорит так быстро на французском, что не уверена, как человек на конце линии может, что-то понять. Он явно взволнован, повторяя одну и ту же фразу громче и с каждым разом раздраженнее.

Он еще не заметил меня, и, конечно же, я без понятия о чем он говорит или же с кем, ничего не могу с этим поделать, но чувствую будто я вторгаюсь. Его досада словно другой человек в комнате. Я тихо кладу ключ на стол, и мне интересно, должна ли пройти в зал или же отправится в ванную. Вижу, как он ловит мое отражение в окне гостиной. Он застывает. Его глаза расширяются.

Ансель поворачивается, натянуто улыбаясь. Поднимаю руку, неловко махая.

- Привет, - шепчу. - Извини.

Он машет в ответ, и с извиняющейся улыбкой, поднимает палец, показывая жестом, чтобы я подождала. Киваю, думая, что он имел в виду подождать, пока он не окончит разговор... но он не кладет трубку. Вместо этого, он кивает, чтобы я проходила дальше в квартиру, а сам идет в спальню, закрыв за собой дверь.

Все что я делаю, это пялюсь на белую дверь. Его голос просачивается из комнаты, и если такое возможно, становится еще громче, чем был раньше.

Моя сумка соскальзывает с плеча, приземляясь на диван.

На стойке лежат продукты: контейнер со свежей пастой, травы, и треугольник сыра. Багет, завернутый в коричневую бумагу рядом с кастрюлей, в которой вода начинает закипать. Простой деревянный стол сервирован ярко-красной посудой, а букет ярких цветов в вазочке стоит в центре стола. Он готовил для нас ужин.

Открываю дверцы гарнитура, ища бокалы, и пытаюсь игнорировать голос, который доносится из другой комнаты. Разговор с человеком, которого я не знаю. На языке, на котором я не говорю. Также пытаюсь избавиться от беспокойства, которое плотно засело у меня в животе. Помню то, как Ансель рассказывал, что его босс была обеспокоена тем, что он стал *отвлекаться*, и мне интересно, не с ней ли он разговаривает. Это может быть и один из его друзей - Финн или Оливер - или Перри, тот, которого не было в Вегасе. Но мог бы он звучать так разочарованно, разговаривая с боссом или *другом*?

Мои глаза смотрят на спальню, в то время как открывается дверь, и я попрыгиваю, немного напуганная, и пытающаяся выглядеть занятой. Тянусь к пучку базилика и ищу нож в ближайшем ящике, который находится на уровне моего бедра.

- Мне очень жаль. - Извинятся он.

Отмахиваюсь от него, и мой голос получается каким-то писклявым.

- Не беспокойся! Ты не должен отчитываться передо мной. У тебя была жизнь до моего появления. - Он наклоняется ко мне, целую меня в обе щеки. Боже, от него так хорошо пахнет. Его губы мягкие, что мне приходится схватиться за стойку, чтобы удержаться на ногах.

вернуться

25

Кроличья нора из произведения Льюиса Кэррола «Алиса в стране чудес»

- Да, *была*. - Говорит он, забирая нож из моей руки. - Также как и у тебя. - Когда он улыбается, улыбка не достигает его глаз. Даже ямочки нет. Я скучаю по ней.

- Почему твоя работа убивает всю твою жизнерадостность? - спрашиваю я, желая, чтобы он снова коснулся меня.

С веселой ухмылкой, он пожимает плечами.

- В фирме, я еще пока новичок. Наша корпорация огромна, поэтому через меня проходят тысячи и тысячи документов. Даже не знаю, помнят ли юристы, которые работали в течение тридцати лет здесь, такую занятость.

Подношу небольшой помидор к губам, мммкаю напротив него и говорю:

- Это плохо. - Засунув его в рот.

Он наблюдает за тем, как я жую, и медленно кивает.

- Ага. - Его глаза темнеют, и он моргает один раз, затем снова, сильнее, его глаза проясняются, когда он снова встречается глазами со мной. - Как прошел день?

- Мне немного стыдно за то, что я веселюсь, а ты застрял в офисе на весь день, - признаюсь я. Он откладывает нож, поворачиваясь лицом ко мне.

- Так... ты остаешься?

- А ты *хочешь* этого? - Отвечаю встречным вопросом, голос тонкий с неловкими нотками, а мой пульс грохочет в горле.

- Конечно же, я хочу этого. - Настаивает он. Нащупывая рукой галстук, расслабляет его и снимает, кидая на дальний конец стойки. - В отпуске проще претворится, что реальной жизни не существует. Я не подрассчитал то, как моя работа повлияет на все. Или я, может быть подумал, что ты умнее меня, и менее импульсивна.

- Обещаю. Все нормально. Париж не так плох. - Лучезарно улыбаюсь ему.

- Проблема в том, что я бы хотел наслаждаться тобой, пока ты здесь.

- Ты имеешь в виду моим сверкающим остроумием и большим мозгом, не так ли? - Спрашиваю я, усмехаясь, и тянусь к базилику на стойке.

- Нет, мне плевать на твой мозг. Я про твои сиськи. Единственное, что меня волнует это твои сиськи.

Смеюсь, облегчение разносится по венам. Он вернулся.

- Кто позволил тебе окончить юридическую школу, олух?

- Потребовалось кое-какая убедительность, но мой отец - богатый человек.

Снова смеюсь, он делает шаг ко мне, но как только это происходит, движение снова вызывает неловкость, в то время как я тянусь к нему на встречу, и наши руки сталкиваются в воздухе. Мы извиняемся в один голос, а затем стоим так, пялясь друг на друга.

- Ты можешь прикасаться ко мне. - Говорю ему я, пока он спрашивает:

- Почему ты никогда не берешь деньги, которые я оставляю на столике?

Делаю паузу, прежде чем начинаю шептать:

- От этого у меня странные чувства, будто я проститутка.

Ансель наклоняется, посмеиваясь со мной на пару.

- Извини. Не знаю, как сказать тебе то, что практиковал весь день. - Он запускает пальцы в волосы, оставляя их торчать в разные стороны, в одно и то же время смешно, но и *черт...* от

этого мне тоже охота пробежаться по ним руками. - Вина съедает меня от того, что я практически всегда занят с тех пор, как мы прилетели, поэтому хочу быть уверенным в том, что ты веселишься.

Ох. Вина делает версию робота из весельчака, за которого я вышла замуж.

- Ансель, ты не обязан, заботится обо мне.

На его лице появляется огорчение, но он берет себя в руки.

- Я хочу сделать что-нибудь.

- Уже, взяв меня с собой сюда. - Напоминаю я ему.

- Но я едва виделся с тобой. И прошлой ночью, я заснул... и ты... - Наблюдаю, за тем, как его язык появляется изо рта и увлажняет губы. Его взгляд прикован к мои губам. Его губы раскрыты. - Все это так странно. - Шепчет он.

- Странно, - соглашаюсь. - Но я все равно не возьму твои деньги.

- Мы женаты.

- Но не так. - Он снова смеется, качая головой в притворном раздражении, но из-за веселья на его щеке появляется ямочка, и от этого мое сердце увеличивается в десять раз, не помещаясь в груди. *Привет, любимый.* Юридически, да, мы женаты. Но я уже итак опираюсь на него в плане жилья и еды. Поэтому, нет никакого способа, чтобы я брала еще его деньги, при этом, не зная его отчества.

Дерьмо, я даже этого не знаю.

- Думаю, хорошо, что ты проводишь так хорошо время. - Говорит он осторожно. - Была ли ты в Musee [26]...?

- Какое у тебя отчество? - Выпаливаю я.

Он наклоняет голову, крошечная улыбка затаивается в уголках его губ.

- Чарльз. После моего отца.

Выдыхая, произношу:

- Хорошо. Ансель Чарльз Гийом. Отличное имя.

Его улыбка мгновенно распрямляется, когда он понимает, к чему был этот вопрос.

- Хорошо. А твое отчество?

- Роуз.

- Миа Роуз?

Мне нравится, как он произносит Роуз. Звук «р» выходит у него более урчащим, чем на самом деле должен быть.

- Ты произнес мое отчество лучше, чем кто-либо другой.

- Я обязан был это сделать, - мурлычет он, подмигивая. - Официально, теперь это мое любимое имя.

Смотрю на него, и чувствую, как мой рот медленно расползается в улыбке.

- Мы делаем все в обратном порядке. - Шепчу.

Он немного приближается ко мне, говоря:

- Я должен снова и снова соблазнять тебя.

Оу, я трепещу.

- Неужели?

Его улыбка становится опасной.

- Хочу тебя в моей кровати сегодня. Обнаженной. Подо мной.

Он говорит о *сексе*, и внезапно, я понимаю, что мне не влезет и кусочек в горло. Мой желудок поднимается к горлу, а трусики почти слетают от предвкушения.

- Вот почему я начал готовить для тебя ужин. - Продолжает он, не обращая внимания. - Плюс, моя мать кожу бы содрала с меня, узнав о том, сколько я питаюсь едой на вынос в день.

- Ну, я не могу представить тебя, приходящего домой ночью и готовящего себе что-нибудь покушать.

- Правда. - Растягивая, он произносит, ставя несколько ударений в слове, подходя ко мне еще ближе. - Я хотел сделать это еще прошлым вечером. - Улыбается и качает головой, затем смотрит на меня вниз. - И еще после того, как оставил тебя этим утром, поле твоего искусного использования моих пальцев. - Делает паузу, убеждаясь в том, что завладел полностью моим вниманием, прежде чем добавить.

- Я хотел остаться.

Ох. Интересно, слышит ли он, как мое сердце внезапно падает в желудок, потому что, это ощущается как авария, которая уничтожает всю комнату. Моя голова полна слов, но между моим мозгом и ртом какой-то разлад, так как я не могу *ничего* произнести. Каждый волосок на моих руках встает дыбом, а Ансель стоит и наблюдает, ожидая реакции.

Он хочет заняться сексом сегодня. И я хочу этого сегодня. Но то, что было проще простого, до этого, внезапно стало ощущаться таким...сложным. Мы займемся этим сейчас? Было бы хорошо, если на диване, а возможно на столе... или же нам следует закончить ужин и пойти в спальню и остаться цивилизованными? Смотрю в окно и вижу, что солнце все еще просачивается в окошко над кроватью. Он увидит мои шрамы. Все. С одной стороны, я знаю, что он видел их уже - чувствовал их на коже - но это совсем другое. Это не спонтанный возможно-который-никогда-больше-не-случится-снова секс. Это не ты-без-понятия-кто-я-поэтому-я-могу-быть-кем-угодно секс. И не просто-наткнулся-на-прекрасную-возможность секса. Но этот секс - мы планируем, секс, которым мы займемся, когда мы захотим того. Доступный секс.

Пока эти мысли и вспышки картинок проносились в моей голове, он терпеливо наблюдал и ждал моего ответа с неуверенностью в глазах. Я слишком много думаю и паникую из-за того, что налажаю. Из-за этих переживаний мне сложно дышать, словно мое горло и грудь наполнены дымом.

- Ты голодна? - спрашивает он, меняя тему.

- Я не должна быть. - *Что это значит, Миа?*

- Но... ты голодна? - Он почесывает подбородок, по понятным причинам смущенный. - Я имею ввиду, мы можем поужинать сначала, ели хочешь.

- Не хочу. Нам не следует. Давай не будем? Со мной будет все хорошо, если я поем потом.

С тихим смешком, Ансель выключает конфорку и разворачивается. Он берет мое лицо в свои руки, теплые ладони на моих щеках, а затем целует меня. Его губы дразнят мои, мягко покусывая их. Чувствую, как его пальцы скользят в мои волосы и он тянет мою голову назад, отстраняя ее для того чтобы провести своим носом по-моему и наклоняя мой подбородок для себя. Его пальцы подрагивают напротив моей кожи, а выдыхает он с трудом, еле сдерживаясь.

вернуться

26

с фр. музей

Делаю резкий вдох, когда кончик его языка толкается внутрь моего рта, и стон срывается с его губ. Мои соски твердеют, в то время как мы начинаем пятиться к спальне, и я ощущаю тяжесть моей груди, тепло между ног.

Он наступает на мою ногу, и он шепчет извинения между поцелуями, а я морщась, отвечаю:

- Все нормально, нормально.

Мои глаза закрыты, но я чувствую, когда он начинает стряхивать свои ботинки, и слышу, как они падают, ударяясь о деревянный пол. Спиной он припечатывает меня к стене, затем снова извиняется в мой рот, посасывая мой язык и пытаюсь отвлечь меня. Его пальцы пробегают по пояснице, и заползают под подол моей блузки, он стягивает ее через голову и кидает куда-то позади нас. Мои руки дергают его рубашку, пока его кожа не становится полностью обнаженной и не прижимается всей своей теплотой к моей.

Одежда летит во все стороны, он - буквально - выпрыгивает из брюк, комната наклоняется, я открываю глаза и вижу потолок над собой и ощущаю мягкие простыни под собой. Ансель проделывает дорожку из поцелуев вниз по моей шее, плечу, и прямо к груди. В комнате темнее, чем я ожидала, и я почти забыла, что мы голые, пока он не встает на колени и тянется через меня, возится с прикроватным столиком и достает презерватив.

- Оу, - выдыхаю я, сводя брови вместе. Думаю, теперь мы готовы продолжать. Так же предположу, что результаты теста крови еще не готовы. - Мы...? - Он смотри вниз на пакетик с фольгой.

- Я проверил почту и... мы не... то есть. Если...

- Нет, - выпаливаю я, - Хорошо. Все в порядке. - Может ли быть ситуация более неловкой? Он думает, я чем-то болею? Думает ли он, что приключение в Вегасе, повседневное дело для меня? И что на счет него? Что на счет *той другой*? Обнаженная грудь и руки надо мной, его плоский живот, его твердый член торчит между нами - как много других женщин наслаждалось этим же видом?

- Нам определено стоит его использовать, мы взрослые люди, и будем пользоваться им, пока не узнаем результаты.

Он кивает, и мимо меня не проходит тот факт, что его руки дрожат, когда он разрывает упаковку, затем он подносит презерватив к головке и раскатывает латекс по всей длине члена. Мои ноги раздвинуты, он устраивается между ними, его глаза поднимаются ко мне.

- Все нормально? - спрашивает он.

Киваю и задыхаюсь, когда его пальцы прикасаются в том месте, где я влажная, легко кружа ими, а затем он заменяет их членом.

И *ooo...* хорошо. Это ощущается... приятно.

- Все еще нормально? - спрашивает он снова, и на этот раз я оборачиваю свои ноги вокруг его бедер и тяну его к себе.

Он выдыхает, когда толкается в меня, его тело на одном уровне с моим. Его тихие звуки вибрируют напротив моей кожи, и я киваю, давая ему знать, что все отлично и чтобы он продолжал. Выходит, и снова входит. Его волосы щекочут мою грудь, когда он смотрит между нами, наблюдая за тем, как он движется во мне. Снова и снова.

Я чувствую каждый вдох, который он делает, каждое слово и стон, которые слетают с его губ, и хлопающие звуки кожи, когда он толкается в меня. Снаружи раздается крик, и я поворачиваюсь в сторону окна. Ансель касается моего подбородка и улыбается, когда снова возвращает мое внимание к себе. Целует меня. Чувствую вкус вина, которое он, возможно, пригубил, перед тем как начать готовить ужин. Ощущаю запах его лосьона после бритья. Но при этом, я слышу звуки улицы и ощущаю густой, влажный воздух в квартире.

Это проходит через меня. Я не замечала все эти вещи до этого раза, даже когда мы были вместе в Вегасе или же в его номере отеля. Я была так потеряна в фантазиях о том, где мы были или чем занимались, претворяясь кем-то другим с другой жизнью, что забывала думать или беспокоиться. Все, что я хотела, это был *он*.

Ансель ускоряется между нами, его пальцы скользят там, где мы соединяемся, затем они поднимаются к клитору. Так хорошо, очень хорошо. Быть с ним и есть хорошо, и его звуки просто восхитительны. Всего несколько минут прошло с тех пор как он вошел в меня, но... ох...я что-то чувствую.

Там? *Там*.

- Да, - выдыхаю, и он матерится в ответ, бедра начинают ходить ходуном. И *ВАУ*, это, безусловно, помогает, потому что, я снова чувствую это. Вспышку, которая скручивается у меня глубоко в животе. Давление растет, тяжелеет и снова *это* происходит, я уже близко.

Это так?

Да.

Нет.

...возможно?

Подмахиваю бедрами, и в ответ он движется жестче и быстрее, пока спинка кровати не начитает долбиться в стену и...

Тяжеловато подстроится под него. А что на счет соседей?

Уф, заткнись, мозг! Сжимаю глаза, и пытаюсь переключить работу ума на процесс. Глубокий вдох. Смотрю вверх. Ансель во всем своем великолепии усердно работает надо мной, шепча грязные словечки в мое ухо, некоторые из них мне понятны, а некоторые, черт возьми, могли быть его списком покупок, но звучали они очень горячо.

- Я практически могу слышать, как ты думаешь, *Cerise*. - Шепчет он. - Перестань.

Боже, я пытаюсь. Подтягиваю ноги выше по его бокам, пытаюсь направлять его, молча умоляя свое тело, вернуться к тому месту, где мои конечности тают, я глохну, и остаются лишь звуки его приближения, но... дерьмо, этого не происходит. Тупое тело. Тупой мозг. Тупой темпераментный организм.

- Дай мне послушать тебя, - говорит он, но это звучит больше как вопрос. Будто он простит меня. - Ты не должна сдерживать себя.

Я сдерживаю? Стон вылетает из меня от того, как неловко я себя чувствую. Снова закрываю глаза, должна ли я сказать ему, чтобы он не ждал меня, напомнить ли ему, о том, что мое тело требует слишком много времени, или, не могу поверить в то, что даже подумала об этом, но может мне сфальсифицировать оргазм.

- Ансель, - говорю я, сильнее хватаясь за его плечи, потому что, честно говоря, я без понятия, что вот-вот выйдет из моего рта. - Ты ощущаешься так хорошо, но...

- Ооо, Боже, - стонет он. - Пока нет. Нет.

Он закусывает свою губу, сжимает мои волосы рукой, пока другой хватает меня за попу и подтягивает ее к себе. Ближе. Наклоняется и стонет в мой рот, и если бы у меня не было этой неразберихи в голове, *милостивый Боже*, то это было бы крышесносно.

- Блять. Блять. *Блять*. - Стонет он, и входит в меня последний раз, так глубоко, что я чувствую, еще чуть-чуть, и я сложусь вдвое. Воздух выходит из моих легких со свистом, когда он всем своим весом падает на меня. Я так и лежу, смотря в потолок.

Мне знаком этот момент, я сталкивалась с ним снова и снова на протяжении своей жизни. Момент, когда мое тело не обрело освобождение, и все что остается мне делать, это думать, что со мной что-то не так. Возможно, я никогда не испытаю обычный оргазм.

Ансель целует меня в губы мягко и медленно, потом выходит из меня и стягивает презерватив.

- Ты в порядке? - Интересуется он, пытаюсь поймать мой взгляд.

Подтягиваюсь, и делаю все возможное, чтобы выглядеть хорошенько оттраханной. Улыбаюсь широко ему и говорю:

- Определенно. Просто... - делаю драматическую паузу, - «так расслабилась сейчас» - Протягиваю я сонно.

Могу поклясться, что могу услышать, как на кончик его языка вертятся слова: *Ты кончила?*

- Хочешь поужинать? - спрашивает он вместо этого и целует меня в подбородок. Его голос немного подрагивает, дыхание еще не успокоилось.

Кивнув, я смотрю, как он скатывается с кровати, снова натягивает на себя одежду, и мило улыбаясь, выходит из комнаты.

Глава 10

Еще три дня проходят, как в тумане, между беготней по достопримечательностям, разнообразной едой, кофе и стертymi до мозолей ногами, при этом, проводя дома, буквально несколько часов, с бодрствующим Анселем. С ним легко быть, его беззаботность вернулась, после того, как его график немного разгрузился, вернулась его редкая способность заставлять меня говорить и смеяться над чем угодно, будь то овощи, спорт, фильмы, соотношения размера обуви и пениса, или даже мои любимые места для поцелуев.

Но, ни один из нас не знает, как снова вернуть те комфортные *прикосновения*. Вечером в среду, мы обнимаемся на диване, в то время, как он целует меня в макушку головы, шепотом перевода с французского на английский криминальную драму. А когда утром уходит на работу, целует в висок, и потом звонит в полдень и в четыре.

Такое ощущение, что он передал мне весь контроль в плане секса... скажем так. И большую часть времени, я лажаю в этом. Хочу рассказать ему, что я никогда не буду соблазнительной секс-бомбой, и о том, что он должен выпустить ту необузданность Анселя, но он слишком устает для чего-то большего, кроме того, чтобы стянуть свою обувь при возвращении домой.

Поэтому я претворяюсь, что участвую в монтаже кино, вовлеченная в новую утреннюю рутину в моей невероятной парижской жизни. Смотрю из окна и потягиваю кофе, который Ансель сварил перед уходом, решая, чем займусь сегодня, просматривая коротенький список с переводами, который он оставил для меня.

Как дела? *Comment allez-vous?*

Спасибо. *Merci.*

Вы говорите на английском? *Parlez-vous anglais?*

Как добраться до метро? *Ou se trouve le metro?*

Не подскажите, где здесь туалет? *Ou sont les toilettes?*

Сколько стоит? *Combien ca coute?*

Почему нет? Потому что, я не заинтересована. Мой муж идеален. *Comment, non, ca ne m'interesse pas. Mon mari est parfait.*

После того, как я принимаю душ и одеваюсь, отправляюсь за выпечкой в крошечную кондитерскую, в двух кварталах от нашего дома, где болтаю с американкой - Симоной, которая работает там, а после пешком или на метро добираюсь до мест, в которых не бывала прежде.

Латинский квартал, Монмартр, музей Орсе, Катакомбы Парижа. В моих планах был даже велотур по Версалю, где бы я посмотрела экспансивные сады и дворец.

Это жизнь мечты, и я понимаю это. Такая жизнь мечты, в которой будущее меня почти ненавидит, а настоящее предоставляет мне кучу свободы и чувство одиночества. Это смешно. Просто... мне *нравится* Ансель. И я жажду проводить больше времени с ним.

По крайней мере, мое утешение в осознании того, что я могу позвонить Лоле или Харлоу в любое время, поднять их из кровати, и они всегда поддержат меня.

Пятничным днем, я обнаруживаю солнечную лавку у музея Орсе и набираю Харлоу, выложив ей все парижские приключения. Несмотря на то, что Харлоу была здесь больше раз, чем я помню, я все равно рассказываю ей о нашей квартире, о метро, выпечке, кофе, и бесконечных и извилистых улочках. Рассказываю, что очень просто проходить мили, не замечая этого, и что самые невероятные достопримечательности чаще всего скрыты в самых обычных местах... хотя в Париже нет ничего обычного.

- И я встречаюсь с людьми! - восклицаю я. - Помимо Ансея.

- Например? Заслужат ли они нашего одобрения?

- Возможно? - отвечаю я задумчиво. - Это девушка. Она тоже из Штатов, работает в пекарне, в той, где я завтракала. Ее имя - Симона, она из Вэлли...

- Иуу!

Я смеюсь.

- Но она использовала слово *жуткий* в значении "клевый" и после этого, я не могу думать о ней, кроме как о Жумона [27].

- По этой причине, я бы сменила ориентацию ради тебя, Миа. - Выдает Харлоу. - Сначала, ты едва говоришь, а затем дерьмо вроде этого вылетает из твоего рта. Как в тот раз, когда ты назвала меня Харлядью [28], когда мы подрались в седьмом классе, и от этого я начала хохотать без остановки, пока не описалась в штаны, помнишь? Из нас с тобой хреновые бойцы получились.

- Слушай, - говорю я, пытаюсь вспомнить. - Она не разговаривает со своей лучшей подругой с пятого класса, потому что они обе выбрали одну и ту же песню для первого свадебного танца.

Харлоу молчит.

- Другой пример приведи. Посмотрим, что получится.

- Серьезно? - Я отстраняю телефон от уха и плююсь на него так, будто она могла увидеть мое осуждение через него. - И не беспокойся, Харлоу, ни я, ни Лола не собираемся выбирать на свадьбу песни Селин Дион.

- Я понимаю, что ты издеваешься надо мной, но Селин - удивительная. И даже не начинай.

Я мычу.

- Хорошо, хорошо. Еще один пример. - Подбираю варианты. Могу рассказать о другом бариста, необщительном Рее, которого я начала мысленно называть Реелчун [29]. Но затем вспоминаю

о странной привычке Симоны. - Жумона говорит "ЕМЖ". Как...

- Стой, - перебивает она меня. - Что за "ЕМЖ"?

- Ебать мою жизнь.

- Вау, хорошо. - Говорит она. - Люди используют такое, только в случае, если у них рак или их переехал грузовик.

- Ага. - Отвечаю я, кивая. - Но она немного искадила значение этого. Проливая кофе на руку, она говорит это. Ломает ноготь, и я не шучу, опять "ЕМЖ". Снаружи, этот город просто безумен. Водители гоняют здесь, как сумасшедшие, а пешеходы ходят по дорогам словно считают "У меня была чудесная жизнь, и будет нормально, если она прервется на этом месте."

Харлоу хрюкает на другом конце трубки, и от этого, у меня в душе теплеет, снова заставляя мой мир крутиться.

- Обед с бутылкой вина и четырьмя эспрессо? - Спрашиваю я, хихикая. - Почему бы и нет?

- Звучит так, будто этот город подходит мне. - Произносит Харлоу.

- Ты бывала здесь, почему я описываю тебе все это?

- Потому что ты скучаешь по мне?

Откидываюсь на спинку скамьи.

- Да. Это так. Скучаю.

На какое-то время повисает молчание, а потом она спрашивает:

- Как муженек?

Ох. Начинается.

- С ним все нормально.

- Правда? - интересуется она, понижая голос. - Это все, что ты скажешь мне? Тебя не было около двух недель, ты живешь с ребенком Адониса, и все, что ты мне можешь сказать это "С ним все нормально"?

Закрываю глаза, подставляя лицо солнцу.

- Он милый, но *много* работает. И когда он дома, я пытаюсь быть соблазнительной, но у картонной коробки это получается лучше.

- Ну, завела ли ты там *других* друзей? Горячих? Для меня? - спрашивает она, и я слышу улыбку в ее голосе.

Я хмыкаю.

- Не совсем. То есть, прошло всего полторы недели, и большую часть времени я проболела. Я познакомилась с женщиной, она едва говорит на английском, но у нас получилось пообщаться.

- Пусть Ансель познакомит тебя с кем-нибудь, пока его не бывает.

- Угу, я о его друзьях ни разу не слышала. Не пойми не правильно. Мы так мало проводим времени друг с другом, что не уверена, что хочу делиться им. Но... это странно? Думаешь, странно, что он не упоминал ни о ком?

- Хмм, ну... либо у него куча мертвых девушек где-то, поэтому он пытается не распространяться...

- Ха ха.

- ... либо все так, как ты и сказала, он *занят* по горло. Были времена, когда мы не видели мою маму неделями, так как она была на съемках.

Тяну футболку за разрез, думая, что в этом есть смысл.

- Да, возможно, ты права.

- *Иииили*, - начинает она, - он парень, и соответственно, претворятся, будто ты счастлива, разгуливать по его квартире голышом на протяжении всего дня. Отдаю свой голос за эту гипотезу.

- Приму это к сведению.

- Через несколько недель, ты снова окажешься в самолете. Насладись свободой. Заполни свои дни солнцем и вином. И "голым" временем с горячими французами. Одним французом вообще-то.

- У нас был самый неловкий секс за всю историю секса в ту ночь. Я не могла перестать думать. И в последние три дня, я ничего не хочу, *кроме как*, постоянно прикасаться к нему. Это настоящая пытка. - Как только я говорю это, сразу вспоминается гладкость его кожи, нежные укусы и его идеальные грудь и пресс.

- Долой все мысли из *своей* головы, - говорит она, драматическим русским акцентом, - и удели внимание *его* головке, если ты понимаешь, о чем я.

вернуться

27

Жуткий + Симона = Жумона

вернуться

28

Харлоу + блядь = Харлядь. Имя Харлоу на английском пишется как *Harlow*, а Миа произнесла ее имя как *Whorelow*, то есть получатся авторский неологизм. *Whore* с английского - блядь, шлюха, потаскушка. А *low* уже как добавочная часть от имени *Harlow*

вернуться

Рей + молчун = Реелчун

- Не понимаю тебя, Харлядь. Можешь объяснить? Его... "головке"? То есть его пенису? Хотелось бы мне, чтобы ты перестала говорить загадками.

- Скажи мне кое-что. Почему это было простым для тебя в Вегасе?

- Не знаю... - Морщу нос, обдумывая. - Я просто претворилась девушкой, которая может совершить что-то подобное. Секс на одну ночь, чувственность и все такое.

Смеясь, она предлагает:

- Так снова претворись той девушкой.

- Не так-то просто. Здесь, это кажется странным. Слово все перезагрузилось. "Мы должны заниматься сексом, потому что ты привлекаешь меня, а также мы женаты. Люди в браке занимаются сексом. Пип, пип, пип, сбой, перезагрузка системы."

- Ты только что робота изобразила, что ли?

Смотрю на свою руку, на прижатые друг к другу пальцы.

- Возможно.

Ее смех становится громче, когда она еле выдавливает из себя слова:

- Тогда будь менее нервной, дуреха.

- Ох, чувиха, я подумаю об этом, Харлядь. Я могу быть менее нервной. Спасибо большое, теперь мои проблемы решены.

- Хорошо, хорошо. - Говорит она, я могу *представить* ее лицо во время обсуждения самой важной для нее темы: темы секса. - Вот тебе предложение. Купи костюм.

Такое ощущение, что небо только что прояснилось, а вселенная ударила меня по голове.

Или кулак.

Закрываю глаза и вспоминаю Вегас, как просто было быть игривой, нежели серьезной. Претвориться кем-то храбрым. Храбрее, чем я сама. И утром, я использовала его руку в качестве секс-игрушки. И это сработало.

Быть кем-то другим, погрузится с головой в это.

Ощущаю идею, которая зарождается в голове, а затем распространяется, расправляя крылья.

Игра.

Что ты любишь больше всего в танцах, спрашивал он.

Способность быть кем-то другим на сцене, ответила я ему. *Хочу прожить другую жизнь*

этой ночью.

И затем я выбрала другую жизнь, но она чахнет здесь, ожидая своего звездного часа.

- Ты думала, я не знаю тебя или что? - спрашивает Харлоу, а ее улыбка чувствуется, даже если она по ту сторону океана.

После того, как до меня доходит, что фальшь приносит мне спокойствие, я все еще не уверена, как все это спланировать. Костюм... сексуальное белье, которое подтолкнет меня к действиям? Или же Харлоу имела в виду избавиться от всего, пойти и оттянуться в каком-нибудь клубе? Мой телефон постоянно вибрирует из-за ее смс-ок, и все они с ссылками и адресами находящимися в пределах площади Пигаль.

И, конечно же, они все неподалеку от нашей квартиры, словно сама судьба дает зеленый свет этому плану.

Почему бы не облегчить для меня задачу, Харлоу?

Но, то, что мне нужно, я не могу нигде отыскать: все либо слишком темное, либо позирующие манекены в пугающих обрывках белья, выставленные в витринах с ярким неоновым освещением. Я по-прежнему не оставляю надежды найти что-нибудь, и отправляюсь по последнему адресу, который мне выслала Харлоу, блуждая, сначала по одному переулку, затем сворачивая на другой.

В тени довольно тихо и сыро, но я продолжаю идти по кварталу, пока небо не появляется в крошечном дворике. И только, через примерно десять ярдов, виднеется крошечный, неприметный магазинчик с кружевом, бархатом и кожей в витрине.

Ощущение, словно я оказалась в Косом переулке.

Открываю дверь, и сразу же запах ирисов и шалфея ударяет мне в нос, запах настолько теплый и землистый, что я сразу расслабляюсь. Женщина выходит из-за прилавка, и кто бы знал, говорит мне "Привет!", а не "Bonjour!". На ней кожаный корсет, который приподнимает ее грудь так, что без зависти на это смотреть невозможно. Темные джинсы обтягивают ее ножки, а ее кричаще-красные, как пожарная машина, шпильки высотой не менее пяти дюймов.

Повсюду стоят на полках игрушки - фаллоиммитаторы, вибраторы, резиновые кулаки и наручники. В задней части магазина, полки с книгами и дисками, а по бокам стен развешанный костюмы всех цветов и фасонов, какой только пожелаешь.

- Вы ищите костюм, чтобы носить или же поиграть? - спрашивает она, подметив то, куда направленно мое внимание.

Хоть и ее вопрос, как бы выразится, немного сбивающий с толку, и даже если мой мозг хочет насладиться мягкостью ее акцента, когда она "пропевает" слово "костюм", я понимаю, о чем речь. Собственно, поэтому-то я сюда и пришла.

- Поиграть, - отвечаю.

Теплая улыбка озаряет ее глаза. Настоящая улыбка, похороненная в крошечном магазине

громадного города.

- Начнем с простого, хорошо? - Она подходит к стойке с костюмами, где я узнаю костюмы: медсестры, горничной, школьницы и кошечки. Пробегаю пальцами по ним, чувствуя, как во мне расцветает возбуждение.

- А позже, ты еще вернешься сюда, когда он оценит твой выбор и захочет большего.

Глава 11

Я возвращаюсь домой, радуясь, что Ансель еще не здесь. Бросаю сумку на барную стойку, двигаюсь в спальню и вытаскиваю костюм из чехла. Держа его перед собой, чувствую первый укол сомнения. Продавщица измерила объем моей груди, талии, бедер, для того, чтобы она смогла рассчитать мой размер. Но эта крошечная вещь, которая в моих руках, кажется не подойдет мне.

На самом деле, костюм *подходит*, но он не выглядит достаточно подходящим в размере, когда он не на мне. Лиф и юбка из розового атласа, обшиты тонким черным кружевом. Лиф приподнимает мою грудь вверх и сплющивает ее вместе, при этом создавая ложбинку, которая, как я думаю, никогда не существовала прежде. Воздушная юбка, короткая, очень. Если я в ней наклонюсь, то определенно рюши моих черных трусиков будут видны. Завязываю крошечный фартук, закрепляю чепчик на голове и натягиваю черные чулки, подправляя розовые бантики на бедрах. После того, как надеваю туфли, с шипами на пятках, беру в руки метелку из перьев, чувствуя себя, в одно и то же время, и сексуальной и смешной, если это вообще возможно. Мой разум колеблется между этими чувствами. Не то, чтобы я нехорошо выглядела в этом костюме, просто я не могу представить себе реакцию Анселя, когда он вернется домой и застанет это.

Но для меня не достаточно просто натянуть платье. Один костюм, не сотворит все шоу. Мне нужен сюжет. Чувствую, что нам надо затеряться в другой реальности на сегодня, в той, где он не испытывает стресс из-за своей работы, которая нависает над ним в светлое время суток, в той, где я не чувствую, что он предложил приключения девчонке, которая оставила свою искорку в Штатах.

Я могу быть хорошей горничной, которая прекрасно выполнила свою работу и заслуживала награду. Мысль о том, что Ансель благодарит меня, награждает, заставляет мою кожу зудеть. Проблема в том, что квартира Анселя безупречна. Нет ничего такого, чтобы я могла сделать в ней, тем самым дав ему понять, какая роль ему отведена.

Это означает только то, что мне необходимо устроить бардак.

Осматриваюсь, желая найти то, что я могу испортить, но чтобы он сразу же заметил это. Не хочу оставлять еду на стойке, в случае того, что план будет успешным, и в конечном итоге, мы проведем всю ночь в постели. Мои глаза сканируют квартиру и останавливаются на стене из окон. Даже с освещением от уличных фонарей, которое пробивается сквозь окно видно, насколько стекла сияют чистотой.

Знаю, он будет здесь в любую секунду. Уже слышу звуки лифта, металлический лязг закрытия дверей. Сжимаю веки и прижимаю ладони к стеклу, оставляя разводы. Когда отступаю, видны два размазанных пятна. Он вставляет ключ в замок, который скрипит при повороте. Дверь открывается с тихим звуком дерева о дерево, и я направляюсь в коридор, спина прямая, руки сжимают перед собой метелку.

Ансель кидает ключи на стол, ставит свой шлем поверх ключей, а затем поднимает голову, и

как только он поднимает на меня взгляд, то его глаза начинают расширяться.

- Вау! Привет! - Он усиливает хватку, держа в руках два конверта.

- Добро пожаловать домой, Мистер Гийом. - Говорю я, голос срывается на его имени. Даю себе пять минут. Если не захочет играть, это не будет концом света.

Не будет ведь.

Сначала его глаза отыскивают крошечный чепчик на моей голове, затем опускаются ниже, замирая, как всегда это бывает, на моих губах, прежде чем двигаться дальше к моей шее, груди, талии, бедрам, и ногам. Разглядывает мои туфли, приоткрыв губы.

- Думаю, возможно, вы захотите осмотреть дом, прежде чем я уйду. - Произношу я это напористо. Подбадриваясь его раскрасневшимися скулами и пламенем в зеленых глазах, когда он смотрит мне в лицо.

- Дом выглядит хорошо. - Отвечает он, его почти не слышно из-за напряжения в голосе. Он даже не проверил комнату и за ее пределами, так, по крайней мере, я знаю, что он пока в игре. Отступаю в сторону, сжимая метелку так сильно, чтобы руки не тряслись, когда начнется настоящая игра.

- Не стесняйтесь, проверьте все.

Мое сердце бьется так сильно, что клянусь, могу почувствовать его на шее. Его взгляд инстинктивно движется к стеклу позади меня, нахмутив брови.

- Миа?

Приближаюсь к нему, сдерживая волнуемую усмешку.

- Да, Мистер Гийом?

- Ты... - Он смотрит на меня, исследуя, а затем указывает конвертами на стекло. Он смущен, замечаю я. Он пытается понять, что происходит, и секунды тянутся так мучительно медленно.

Это игра. Играй. Подыграй же.

- Я пропустила пятнышко? - спрашиваю я.

Его глаза прищурены, голова откидывается немного назад, когда он осознает, и нервные спазмы скручивают живот. Понятия не имею, сделала ли я огромную ошибку, пытаюсь сделать это. Должно быть, я выгляжу, как сумасшедшая.

Но затем, я вспоминаю флиртующего Ансея в зале, в боксерах. Вспоминаю его голос, ласкающий мое ухо, подкрадывающийся ко мне, и Финн подкрадывающийся к нему, стягивая его штаны почти до лодыжек. Я помню, Финн рассказывал о Броунис [30] и об его прозорливости. Знаю, что из-за стресса на работе, для Ансея эта игра покажется забавной.

Дерьмо. Я просто надеюсь, что он сыграет в *это*. Не хочу быть неправильно понятой. Неправильность пошлет меня обратно в темные времена неловкого молчания.

Он медленно поворачивается, улыбаясь легко, чего я не видела днями. Он снова осматривает меня, с макушки до пят. Его взгляд материален, тепло вспыхивает под моей кожей.

- Это то, что тебе нужно? - Шепчет он.

Мгновение, и я киваю.

- Думаю, да.

Какофония клаксонов доносится с улицы до нас, и Ансель ждет, пока квартира снова погрузится в тишину. Затем он начинает подыгрывать:

- Оу, дааа, - выдает он медленно. - Ты пропустила пятнышко.

Хмурю свои брови в притворной озабоченности, при этом формируя ртом мягкую «О».

С показушной строгостью, он разворачивается, топает в кухню и выуживает из шкафчика безымянную бутылку. Я ощущаю запах уксуса, и мне становится интересно, есть ли у него свой собственный рецепт приготовления стеклоочистителя. Его пальцы тянутся к моим, и он вкладывает в мою руку бутылку.

- Исправь это, пока не ушла.

Чувствую, как мои плечи распрямляются от уверенности, когда он следует за мной к окну, наблюдая за тем, как я распыляю средство на отпечатки. По моим жилам распространяется гул - чувство власти, которое я не ожидала. Он делает именно то, что я хочу, чтобы он делал, протягивая мне салфетку, чтобы вытереть окно начисто, потому что я управляю всем. А он просто подыгрывает.

- Пройдись еще раз. И чтобы не каких разводов.

Когда заканчиваю работу, стекло снова сияет, идеально, и стоя за мной, он медленно выдыхает.

- Тебе не кажется, что твое извинение будет к месту?

Когда я поворачиваюсь к нему лицом, он выглядит таким искренне недовольным, что от этого мой пульс начинает грохотать в горле - от жара и волнения - и я сбалтываю:

- Извините, я...

Он наклоняется, его глаза сверкают, в то время как его большой палец прижимается к моей нижней губе, успокаивая меня.

- Отлично.

Переведя взгляд на кухню, он медленно вдыхает запах жареной курицы, и спрашивает:

- Ты приготовила ужин?

- Заказала... - Делаю паузу, мигая. - Да. Я приготовила ужин.

-Я бы хотел сейчас отведать его. - С крошечной улыбкой, он разворачивается, пересекает комнату, направляясь прямо к обеденному столу, садится и откидывается на спинку стула. Слышу звук рвущейся бумаги, когда он вскрывает конверт, который сжимал в руке, и медленно, протяжно выдыхает, положив его на стол. Он даже не обернулся, чтобы взглянуть на меня.

Святое дерьмо, он хорош в этом.

Двигаюсь в кухню, выкладываю еду из переносных контейнеров, и аккуратно раскладываю ее на тарелке, бросая между этим короткие взгляды в его сторону. Он все еще читает письмо, полностью контролируя себя в это время и терпеливо ожидая, пока я - *его горничная* - принесу ему ужин. Пока все продвигается в правильном направлении. Заметив бутылку вина на барной стойке, я извлекаю пробку и наполняю им его бокал. Красная жидкость вяло поблескивает, расплескиваясь по стенкам бокала. Беру тарелку и отношу еду, поставив ее с тихим *стуком*.

- Спасибо, - благодарит он.

- Пожалуйста.

Мой взгляд направлен прямо на письмо, которое я думаю, он специально оставил раскрытым, чтобы я смогла увидеть. Оно лежит на столе, и первое что я замечаю это его имя на самом верху, затем длинный ряд галочек в столбце *отрицательно* на каждое заболевание, которое передается половым путем.

И уже только потом, я замечаю лежащий рядом другой конверт на мое имя.

- Это моя зарплата? - спрашиваю я. Жду, пока он кивнет, и после забираю его со стола. Нетерпеливо открываю, сканирую письмо и улыбаюсь. Зеленый свет на секс без защиты.

Он не интересуется, что говорится в моем, и я не утруждаюсь сообщить это ему. Вместо этого, отступаю в сторону позади него, а мое сердце бьется с сумасшедшей скоростью в груди, пока я наблюдаю, как он ковыряется в своем ужине. Он не спрашивает, ела ли я, также не предлагает мне ничего.

Но есть что-то в этой игре, его доминирующая роль, которая пробуждает бабочек в моем животе, а кожу заставляет гудеть от тепла. Мне нравится смотреть, как он ест. Он нагибается над тарелкой, плечи расслаблены, мышцы на спине четко вырисовываются через его светло-фиолетовую рубашку.

Что мы будем делать, когда он закончит? Продолжим игру? Или же он плюнет на это, утащит меня в спальню и будет касаться меня? Мне нравятся оба варианта - особенно я хочу, чтобы он знал сейчас, что я хочу ощущать каждый дюйм его кожи - но еще больше я не хочу прерывать нашу игру.

Его бокал с вином быстро пустеет, он запивает каждый кусочек огромным глотком вина. И поначалу, мне интересно, нервничает ли он, или же скрывает это так тщательно. Но когда он ставит бокал на стол и дает мне знак, чтобы я наполнила его, мне приходит в голову, что он просто хочет узнать, как далеко я зайду с прислуживанием ему.

Когда я подношу бутылку к бокалу и наливаю в него жидкость, он тихо произносит:

- *Merci*. - А затем снова возвращается к трапезе.

Тишина нервирует, и скорее всего это умышленно. Ансель, может быть и трудоголик, но когда он дома, в квартире никогда не бывает тихо. Он поет, болтает, выстукивает пальцами ритм.

Да, я полностью права, это намеренно, когда он глотает и говорит:

- Поговори со мной. Расскажи что-нибудь, пока я ем.

Он снова проверят меня, но в отличие от пополнения его бокала, он знает, что эта задача сложнее.

- Я провела хорошо день на работе. - Говорю я. Он хмыкает, жуя, и оглядывается через плечо. Это первый раз, когда я вижу в его глазах искорку сомнения, как если бы он хотел, чтобы я рассказала ему абсолютно все о своем дне, но он все еще желает поиграть.

- Убиралась около музея Орсе... потом около церкви Мадлен. - Отвечаю я с улыбкой, наслаждаясь нашим кодом. Он продолжает есть в тишине. Чувствую, что должна продолжать говорить, но я без понятия что сказать. Наконец, шепотом, говорю:

вернуться

30

Броунис - означают людей, которые любят "Мои маленькие пони", но которые старше возрастной группы мультсериала.

- Конверт... моя зарплата выглядит отлично.

Он останавливается на мгновение, но этого достаточно для меня, чтобы заметить, как у него перехватило дыхание. Мой пульс ускоряется, когда он тщательно вытирает рот и кладет салфетку рядом с тарелкой, и это отзывается глубоко в моем животе. Он отодвигается от стола, но не встает.

- Прекрасно.

Нагибаюсь к его пустой тарелке, но он останавливает меня, хватая мою руку.

- Если вы хотите продолжать быть моей горничной, то вам следует знать, я никогда не пропущу окна снова.

Моргаю, пытаюсь расшифровать этот код. Он облизывает губы, ожидая, пока я что-нибудь скажу.

- Я поняла.

Крошечная, игривая улыбка подраживает его уголки губ.

- Правда?

Закрыв глаза, я признаю.

- Нет.

Ощуаю его пальцы на внутренней стороне ноги, он провидит ими от колена до середины бедра. Каждое ощущение, словно острый нож.

- Ну что же, давай тогда я объясню тебе. - Шепчет он. - Мне нравится, что ты исправила свою ошибку. Мне нравится, что ты устроила ужин. Мне нравится, что ты надела свою форму.

Он имеет в виду то, что *ему нравится, что я хочу поиграть*, и говорит он это его языком,

которым увлажняет свои губы и глазами, которыми пожирает мое тело. Он говорит, что в *следующий раз я не допущу такую ошибку.*

- Ох, - Выдыхаю я, открывая глаза. - Я не могу каждый вечер забывать про окно. Но возможно и такое, что в какой-нибудь вечер я могу забыть сделать еще какую-нибудь вещь.

Его улыбка поникает и вообще исчезает, как только он берет свои чувства под контроль.

- Все нормально. Но униформа, в целом, приветствуется.

Узел в моей груди развязывается, и, видя подтверждение этому, он понимает меня. Ансель чувствует себя комфортно в своей шкуре, он словно пример самой простоты. А я без танцев никогда не была такой, как он. Но он вызывает во мне чувство безопасности, пока я пытаюсь отыскать свой путь из многих в собственной голове.

- Прислуживание за ужином сделало тебя влажной?

От этого тупого вопроса, мой взгляд взлетает к его, а мое сердце заходится в бешеном ритме.

- Что?

- Прислуживание. За ужином. Сделало тебя *влажной*?

- Я... думаю, да.

- Не верю, - он улыбается, но она чрезвычайно зловеща. - Докажи.

Наклоняюсь, просовывая трясущиеся пальчики под белье. *Я влажная.* Это смущает. И это так пошло. Без раздумий, я поглаживаю себя, и его глаза темнеют, пока он наблюдает за мной.

- Дай мне попробовать тебя.

Эти слова помогает мне расслабиться, и с моих губ срывается стон, когда рукой я начинаю двигать более развязно. Его глаза пристально смотрят между моих ног, а затем на мои влажные пальцы, которые я подношу к его рту.

Я обвожу его губы, затем разделяю пальцы и проталкиваю два к нему в рот. Его язык теплый, им он проводит по моим кончикам пальцев. Просто попытка - сейчас я желаю ощутить его язык между бедер - и он знает это. Он удерживает мое запястье так, чтобы я не смогла вырваться, пока он сосет мои пальцы, облизывает их, точно так же как он поступил бы с моим клитором. Дразнил бы меня, пока мое тело не начало ломить от боли, которая предшествует удовольствию, обещая стать чем-то большим.

- Еще.

Хмыкаю, не желая чувствовать давление на клитор без его помощи. Не помню даже, когда в последний раз так дико желала секса. От этого я еще больше промокла, если такое вообще возможно. На этот раз, он позволяет мне скользнуть взад и вперед глубже, а также дольше, что я чувствую нарастание оргазма, зная, как мое тело хочет отпустить его.

- Остановись. - Говорит он резко, хватая мою руку и выводя пальцы из меня. Ансель обсасывает каждый пальчик, не сводя глаз с моих. - Заберись на стол.

Обхожу его, отставляю тарелку подальше в сторону, приподнимаю попу на стол и усаживаюсь

перед ним, его бедра между моих ног.

- Ложись на спину. - Приказывает он.

Выполняю, судорожно делая вдох, когда его руки пробегают по моим ногам вниз и вверх, затем снимает с меня мои изящные, черные, небесно-высокие шпильки. Он упирает мою ногу в свое бедро, наклоняется и целует мое колено. Ткань его брюк под моими ногами ощущается мягкой. Его дыхание скользит по моей ноге, по колену, бедрам. Его мягкие волосы щекочут мою кожу, его руки оборачиваются вокруг моих икр, придерживая ноги.

Такое ощущение, будто я - чистый голод. Жар и тяжесть наполняет мои конечности, уменьшая мое терпение. Мое тело молит о том, чтобы его *приласкали*. Я извиваюсь на столе, но Ансель жестко фиксирует меня, надавив на живот.

- *Не дергайся*. - Он выдыхает, и поток воздуха ощущается у меня между ног.

- Пожалуйста. - Задыхаюсь я. Люблю эту его сторону, и хочу, чтобы она еще больше проявилась, хочу спровоцировать его, но также мне нужно получить освобождение. Разрываюсь между раздражительностью и желанием углубиться в игру.

- "Пожалуйста" что? - он целует мою чувствительную кожу рядом с рюшами моего белья. - "Пожалуйста" вознаградит тебя за то, что ты была хорошей горничной?

Раскрываю рот, и тихий умоляющий звук вылетает из него, когда он утыкается носом в мою киску, над тканью трусиков, надавливая, целуя, и покусывая зубами мои губы, лобковую кость и бедро. - Или "пожалуйста" накажи меня за то, что испачкала мои окна?

И то и другое. Да. Молю.

Я просто невероятно мокрая, подмахиваю бедрами и издаю низкие звуки, когда ощущаю его дыхание на своей коже.

- Прикоснись ко мне. - Прошу я. - Хочу твой рот на себе.

Просунув пальцы под ткань трусиков, он отодвигает ее в сторону, облизнув по всей длине, сильно надавливая языком. Дыхание перехватывает, выгибаюсь дугой.

Он открывает рот, сосет настойчиво. И это так

хорошо,

Боже,

так невероятно.

Его пальцы надавливают и кружат по моей коже. Он отстраняется, тихо рычит и говорит:

- Смотри на меня. - А следующие пять слов он произносит напротив моего клитора. - Смотри, как я целую тебя.

Его требование больше угроза, чем просьба, потому что я не смогла бы оторвать глаза от его желаний обладать моим телом, даже если бы захотела.

- Ты на вкус, словно океан, - стонет он, посасывая, втягивая меня в свой рот губами. Ощущения

слишком интенсивны, чтобы их можно было назвать удовольствием. Это нечто большее, это то, что отбрасывает все мои запреты в сторону, делает меня храброй и сильной, что подталкивает меня к тому, что я опираюсь на локоть, а вторую руку запускаю в его волосы, мягко направляя его, покачивая бедрами.

Невозможно, чтобы я чувствовала еще *больше*, но когда он понимает, что я близко, то начинает стонать, создавая вибрации на моей коже, надавливая сильнее пальцами и обводя языком вокруг, вокруг, вокруг...

Моя голова кружится, прежде чем я падаю, уплываю, сокрушаюсь в бездну, блаженными судорогами, которые так восхитительны, что граничат с болью. Оргазм настолько интенсивен, что я хочу свести свои ноги вместе. Но он удерживает меня раскрытой, пальцами орудуя между моих ног, пока мне становится нечем дышать, и я становлюсь словно желе, но я прилагаю все силы, чтобы сесть и притянуть его к себе.

Он вскакивает на ноги, и облизывает свои пальцы.

- *Так вот*, как ты звучишь, когда кончаешь.

Его волосы в полном беспорядке от моих рук, губы, распухшие от того, что он так усердно работал ими.

- Отнесу тебя в кровать. - Говорит он, откидывая волосы назад. Он протягивает мне руку, помогает мне слезть со стола и встать на дрожащие ноги. Пока он идет, он ослабляет галстук, расстегивает рубашку, и стягивает ботинки. К тому времени, как мы достигаем его комнаты, он уже спускает брюки, жестом показывая мне сесть на кровать.

Он стоит в двух шагах от меня, сжимая основание члена, и направляя его ко мне, говоря только:

- Соси.

Когда он толкается вперед, мои зубы сжимаются от того, как сильно я хочу вкусить его. И подушка, на которой я сплю каждую ночь, ничто по сравнению с его запахом в реальности. Запах пота, травы и соленой воды. Его запах съедобен, и *сложно* не описать то, какие чувства во мне бушуют, когда я оборачиваю вокруг его члена руку. Он словно сталь в моей ладони, его тело так напряжено, что даже не знаю, сколько он еще продержится.

Облизываю его, затем снова, вверх и вниз по его длине, пока он не становится скользким, увлажненным и пока легко не входит мне в рот. Меня трясет от его необузданного, земного вкуса и от того как он возвышается надо мной. Никогда прежде он не выглядел так властно, наравне с дикостью, его руки в моих волосах, направляя меня, и изредка толкаясь глубоко с хриплым облегченным стоном. Во рту он ощущается таким разбухшим, что это насилует мои губы, таким толстым, что мне хочется съесть его. Что я и *делаю*. Я пожираю его. Мне никогда не нравилось заниматься этим до него, мне нравится делать это с ним, с его толстым членом и гладкой туго натянутой кожей на набухшей головке. Вожу языком по уздечке, желая большего.

С хриплым необузданным звуком он отстраняется от моего рта, хватая в кулак член.

- Раздевайся.

Встаю на трясущиеся ноги, стягивая с ног чулки, снимая юбку, бюстье, и наконец, трусики с рюшами. Он наблюдает за этим, в глазах темнота и нетерпение, а затем рычит:

- *Allonge-toi*. - Приподнимая подбородок, он тихо повторяет по-английски. - Ложись на спину.

Стремительно забираюсь на кровать, прижимаюсь к матрасу и развожу ноги. Хочу чувствовать его. Только его. Сейчас - я вижу это в его глазах - он понимает, что я пойду ради него на все, сделаю что угодно. Он забирается на меня, руками хватаясь за внутреннюю часть моего бедра, и входит одним, длинным толчком.

Весь воздух покидает мои легкие, и на несколько потрясенных секунд, я не могу вдохнуть его обратно. Пытаюсь вспомнить, как вдыхать, и выдыхать, пытаюсь напомнить себе, что его член не выбил из меня весь дух, а что это все только *кажется*. Я совсем забыла, как это, когда он во мне, весь такой уверенный в себе, и командующий. Но чувство его тепла, и то, что между нами ни дюйма расстояния... вот это выбивает, у меня почву из-под ног, уносит мои мысли и мою ясность мышления.

Проходит вечность, а он все не двигается, просто смотрит вниз, глаза вбирают каждый дюйм меня, который он может видеть со своего ракурса. Он настолько тверд, что, наверное, это доставляет ему неудобство, и я чувствую, как его рука трясется, когда он сжимает простыни рядом с моей головой.

- Тебе нужно напомнить? - шепчет он.

Киваю отчаянно, руками держась за его бока, отрывая бедра от постели, нуждаясь в большем. Медленно, он выходит из меня, что от этого мои ногти впиваются в его кожу, без моего ведома. Он шипит и резко толкается в меня с низким стоном. Снова отстраняется, и снова входит, безжалостно и мучительно, его темп почти карающий. Карающий за разводы на его стекле, карающий за дистанцию, которая появилась между нами. Карает за то, что забыла, как это заниматься с ним сексом, и что лучше этого *ничего* не существует. Он наклоняется ниже надо мной, его кожа скользит по моей именно там, где мне нужно трение. Пот выступает у него на лбу и гладкой коже груди. Оборачиваюсь вокруг него словно лиана, облизываю ключицу, шею, притягиваю его голову к своей, чувствуя глубину его удовольствия напротив моих зубов, губ, и языка.

Мои бедра цепенеют, удовольствие закручивается, но мне нужно сильнее и больше его, мои руки отчаянно подталкивают его бедра, мои слова умоляющие и неразборчивые. Ощущаю что где-то там, на волоске висит мое удовольствие, скручиваясь все туже и туже, пока оно не обрушивается на меня, взрываясь рывком, и не захватывает меня в водоворот ощущений. Я выгибаюсь, моя спина отрывается от кровати, и я выкрикиваю его имя снова и снова.

Он опирается на свои руки, наблюдая, как я распадаюсь на частицы под ним, и через дымку оргазма, я смотрю, как он торопится навстречу своему удовольствию. Его толчки протяжные и жесткие, наша влажная кожа издает хлопающие звуки, которые приводят меня в безумие, заставляя меня задуматься, неужели я снова на грани оргазма так быстро.

- Ааа... - стоны срываются с моих губ. - Я...

- *Покажи* мне, - приказывает он, опуская руку между нами, лаская мой клитор небольшими, идеальными кругами. Во второй раз меня скручивает от оргазма так резко, что мое зрение расплывается. На шее Анселя вздуваются вены от напряжения, зубы сжаты, глаза почти закрыты, а с его рта вылетает ругательство.

- *Ебать*.

Его бедра напрягаются еще сильнее, и громко бьются о мои. Он падает на меня сверху, и я

чувствую, как его член дергается во мне, и как он вздрагивает под моими руками. Сбивчиво вздыхаю, оборачивая вокруг его бедер ноги, когда он начинает отстраняться.

- Нет. - Шепчу в кожу его шеи. - Останься.

Он наклоняется, посасывая мою грудь, облизывая мою шею, челюсть, пока его бедра медленно толкаются в меня и из меня. Кажется, он никогда не насытится, хоть он и кончил, у меня нет ощущения, что мы закончили. После того, как его рот отыскивает мой, я снова теряюсь, теряюсь во влажности его языка, нежности его толчков. Он снова возбуждается внутри меня, становясь длиннее, вкручиваясь в меня.

В тот раз все происходит медленно, он целует меня без остановки, входя так глубоко, что наши тела полыхают в агонии и удовольствии так сильно, что это просто сводит меня с ума.

Он скатывается с меня со стоном облегчения. Я сворачиваюсь рядом с ним в темноте, мое сердце до сих пор стучит как бешенное, а кожа влажная от пота.

- Ох, - шепчет он, целуя меня в лоб. - А вот и она.

Целую его в горло, скользя языком по нему, пробуя на вкус его пот со своим.

- Спасибо за это, - говорит он. - Мне очень понравилось то, что ты устроила этим вечером.

Моя рука гладит его живот и грудь, закрываю глаза и прошу:

- Расскажи мне об этих окнах.

На мгновение, он застывает, затем медленно выдыхает.

- Это может быть сложно.

- Ну, я никуда не тороплюсь. - Говорю я, улыбаясь.

Его губы прикасаются к моему виску, прежде чем он начинает говорить.

- Моя мать, как я говорил, американка. - Смотрю на его лицо, лежа на его груди, но сложно рассмотреть что-нибудь в темноте. - Она переехала во Францию, вскоре, после окончания школы, и работала тут горничной.

- Оу, - смеюсь я. - Возможно выбор моего костюма немного странный для тебя.

Он стонет, щекоча меня.

- Уверю тебя, сегодня ты не позволила мне думать ни о чем, кроме тебя. - я замираю, и он продолжает.

- Она работала в роскошном доме очень богатого бизнесмена по имени Чарльз Гийом.

- У твоего отца.

Он кивает.

- Моя мать замечательная женщина. Заботливая и утонченная. Думаю, она была идеальной горничной. Думаю, эти черты у меня не только от нее, но и от отца. Он всегда требовал, чтобы дома был порядок. Он был помешан на этом. Он требовал, чтобы от меня и соринки не было. Никаких разводов на зеркалах или окнах. Ни крошки на кухне. Детей не было ни видно *не* слышно. - Делает паузу, и когда снова начинает говорить его голос становится мягче. - Возможно, наши отцы не очень хорошие, но вместе они поладили бы?

Задерживаю дыхание, не желая двигаться, моргать, или делать что-либо еще, чтобы не разрушить этот момент. Каждое его слово, словно дар, и я так жажду каждой крупинки информации, которую он ведаёт мне.

- Расскажи больше о них?

Он придвигает меня ближе, перебирая мои волосы.

- Они начали встречаться, когда ей было двадцать, а ему сорок четыре. И, по словам моей матери, их отношения были очень страстными. Она никогда не планировала остаться во Франции на долгий срок, но она влюбилась в отца, и я не думаю, что она когда-нибудь оправится от этого.

- Оправится?

- Мой отец тот еще убудок. - Говорит он, смеясь сухо. - Контролирующий. Одержимый домом. И с возрастом, он становился только хуже. Но думаю, у него есть некая харизма, которая привлекла мою мать.

Улыбаюсь, когда он выдает это, знаю, что он лучший человек, чем его отец, но его харизма точно от отца.

- Пока мама и отец были вместе, он был женат на другой. Она жила в Англии, но мой отец отказался покинуть дом ради нее, а моя мать не знала о существовании жены. Когда мама забеременела мной, отец хотел, чтобы она также оставалась служанкой и не говорила ни кому, что это его ребенок. - Смешок вырывается из него. - Но все знали, и, конечно же, на три четвертых я выглядел в точности, как он. В конце концов, его жена узнала. Она развелась с ним, но он не захотел жениться на маме.

Ощущаю, как мою грудь стягивает излом.

- Ох.

- Он любил ее, - продолжает он тихо, и я одержима тем, как он рассказывает. Его английский идеален, но его акцент все искажает, и смягчает, что когда он произносит "X", то букву почти не слышно, а его "P" всегда гортанная. Ему удается звучать и гладко, и грубо *в одно и тоже время*. - Он любил ее по-своему. Он обеспечивал нас, даже настаивал на том, чтобы оплатить за кулинарную школу матери. Но он человек, который любит очень скупой. Он эгоистичен, и он не хотел, чтобы мама уходила от него, даже если у него было много женщин в те годы. Они были в доме, или на его работе. Он был кобелем, даже если у него были собственнические замашки по отношению к маме. Он говорил, что любил ее, как никого другого. Он ожидал, что она поймет, что его аппетит на других женщин был направлен не напротив мамы. Но *она*, конечно же, не стала бы спать с другим мужчиной.

- Вау, - говорю я спокойно. По правде говоря, не могу представить, что могу знать о браке моих родителей так много. Мои знания, по сравнению с его, просто чистое полотно, стерильный

пейзаж.

- Вот именно. Поэтому, когда моя бабушка заболела, мама поймала шанс уехать из Франции, чтобы вернуться домой в Коннектикут, и оставаться с бабушкой, пока та не умерла.

- Сколько тебе было, когда она умерла?

Он сглатывает, говоря:

-Шестнадцать. Но я жил с отцом, пока не поступил в университет.

- Твоя мама вернулась?

Ощущаю, как он качает головой.

- Нет. Думаю, отъезд был очень тяжелым для нее, но как только она уехала, она поняла, что поступила правильно. Она открыла пекарню, купила дом. Она хотела, чтобы я окончил школу здесь с моими друзьями, но я знал, что то, что мы так далеко друг от друга, просто съедает ее. По этой причине я переехал в Штаты и поступил в юридическую школу. Возможно, она переехала бы снова во Францию, если бы я попросил ее, но я не мог.

Я киваю, и он продолжает:

- Я поступил в университет Вандербильта, что не так близко к ней, но намного ближе, чем Франция. - Он поворачивает голову и смотрит на меня. - Когда-нибудь, я намерен жить там. В Штатах. У нее никого больше нет, кроме меня.

Киваю снова, пряча лицо в его шее, и во мне разрастается такое огромное облегчение, что от этого моя голова идет кругом.

- Останешься со мной? - тихо спрашивает он. - До того, как тебе нужно будет быть в Бостоне?

- Да. Если это то, что ты хочешь.

Он отвечает мне поцелуем, который углубляется, ощущение его рук в волосах, и стоны на моем языке наполняют мою голову эмоциями, которые похожи на отчаяние. В мгновение, я ужасаюсь от того, какие истинные и сильные чувства испытываю к нему, от того, что когда-нибудь настанет время положить конец этой брачной игре, расстаться с ним, и вернуться в реальную жизнь. Но все это я откладываю в дальний ящик, потому что данный момент слишком невероятен, чтобы позволить испортить его.

Его поцелуи медленные и трепетные, пока он не улыбается прямо в мои губы.

- Отлично. - Говорит он. На данный момент этого достаточно. Тяжесть усталости наваливается на меня, на глаза и на мысли. Мое тело болит, и чувствуется хорошенько использованным. В считанные секунды я слышу медленный и стабильный ритм его сонного дыхания.

Глава 12

Смутно осознаю, что кто-то долбится в дверь. Сажусь, полностью дезориентированная. Ансель, рядом со мной подскакивает, принимая вертикальное положение, и глядя на меня широко раскрытыми глазами, прежде чем сбросить одеяло, натянуть боксеры и выбежать из комнаты. Я слышу, под толщей глубокого сна, его голос, когда он говорит с кем-то. Я никогда раньше не слышала, как он разговаривает строгим тоном. Должно быть, он вышел в коридор и закрыл за

собой дверь, так как его голос пропадает, после громкого щелчка. Пытаюсь оставаться в сознании. Пытаюсь дождаться его, чтобы удостовериться в том, что все хорошо и сообщить ему о том, как обожаю звук его голоса. Но мой организм истощен сильнее, чем я думала и это последняя непорочная мысль, которая проносится в моей голове, до того, как мои глаза снова закрываются, и я проваливаюсь в сон.

Чувствую, как воздух скользит под простынями и проносится по моей коже, когда Ансель забирается обратно в постель. Он пахнет самим собой, его запах словно трава, соль и специи. Поворачиваюсь к нему, но мой мозг все еще затуманен и полон чувственных образов из сновидений... как только его прохладная кожа касается моей, вспышки страстного желания глубоко зарождаются в моем животе. Мое влечение к нему инстинктивное, с только что пробудившейся жаждой. Часы рядом с кроватью сообщают мне, что сейчас около четырех утра.

Его сердце бьется под моей ладонью, грудь гладкая, твердая и без единого волоска, но он ловит мою блуждающую руку своей, удерживая ее, чтобы я не смогла скользнуть ею по его животу и еще ниже.

- Миа, - говорит он тихо.

Постепенно я вспоминаю, что кто-то приходил.

- Все нормально?

Медленно воздух покидает его легкие, он пытается успокоиться, и ощущаю, нежели вижу его кивок в темноте. В окошко над его кроватью просачивается свет луны, но он светит у нас в ногах, на самом краю кровати.

Прижимаюсь телом к его, перекидывая свою ногу через него. Его мышцы бугрятся, кожа мягкая и теплая, я останавливаюсь, когда добираюсь до его бедра, и задыхаюсь, когда он прогибается вверх подо мной и стонет. На нем по-прежнему боксеры, но я все равно бедром ощущаю, что он уже полутвердый. Ладонью чувствую, как его биение сердца постепенно становится нормальным.

Не могу быть в такой близости с ним - даже если полусонная - и не захотеть большего. Хочу скинуть одеяло и стянуть с него боксеры. Хочу, чтобы тепло его бедер было напротив моих. Из меня вырываются тихие звуки, когда я раскачиваюсь рядом с ним - в полубессознательном состоянии, в полу инстинктивном - проходит несколько секунд, прежде чем я чувствую, что он полностью возбужден.

И со стоном он разворачивается лицом ко мне, стягивая с себя боксеры вниз по бедрам, достаточно для того чтобы его эрекция оказалась на свободе.

- *J'ai envie de toi* [31], - говорит он это в мои волосы и поглаживает меня головкой члена, дразня, а затем толкается внутрь с натянутым голодным звуком. - Я всегда хочу тебя.

Секс без слов и притворства, только мы двое стремимся достичь одного и того же места. Мои движения медленные, наполненные ленивой сонливостью и посреди-ночной храбростью, которая вынуждает меня перекачаться на него, положить голову на его плечо и неторопливо

скользить по его длине. Его движения такие же медленные, но только потому, что он намеренно нежный и заботливый.

Как правило, он более разговорчивый. Может быть, это потому что сейчас так поздно, но я не могу избавиться от ощущения, что он пытается оставить в прошлом коридор и снова вернуться в комнату. Но затем, руки Ансея спускаются по моим бокам и сжимают мои бедра, от этого все тревоги мигом растворяются, заменяя их восходом к удовольствию.

- Ты, блять, так невероятна. - Рычит он, толкаясь вверх в меня, и встречаясь со мной на полпути. Сонность и расслабленность улетучивается. Я на грани, он на грани, я следую звуку его оргазма, и ощущаю, как наслаждение ползет вниз по моему позвоночнику и вверх по ногам. Я переполнена им, переполнена ощущениями, я - сама переполненность. Горячая, жаждущая и дикая.

Он входит в меня, поэтому я сажусь прямо, его руки то опускают меня, то приподнимают за бедра, заставляя меня объезжать его так, чтобы он мог глубже и сильнее проникнуть в меня.

- Трахни меня, - ругается он, тянет руку к моей груди и грубо сжимает ее. - Трахни меня жестко.

И я делаю. Я опираюсь руками на его грудь и начинаю двигаться туда-сюда. Я никогда не была такой дикой в этой позе, никогда не двигалась так быстро. Трение между нами удивительное, скользкое и грубое. С резким выдохом я начинаю кончать, мои ногти впиваются в его кожу, а отчаянные звуки слетают с моих губ.

вернуться

31

Хочу тебя

Мне нужно

Так жестко

Кончаю

Так интенсивно

О Боже

Моя бессвязность заставляет его безумно рычать. Он садится. Пальцы впиваются в мои бедра, а зубы в мою ключицу, пока он грубо входит в меня, кончая с хриплым криком, делая последний, дикий рывок.

Его руки оборачиваются вокруг моей талии, в то время, как он прижимается лицом к моей шее, пытаюсь отдышаться.

Голова идет кругом. Мышцы ног ноют. Он, кажется, не собирается меня отпускать, но мне нужно сменить позицию, и я осторожно слезаю с него и ложусь рядом на кровать. Без слов, он лицом поворачивается ко мне, забрасывая мою ногу к себе на бедро, и медленно начиная толкаться своим, все еще твердым, членом в мой клитор, при этом целуя мой подбородок, щеки

и губы.

- Я хочу большего. - Говорит он в темноту. - Я не чувствую себя так, будто закончил.

Тянусь вниз, аккуратно вводя его в себя снова. Это не продлится долго, но есть что-то, от чего он чувствует так - едва двигающийся, без какого-либо расстояния между нами, чернота ночи, распростертая по кровати, словно вельветовое одеяло - это заставляет меня таять, от того, как все интенсивно между нами.

- Я хочу заниматься с тобой любовью день напролет. - Говорит он в мои губы и перекачивается на меня. - Не хочу думать ни о работе, ни о друзьях, ни даже о еде. Хочу существовать только для тебя.

С этим, во мне возрастает желание узнать, что же случилось за дверью.

- Ты в порядке?

- Да. Мне просто нужно заснуть, находясь в тебе. Возможно, наши тела займутся любовью, пока наши мозги спят.

- Нет, я имею в виду, - начинаю я осторожно, - кто приходил?

Он замирает.

- Перри.

Перри. Друг, который не был с ними в Вегасе.

- Что он хотел?

Он колеблется, целуя мою шею. И наконец, отвечает.

- Не знаю. Посреди ночи? Я совсем без понятия.

Глава 13

Мне не нужно открывать глаза для того, чтобы узнать, что все еще темно. Кровать словно теплое гнездышко из одеял; простыни мягкие, пахнут Анселем и стиральным порошком. Я так устала, разрываясь между сном и бодрствованием, и поэтому слова, прошептанное мне на ухо, звучат, как пузырьки, поднимающиеся, из-под воды.

- Ты хмуришься во сне? - Теплые губы прикасаются к моему лбу, а кончики пальцев разглаживают "хмурые" морщинки. Он целует сначала одну щечку, затем другую, проводя своим носом по скуле на обратном пути к моему уху.

- Я видел твою обувь возле двери, - шепчет он, - ты в них обошла весь Париж, не так ли? Они выглядят изношенными почти до дырок в подошве.

На самом деле он не так уж и далек от правды. Париж - это карта, которая, кажется, раскрылась прямо передо мной. Каждый уголок разнообразных улиц и статуй, архитектурных зданий старее и прекраснее, чем что-либо я видела за всю свою жизнь. Я достигаю одного места, которое только усиливает мою охоту узнать, что скрывается за ним и за его пределами. Я никогда так не желала затеряться в каком-то *месте* до этого момента.

- Я люблю то, что ты пытаешься изучить мой город. И боже помоги тем парням, которые видят тебя проходящую мимо них в этом крошечном сарафане, который висит сейчас в ванной. Ты вероятно займешь армию поклонников, следующих за тобой прямо до дома, а я буду вынужден отгонять их.

Я ощущаю его улыбку на своей щеке. Матрас прогибается, и я ощущаю его дыхание в своих волосах. Мое лицо расслаблено, и даже дыхание, потому что, я не хочу просыпаться. Потому что хочу, чтобы он никогда не переставал со мной разговаривать так.

- Сегодня суббота... Я попытаюсь уйти домой пораньше. - Он вздыхает, и я слышу усталость в его словах. Не уверена, что полностью оценила то, как это для него должно быть тяжело, балансировать между ответственностью передо мной и своей работой. Представляю, как это, чувствовать, когда разрываешься в разные стороны.

- Я убедил тебя приехать сюда, а сам, практически, не появляюсь дома. Я никогда не хотел, чтобы это было так. Просто... не до конца все продумал. - Он смеется в мою шею. - Всех, кого я знаю, закатили бы глаза от этого. Оливер, Финн... *в особенности*, моя мама. - Говорит он с нежностью. - Они твердят, что я импульсивен. Но я хочу стать лучше. Хочу быть лучше ради тебя.

Я почти всхлипываю от этого.

- Ты не проснешься, *Serise*? Не поцелуешь меня на прощание этим ртом? Этими губами, которые накликают на меня беду? Вчера я был на встрече, и когда они позвали меня по имени, я понятия не имел, о чем они разговаривали. Все, о чем я мог думать, это о твоих вишневых губах, растянутых по моему члену, и затем прошлая ночь... *ох*. Ее детали, я буду представлять себе весь день. Ты будешь причиной, по которой меня уволят, и когда мы окажемся на улице, без гроша в кармане, ты никого не сможешь обвинить в этом, кроме своего рта.

Больше не могу сохранять серьезное выражение лица, я смеюсь.

- Наконец-то, - шепчет он, мурлыча в мою шею. - Я уже начинал подумывать о пожарной тревоге.

Даже сейчас, когда я проснулась в одиночестве, пару часов спустя, я помню, как он шептал напротив моих плеч, наконец достигая моего уха. Я перевернулась на спину, с по-прежнему закрытыми глазами, окутываясь вокруг него сонными объятьями, ткань его костюма грубая, шелк его галстука соблазняет, когда падает меж моей обнаженной груди. Если бы я была менее сонной, то я бы сбросила его с себя, и начала разглядывать, как его пальцы соответствуют синякам, которые он оставил на моей коже.

Ансель приготовил для меня завтрак. Кофе и рогалик, оставленные на барной стойке рядом с кружевным чепчиком от моего костюма горничной, а под тарелкой список новых англо-французских фраз.

Сколько времени? *Quelleheureest-il?*

Во сколько вы закрываетесь? *A quelleheurefermez-vous?*

Пожалуйста, разденься. *Deshabille-toi, s'ilteplait.*

Еби меня. Жестче. *Baise-moi. Plusfort.*

Мне нужен огромный фалоиметатор, такого же размера, как и у моего мужа. *Je voudrais le gros gode, celui qui se rapproche le plus de mon mari.*

Это был лучший оргазм за всю мою жизнь. *C'était le meilleur orgasme de ma vie.*

Я собираюсь кончить в твой рот, красавица. *Je vais jouir dans ta bouche, beauté.*

Все еще улыбаясь, я направляюсь в ванну, и принимаю душ, воспоминания прошлой ночи прокручиваются в моей голове. Напор воды в квартире Анселя - ужасен, а ее температура едва ли теплая. Напоминаю себе еще раз, что я не вернусь в Сан-Диего, где единственный человек, с которым я сражалась за горячую воду поздним утром, была моя мама после своей утренней йоги. Но здесь, семь этажей людей, которых стоит принять во внимание, и поэтому я делаю себе мысленную пометку, чтобы встать завтра пораньше, и пожертвовать дополнительным часом сна, ради горячего душа. Но это не единственная вещь, которую я не пропустила бы. Те немногие, неосторожные моменты утром, когда Ансель думает, что я все еще сплю, просто стоят холодного душа. Многие из них.

Когда я прохожу мимо кондитерской в сторону метро, Жумона стоит снаружи, потягивая сигарету.

- Сегодняшний день уже стал *ебанным* кошмаром. - Ругается она, выпуская струйку дыма изо рта. - Мы распродали булочки, которые все любят, и я пролила *гребанный* кофе на себя. ЕМЖ.

Не знаю, почему я сижу с ней на протяжении всего ее перерыва, слушая рассказ о ее выходе из проблемной ситуации, будучи бедной двадцати-летней-с-чем-то девушкой в Париже, и о том, как ее бой-френд никогда не выключает кофе, когда уходит, или, как она бросает курить. Она не милая, ни с кем. Может быть, это потому что она - американка, и приятно беседовать с кем-то, кто не разговаривает на языке Анселя, который я вообще не понимаю. Или, может быть, мне на самом деле, не хватает общения с людьми. Что... действительно удручает.

Когда она закончила курить свою последнюю сигарету, и мой кофе уже давно остыл, я прощаюсь с ней и направляюсь прямо к метро, а затем исследую квартал Маре столько, сколько могу в первой половине дня.

Здесь находятся несколько самых старых построек во всем городе, и этот квартал стал популярен своими галереями, крошечными кафешками, уникальными и дорогими бутиками. Больше всего, в этом квартале, мне понравились узкие улочки и миниатюрные дворики, всплывающие из ниоткуда, которые молят о том, чтобы их изучили, или же просто, как делала я, посидели, поглотили какой-нибудь роман и затерялись в чьей-то чужой истории.

Когда мой желудок начинает урчать, и я собираюсь пообедать, в моей сумочке начинает вибрировать телефон. Я все еще поражаюсь приятному трепету в груди, когда вижу имя и лицо Анселя - его глупое селфи с розовыми щечками и с сумасшедшей усмешкой - вспыхивающее на моем экране мобильного.

То, что я сейчас чувствую - это нежность? Сладкий Иисус, я определенно испытываю это, и каждый раз, когда он рядом, в основном, все, чего я хочу - это приставать к нему. И это не только потому, что он прекрасен и очарователен, это потому, что он добрый и заботливый, и никогда не бывает резким или осуждающим. Ему присуще непринужденность, которая обезоруживает, и без сомнения, он оставляет после себя след непреднамеренно разбитых сердец - мужских и женских - куда бы он ни шел.

Я почти уверена, что пожилая женщина, которая работает в магазине за углом от нашей квартиры, немного влюблена в него. По правде говоря, я уверена, что почти все, кто знаком с Анселем, немного в него влюблен. И кто станет обвинять ее в этом? Однажды вечером, я наблюдала, как она рассказывала ему что-то пылко на французском, а затем, остановившись, прижала морщинистые руки к лицу, как будто бы она только что призналась милому мальчишке в любви. Позже, когда мы вышли из магазина и побрели по тротуару, поедая наше мороженное, он пояснил мне, что она сказала ему, будто он похож на парня, в которого она была влюблена в ее университетские года. И как она думала о нем каждое утро, когда он останавливался ради кофе.

- Она поблагодарила меня за то, что я снова заставляю ее ощущать себя школьницей. - Говорил он с неохотой, и поворачиваясь ко мне с кокетливой улыбкой. - И она рада видеть меня, что я женат на такой красивой девушке.

- Похоже, ты заставляешь старушек быть немного резвее.

- Я действительно забочусь об *этой* леди. - Он поцеловал меня в щеку. - И я не хочу тебя резвой. Я хочу тебя обнаженной и умоляющей кончить от моего рта.

Я никогда не знала кого-то, кто совмещал в себе наглую сексуальность и притворную невинность до Анселя. С примесью возбуждения и страха, я читала его сообщение, бредя по заполненному тротуару.

Прошлой ночью было весело, говорилось в нем.

Покусываю свою губу, пытаюсь понять свою реакцию. Дело в том, что он понял, что я делала, и он подыграл мне, и даже предложил, чтобы мы повторили, ну...

Глубоко вдыхаю.

Да, очень, отвечаю я.

Было приятно немного освежить свою голову?

Солнце было высоко над головой, и должно быть температура достигала 30 градусов по Цельсию, но одним этим предложением ему удалось заставить все мое тело покрыться мурашками, а соски затвердеть. Так или иначе, разговор об этом, подтверждает то, что мы сделали, и ощущается таким же грязным, как и видеть тот крошечный костюм, который теперь висит в шкафу рядом с его одеждой, которую он носит на работу, каждый день.

Да, приятно, печатаю я, и если бы было можно передать текст с придыхание, то именно так бы он и звучал.

Затем следует долгая пауза, прежде чем он снова начинает печатать, и мне интересно, возможно ли, что он сейчас так же напряжен, как и я.

Полагаю, ты не прочь сделать это еще раз?

Мне даже и обдумать не надо. Да.

Его ответ приходит медленно. Ощущение, будто он печатал целую вечность.

Иди на станцию Мадлен, ветка 14 до Шатле. Пройдись до 19 Бобур-Центр Жоржа Помпиду (огромный музей, ты не пропустишь его). Поднимись на эскалаторе до верхнего этажа. Подожди в баре ресторана Жорж в 19:00 (7:00 вечера). Там лучший вид во всей округе.

Я достаточно близко, чтобы прогуляться до музея, головокружительный трепет ползет по моему позвоночнику и скользит по моей коже, словно я оказалась в теплой ванне. Конечности вдруг тяжелеют, тело ноет, и я вынуждена зайти в нишу перед книжным магазинчиком, чтобы взять себя в руки. Думая, это то, как ощущает себя бегун, перед последними минутами до стартового выстрела пистолета в воздух. Без понятия, что задумал Ансель, но я готова узнать это.

Центр Помпиду найти проще простого. Спасибо Гуглу, я знаю, что он находится на правом берегу Парижа, в таком известном квартале, как Бобур. После дней изучения, я очень хорошо начала ориентироваться здесь. Хоть я и видела фото музея онлайн, но я никак не была готова к чудовищной, скелетообразной диковинке, которая, кажется, возвышается над городом.

Это словно массивное здание было лишено своего внешнего слоя, открывая нам ту часть, которая удерживает все это. Ярко выкрашенные в зеленый, синий, желтый, красный трубы пересекаются с металлическими балками, и выглядит это все, как произведение искусства.

Следую знаку, который приводит меня к большой мощеной площади, переполненной студентами, семейными парами, и группами туристов бродящих по ней. Артисты восседают в окружении небольшой толпы, а дети скачут вокруг хохоча, и их смех эхом разносится по громадному пустому пространству в гигантском здании.

Как и проинструктировал Ансель, я ступаю на самый огромный эскалатор, который когда-либо видела и еду на верхний этаж. Вся поездка происходит по туннелю из оргстекла, открывая мне вид на необъятный Париж со зданиями, которые я видела только в книгах. Замечаю Эйфелевую башню, возвышающуюся на фоне ярко лазурного неба.

Мое отражение мелькает в стекле, одетое в трикотажное платье-рубашку, а мои волосы сияют в вечернем солнечном свете. На моем лице вспыхивает предвкушение, и я сбрасываю с себя дрожь тревоги из-за не знания того, что предстоит, и из-за того, что всю ответственность за все взял на себя Ансель. Я все еще в роли его горничной? Останавливаюсь, делая шаг между эскалатором, ступая на другой, и в это время ко мне приходит осознание. Наш баланс власти уже подорван с тех самых пор, как мы прибыли сюда. Во что я ввязалась?

Но, я начинаю рассуждать, когда вчера ты отпустила контроль, он подхватил его и подарил тебе самую эротичную и напряженную ночь в твоей жизни. Доверяй ему.

С глубоким вздохом, я схожу с эскалатора на этаж и направляюсь в модный ресторан. Красивая женщина с томатно-рыжими волосами и в коротеньком белом платье ведет меня через помещение, которое выглядит больше как декорации научно-фантастического фильма,

чем помещение, где обедают люди. Все из матового металла, глянцево-белых стальных балок, и повсюду стоят пещерообразные скульптуры. Столики совершенно гладкие и в индустриальном стиле, а на каждом из них размещена рубиново-красная роза в простой, прозрачной узкой вазе. Столики, которые находятся на открытом воздухе, ограждены низкими стеклянными бортами, чтобы не закрывать весь вид, потому что ВАУ... вот это вид.

Благодарю женщину и сажусь за барную стойку, проверяя телефон на наличие сообщений. Только начинаю печатать Анселю, как ощущаю легкое касание к плечу

- Не возражаете, если я посижу здесь? - спрашивает он, нервничая. И ох. Это не та игра, в которую мы играли вчера. Замешательство, наверное, появляется в моем выражении лица, потому как он продолжает:

- Если вы, конечно же, не ждете кого-нибудь.

Незнакомцы. Я могу сыграть в это. Это мы уже проходили.

- Нет. Ммм... никого. Присоединяйтесь. - Говорю я, и указываю на стул справа от меня.

Ансель усаживается всеми шестью футами и двумя дюймами своего тела на полированный стул из алюминия, поигрывая с аккуратно сложенной салфеткой. Сегодняшним утром я не полностью упилась его видом до того, как он ушел, но теперь я делаю это, тайно подмечая то, как он ерзает, примеряя на себя новую роль.

На нем рубашка, которую я никогда не видела, темно-зеленая с настолько деликатным рисунком, что если я хочу его увидеть, то мне нужно приблизиться очень близко к ткани. Его черные брюки подходят ему идеально. На его челюсти появилась легкая щетина, а его волосы выглядят немного более растрепанно, чем бывает обычно, спадая на его лоб. У меня появляется внезапное желание запустить пальцы в его шевелюру и притянуть его лицо прямо между моих ног.

Но на самом деле, я отворачиваюсь, пытаюсь, отдышаться. Этот мужчина - мой муж.

Ты выглядишь изумительно, хочу сказать я.

Как я умудрилась найти в Вегасе кого-то такого простого и идеального из всех мест на земле? Хочу спросить я.

Но вместо этого, я остаюсь спокойной, и позволяю ему показать мне, как пройдет эта ночь.

- Думаю, меня продинамили, - говорит он, и теперь, когда я наконец взяла контроль над собой, я поворачиваюсь к нему.

- Это ужасно. Они не позвонили и даже не написали? - Он качает головой, и проводит рукой по волосам, отводя их со лба.

- Наверно, это к лучшему. - Предполагает он, решительно поднимая подбородок. - Кажется, мы не очень подходим друг другу.

Полностью разворачиваюсь телом к нему.

- Это должно было быть вашим первым свиданием?

Он качает головой, открывает рот, чтобы ответить, но делает паузу, когда бармен

останавливается перед нами.

- *Un whisky-sodas' ilvousplait.* - Заказывает он у мужчины, до того как смотрит на меня с надеждой.

- Ммм.. джин *et* ... тоником? - Выдаю я фразу, как вопрос, и бармен ухмыляется, прежде чем уходит.

Ансель кидает затяжной взгляд в спину бармена, прочищает свое горло и продолжает.

- Мы были вместе какое-то время, но... - он резко останавливается, качая головой. Наклоняется ближе, понизив голос, когда снова начинает говорить. - Нет, забудь. Я не хочу обманывать.

Кусаю губу, чтобы удержаться от того, чтобы усмехнуться. Иисус, он милый.

- Я хочу сказать, что мы болтали по телефону пару раз? - продолжает он, его глаза ищут мои, как будто эта легенда сработает лучше. - Это никогда не чувствовалось правильным, но я думал, что если мы встретимся лично...

Мычу в ответ, сочувственно кивая головой.

- Мне жаль, что она не пришла.

Он глубоко вздыхает, до того, как расслабляет плечи и выпячивает губы. - Что на счет тебя? Ты сказала, что ты ни с кем не встречаешься. Ужин в одиночестве? - Добавляет он, подняв руки вверх. - Я не хочу показаться тебе жутким. Пожалуйста, не зови охрану.

Смеюсь, раскручивая свой телефон на барной стойке. - Я недавно в городе. - Говорю я. - Был долгий день на работе и мне нужно выпить. Друг сказал, что отсюда открывается самый лучший вид на город.

- Друг?

- Знакомый. - Дразню я.

Анселю улыбается и смотрит через плечо.

- Твой друг возможно ошибается. Не уверен, что можно побить вид оттуда. - Он указывает на Эйфелевую башню.

Бармен ставит перед нами напитки, я тянусь к своему бокалу.

- Там нет алкоголя.

- Оу, ну да. Но там есть шампанское на самом верхнем этаже. Подается в самых лучших пластиковых бокалах. Не пропусти это.

- Ты хочешь, чтобы я выдержала жуткие очереди и лифт, который наводит страх замкнутых пространств.

- Просто сделай это, прежде чем уедешь. - Говорит он. - Да, это развлечение для туристов, но хоть раз ты должна побывать там.

- На самом деле, я *была* там, - признаюсь я, делая глоток напитка. - Посещала башню в один из

первых дней моего пребывания тут. Я не знала, что там была выпивка, иначе, я бы задержалась там *подольше*.

- Возможно, кто-нибудь сходит с тобой туда в следующий раз. - Тихо выдает он, сожаление проскальзывает в его выражении лица. Его сожаление так сильно, что я была одна. Но я виновна в том, что отвлекаю его. Мы оба жили так долго в своих собственных головах, не удивительно, что мы притворяемся.

- Возможно, - отвечаю я с улыбкой. - Так ты живешь здесь? В Париже? - Ансель кивает, глотая свой виски.

- Да, живу. Но моя мама - американка. И я путешествовал по Штатам после колледжа.

- Просто путешествовал? - Подразниваю я. - С рюкзаком по всей Америке?

- Ну, почти, - смеется он. - Летом, перед юридической школой, я участвовал в программе "Разъезжай и Сооружай". Слышала о такой?

Качаю головой, говоря:

- Я слышала только название... - Конечно, Ансель упоминал об этом до этого, но я немного виновато чувствую себя за то, что не спрашивала у него об этом больше.

- Это группа людей, в основном университетского возраста, колесящая по всей стране на велосипедах в течение трех месяцев, которая, по пути останавливается и строит различные объекты.

- А я, после окончания колледжа, отправилась в Вегас. Твоя взяла.

- Ну, это тоже может быть весело. - Говорит он, многозначительно сверкая глазами и выпивая из бокала. - Я слышал, Вегас может предложить много захватывающих приключений.

- Ага, - отвечаю и улыбаюсь. - Но три месяца? На *велике*?

Ансель хохочет.

- Три месяца. Ну, если быть точным 11 недель. Семь миль в день.

- Я бы умерла. Тебе бы пришлось звонить моей маме, чтобы она забрала меня по прошествии четырех дней.

Он делает вид, что осматривает меня оценивающе.

- Ты выглядишь так, будто бы смогла выдержать это.

Качаю головой.

- Уверю тебя, я не очень хороша на двух колесах. Лучше скажи мне. Ты ночевал в отелях или...?

- Иногда, - отвечает он, пожимая плечами. - Некоторые группы оставались в церквях или других местах. Возможно, группы из семей. Но моя группа ночевала что-то в роде... - Он делает паузу, подбирая слова, при этом хмурясь. - Палатке?

- Кемпинг? - Подсказываю я, смеясь.

Он щелкает пальцами.

- Точно. Мы, как правило, оставались на одном и том же месте в течении нескольких дней, пока работали, поэтому мы разбивали что-то на подобие лагеря. Трое или четверо из нас делили брезентовую палатку, ночуя на худших кроватях, которые ты можешь себе вообразить.

Сейчас смотрю на него, на его свежую рубашку и отглаженные штаны, и мне сложно представить его там, даже сложно сделать это в той одежде, в которой он был одет в Вегасе, не говоря уже о нем, потном и работающем на стройке. Мои глаза задерживаются на его шее, и я на мгновение утопаю в своих грезах.

- Это - впечатляюще.

Он кивает в знак согласия.

- Нас четверо, на протяжении всего дня вместе. Иногда жара была просто мучительной. Было очень влажно, но мы просто продолжали работать до ночи. Было тяжело, но это самое веселое лето, которое у меня было. Не знаю, буду ли я знать кого-нибудь так, как знаю этих трех друзей.

Очаровательный, прерываюсь я на секунду.

- Ты имеешь в виду Оливера, Финна и Перри.

Тень падает на его лицо, и он кивает.

Дерьмо.

- Извини, я не...

Но он уже поднял руку.

- Не надо. Эти отношения - лучшие в моей жизни... но так же, они и огромной осложнение в моей жизни. Есть ли смысл в этом? - Киваю. - Я проезжал с ними иногда по восемь или десять часов в день. Я спал с тремя людьми в месте, которое размером не больше, чем средняя ванная комната. Мы вместе скучали по нашим семьям, вместе утешали друг друга, праздновали моменты в нашей жизни, которыми очень гордились. Мы практически зависели друг от друга, и тот возраст сделал эти три месяца подобно целой жизни, и... думаю, возможно, это тяжело, когда жизни меняются так, как мы даже не могли себе представить, или даже надеяться.

Что бы ни случилось с Перри, это определено то, с чем Анселю тяжело справиться. Он затихает надолго, приковав внимание к его пустому бокалу. Мне не привычно видеть его в таком состоянии, и это давит так, словно в моей груди рана. Я и не понимала, как нуждалась в большей информации о его жизни, пока мы не очутились здесь, претворяясь, что делимся этими кусочками жизни с незнакомцем.

- Ты не обязан говорить об этом. - Говорю я тихо.

- Нет ничего, чем я мог бы помочь пройти или *исправить* то, через что проходит Перри, и... не хочу показаться важничающим, но это не та ситуация, с которой я знаком...

- Независимо от того, с чем он пытается справиться, - говорю я, - ты можешь быть там, но это -

его жизнь. И ты не в силах сделать ее идеально-подходящей для него.

Он изучает меня мгновение, открыв рот и закрыв его снова.

- Нет... Это просто, - он делает паузу и глубоко вдыхает, - знаю. Ты права.

Хочу сказать ему, что понимаю, что знаю, как это, быть с кем-то в очень близких отношениях, и чувствовать, как они отдаляются, а ты не в состоянии это изменить, но я не могу сказать ему этого. Самые близкие для меня люди в жизни - это Харлоу и Лорелей. Они - мои постоянные, и ими были, с тех самых пор, как мы пошли в начальную школу. К тому моменту, как я и Люк расстались после аварии, я была готова отпустить его. В то же время, я ощущала пустоту, которую он раньше заполнял в моей жизни, но думаю, что всегда знала, что мы с ним не будем всегда вместе.

Желая сменить тему, я шепчу:

- Ну, кто бы ни был тот, кто продинамил тебя сегодня вечером, он - полный идиот.

Понимание вспыхивает на его лице, и он полностью поворачивается ко мне на стуле, локтем опираясь на стойку.

- Не знаю, - наконец, говорит он, покусывая нижнюю губу. - Теперь начинаю думать, что она сделала мне одолжение... - Он оставляет чувство, многозначительно висящее между нами, и мы продолжаем сидеть в тишине, и лишь пульсирующие басы музыки сверху доносятся до нас. - У тебя есть парень? - Внезапно спрашивает он.

- Парень? - Трясу головой, борясь с улыбкой.

- Нет. - Технически - это правда. - А у тебя девушка? Спрашиваю я в ответ.

Он тоже качает головой, переводя глаза на мои губы, прежде чем моргает и встречается с моими снова. Следы печали и сожаления о разговоре про "Разъезжай и Сооружай" испаряются из глаз Ансея, и все становится точно так же, как и в первую ночь, когда мы были вместе: мы, говорящие часы напролет. Это помогает мне вспомнить все детали, которые еще не вернулись. Мне нравится то, как он "говорит" руками, делая паузу только тогда, когда забывает слово, его лоб, морщится от концентрации, прежде чем я смеюсь, мини-игра в Шарады проваливается, поскольку я помогаю ему отыскать правильное слово. Или то, как он внимательно слушает, наклоняя голову в мою сторону, а глаза постоянно следят за моим выражением лица. Он заставляет меня чувствовать себя так, будто я единственный человек на земле. Он смотрит на меня так, будто бы в секунде от того, чтобы накинуться на меня.

Не удивительно, что именно я предположила это.

Он спрашивает о моей жизни в Сан-Диего, и слушает так же внимательно, как будто той ночи в Вегасе и не существовало, будто он не слышал этого до сегодня.

- И ты обожала танцевать, - говорит он, улыбаясь, а его пустой забытый бокал стоит перед ним на стойке. Это не вопрос, просто наблюдение.

- Да, обожала.

- И выступала.

Я вздыхаю.

- Я любила сцену.

Глаза Анселя сужаются, между нами висит молчание, пока он не выдает:

- Уверен в этом.

Он абсолютно не стесняется, осматривая мое тело, останавливая взгляд на моей груди. Мурашки пробегают по коже, мои соски твердеют от его чувственного тона, от голода в его глазах.

- Бизнес-школа, - говорит он, снова возвращая взгляд к моему лицу. - Кажется, для тебя это не так интересно, как танцы.

Смеюсь.

- Ммм, нет.

- Тогда зачем ты делаешь это? Тратишь так много времени в своей жизни на что-то, что не делает тебя счастливой?

Искры паники разгораются в моей груди, но мне быстро удается затушить их. Здесь безопасно - странное место, которое мы нашли с Анселем - и я могу говорить или делать что угодно, или *быть*, кем захочу.

Поэтому, я выбираю не отвечать, снова фокусируюсь на нем.

- Многие люди не счастливы на их работе. Вот ты любишь свою?

- Не особенно, - говорит он. - Даже, нет.

- Но ты продолжаешь делать ее.

- Да... - Говорит он задумчиво. - Но у меня это временно. Я *знаю*, чем хочу заниматься по жизни. Эта работа просто одна дверь, которая приоткрывает для меня следующую. Эта работа поможет мне стать кем угодно в любой точке мира. Еще два года обучения - это долгое время, и я видел, как ты отреагировала, когда я упомянул про это. - Он тихо смеется. - Будто твоя жизнь промелькнула перед глазами. Если перспектива учебы в школе делает тебя несчастной... - Его голос затихает, и он смотрит на меня, ожидая, что я закончу фразу сама.

- Я больше не могу танцевать, - напоминаю я ему. - В моей ноге куча винтов и три сантиметра металлического сплава, которым заменили кость, и это не то, что я смогу преодолеть, даже если постараюсь. В этом случае, тело не может быть подвластно мозгу.

Он вертит свой стакан, размазывая темный след конденсата, который образовался под ним. Лед позвякивает, ударяясь о стенки пустого стакана, и кажется, что Ансель обдумывает что-то, прежде чем говорит это в слух.

- Не профессионально. - Добавляет он, пожимая плечами.

Я качаю головой. Не отвечая. Он не понимает.

- Твоя карьера стриптизерши угасла, даже еще не начавшись.

Смех вырывается из моего горла. - Дерьмово, так как я уже подобрала себе имя, и заказала именные стикини и все такое.

Ансель прислоняется к бару и поворачивает голову в мою сторону. Его глаза сканируют мое лицо, прежде чем скользят ко рту и ниже... еще ниже. Так очевидна его слабая попытка соблазнения, что от этого я начинаю хохотать. *Это* парень, от которого я не могла оторвать глаз в Вегасе, тот, который приковывал мое внимание к себе независимо от того, где он находился в комнате. Тот, которому я пересказала всю свою жизнь в течении нескольких часов, тот, за которого я *вышла замуж*, тот, с которым я занималась сексом так много раз.

- Я очень рада, что тебя продинамили, - говорю я, надеясь, что в моем взгляде присутствует хоть половина того желания, которое плещется в его.

Он водит одним пальцем по моему колену.

- Как и я.

Не знаю, куда мы собираемся пойти отсюда, поэтому я решаюсь стать немного храброй.

- Хочешь уйти отсюда? - Спрашиваю я. - Может, прогуляемся?

Без колебаний, он встает и идет оплачивать наш счет.

- Я отлучусь в уборную. - Предупреждаю я.

Он наблюдает за мной с голодом в глазах. - Я буду ждать тебя здесь.

Но когда я подхожу к большой, в стиле арт-деко уборной, он появляется *прямо* передо мной - голова опущена, лицо его в тени из-за недостатка света. Опасный. Он оборачивается при звуке открытия двери и его черты лица становятся еще отчетливее из-за тени, и грубее под неоновым освещением. В этом тускло освещенном углу его скулы словно вырезаны из камня, его глаза темны, губы пухлые, увеличенные игрой света. Не теряя времени, он пересекает крошечное пространство, прижимая меня спиной к стене.

- Я не мог жать. - Говорит он, сжимая мою шею, его ладонь прохладная и надежная, в то время как его большой палец прижимается к моему пульсу, который дико скачет в горле. Этот захват такой собственнический, и такой не свойственный Анселю, это посылает острые ощущения страха по моему позвоночнику. Мы играем, он - снова незнакомец. Он не знает меня, и кроме того, что он рассказал мне в последний час, я как будто не знаю о нем ничего.

Умная девушка бы ушла, говорю я себе. Умная бы и тихая девушка притворилась бы, что ждет друзей, и направилась прямо к двери. Она бы не стояла посреди темного помещения с мужчиной, которого она не знает, обожая то, как он распускает руки, и возможность того, что он никогда ее не отпустит.

- Я почти слышу, как ты думаешь. - Шепчет он, сильнее сдавливая мое горло. - Перестань это делать. Поиграй со мной.

Это именно то, что мне нужно. Я расслабляю плечи, когда голова очищается от всех мыслей.

Напряжение растворится в моем теле, когда я наклоняюсь к нему. Хотя я и на каблуках, он выше меня, стоит мне поднять голову вверх, и вот он, кончик моего носа задевает его.

- Как правило, я не вытворяю такого. - Говорю я, теряясь от мысли о ночи секса без обязательств. Позволить этому сексуальному незнакомцу делать со мной все, что он хочет. - Я почти никогда не целуюсь на первом свидании, я никогда... - Закрываю глаза, и сглатываю, открываю глаза и вижу, как он улыбается мне.

- Знаю. - Его улыбка говорит, *за исключением того раза, когда ты вышла за меня замуж в Вегасе.*

За исключением *этого.*

Он толкает свои бедра между моими, и я ощущаю его твердость. Наслаждаюсь мягкими движениями, пока он раскачивает ими напротив меня.

- Хочу тебя, - бормочет он, целуя меня целомудренно и нежно. Отстраняется, облизывая свои губы, и снова толкается в меня, тихо постанывая в мой рот. - Можно?

- *Сейчас?* - Мое сердце порхает, трепещет так сильно, что клянусь, ощущаю, как моя грудная клетка движется от силы его стука.

Он кивает, при этом целуя.

- Прямо здесь. Но тут становится оживленнее. - Говорит он, указывая в сторону ресторана. - Поэтому, нам стоит поторопиться.

Такое ощущение, что кто-то зажег спичку в моей груди. Я хватаю ткань его рубашки, заталкивая нас обратно в пустую уборную. Без слов, он следует за мной, целуя меня, пока дверь не закрывается за нами, и не щелкает замок.

Внезапно, мне становится так жарко, моя кожа становится такой чувствительной. Я ощущаю каждый дюйм одежды, которая разделяет нас. Его руки хватают меня за лицо, язык скользит по моему, и он такой вкусный, что у меня практически от этого начинает кружиться голова.

В комнате темно, над нашими головами горят неоновые-розовые полосы. Так легко притворятся здесь, затеряться в свете, который все делает нереальным, со всеми звуками, которые доносятся из-за двери. Я чувствую вибрации музыки, которые проходят по полу, прямо к ногам, и это напоминает мне о том, что есть и другие люди в мире, за пределами наших поцелуев, наших одержимых рук, когда мы пытаемся стать еще ближе, срывая друг с друга одежду.

Мое платье распахнуто на полу, рубашка выдернута из-за пояса штанов, чтобы я смогла провести ногтями по его животу. Я задыхаюсь, когда холодный воздух достигает моей кожи, там, где мои трусики увлажнились между ног. Он проводит ладонью вниз по моему пупку, прямо под тонкое кружево, поглаживая пальцами меня между, вокруг, везде, кроме того места, где я хочу, чтобы он касался меня.

- Хочу попробовать это, - говорит он.

Я толкаюсь в его руку, издавая громкие стоны, когда кончик его пальца дразнит меня, то чуть входя, то выходя, размазывая смазку по всему клитору, при этом вода туда-сюда по нему.

Приподняв меня, он идет к стойке, сажает меня сверху, а затем встает на колени меж моих раздвинутых ног. Я смотрю, как он наклоняется вперед, поглядывая на меня из-под ресниц, тянется рукой и отодвигает в сторону трусики, касаясь кончиком языка меня.

- Ох, - выдыхаю я, слишком громко, дыхание настолько затрудненное, что я боюсь свалиться в обморок. Инстинктивно, моя рука скользит к его затылку, удерживая его около себя, и *Боже*, так грязно, видеть его так, голова опущена, окутанная неоновым светом, пока он лижет и стонет прямо в мою кожу.

Я стараюсь не дергаться, не раскачивать бедрами или не быть требующей, но каждый нерв на моем языке сосредоточен на его языке, и на том как он орудует им по моему клитору.

- Пальцы, - задыхаюсь я.

Он ругается, скользя двумя пальцами глубоко в меня, его язык движется опытно, чередуя быстрые движения с медленным облизыванием.

- О, Боже... - Шепчу я, зависнув на краю чего-то, что зарождается в животе, и скользит по позвоночнику. Сжимаю его волосы рукой, бедрами подмахивая ему, пока это что-то нарастает. Смотрю вниз и наблюдаю, почти задохнувшись от того, что вижу, его рука прямо перед его штанами. Работает словно поршень.

- Иди сюда, - шепчу я. - Пожалуйста. - Я так близка - *настолько близка* - но я хочу кончить вместе с ним.

- Господи, да. - Говорит он, вскакивает, приспуская штаны на бедра. Волосы в полном беспорядке, румянец тянется прямо от скул к его шее. Ощущаю головку его члена, которая скользит по мне, я настолько влажная, что один крошечный шаг, и он во мне.

Со вздохом, он прячет голову в моей шее, оставаясь все еще глубоко во мне, при этом пытаюсь немного успокоиться.

- Секунду. - Говорит он, удерживая мои бедра. - *S'il te plait*.

Когда он снова выпрямляется, он тянется позади меня к зеркалу, упираясь в него.

- Так офигенно. - Говорит он, медленно выходя, и снова толкаясь вглубь. - Настолько охуенно.

S'il te plait. Пожалуйста

Он устанавливает ритм, раскачивая бедрами напротив моих. Звук его ремня ударяющегося о стойку разносится по помещению, вместе с тем, как он вдальбливается в меня. Оборачиваю ноги вокруг его талии, а он наклоняется, удерживая мое лицо одной рукой, проталкивая большой палец между моих губ. Мой вкус на его пальцах, губах, но он не может долго концентрироваться на поцелуе.

- Хочу видеть, как ты кончишь. - Шепчет он, глазами сканируя мое лицо. Он вынимает палец изо рта и оставляет влажную дорожку на моей нижней губе. - Хочу почувствовать, как ты сжимаешь меня, хочу поглотить твои тихие звуки.

Вздыхаю, сжимая кулаком край его рубашки, притягивая еще ближе к себе.

- Скажи, чего *ты* хочешь.

- Хочу грубее.

- Грязнее. - Говорит он, облизывая мои губы. - Ты можешь претвориться, что никогда не увидишь меня снова. Какая самая постыдная твоя мысль?

Мой взгляд падает на его рот, когда я говорю ему:

- Хочу, чтобы кто-нибудь услышал, как мы трахаемся.

Его зрачки расширяются, отражая в себе неон, он хватает мои бедра сильнее, прежде чем начинает жестко вбиваться в меня, при этом наша кожа начинает издавать хлопающие и хлюпающие звуки. Он рычит при каждом соприкосновении наших бедер.

Кто-то стучится в дверь, подобрав идеальное время. Она закрыта, но если они войдут, то услышат удары нашей кожи, увидят мои ноги на бедрах Анселя, и мое платье, свисающее на мне, пока он трахает меня.

- *Быстрее.* - Вскрикиваю я - громче, чем вероятно должна - откидываясь назад и хватаю кран. Моя кожа ощущает холод металла, моя кожа покраснелась, и стала влажной.

Я так наполнена, тянусь и опускаю ноги. Его тело идеально подходит моему, как внутри, так и снаружи, выступ его таза задевает мой клитор при каждом толчке. Ощущение тяжести возрастает в животе, становясь все горячее и горячее, пока я не откидываю голову назад, громко издаю стон и кончаю, теряясь во всем, но мой организм пытается втянуть его, пока я рассыпаюсь на кусочки вокруг него. Спустя мгновение, он следует за мной, его движения становятся хаотичными и неистовыми, затем потихоньку затихают, а он кончает с глухим стоном в мою кожу.

Вечерний ветерок треплет мои волосы за спиной, а их кончики щекочут мой подбородок, в то время как запах хлеба и сигарет долетает до нас с кафе, мимо которого мы проходим по пути к метро.

Оглядываюсь через плечо на ряды припаркованных мотоциклов у тротуара.

- Где твой байк? - Интересуюсь я.

- Оставил его дома, - просто отвечает он. - До того, как отправился к тебе. Хотел прогуляться с тобой. - И он говорит это не для того, чтобы увидеть мою реакцию, поскольку, когда я резко перевожу глаза на него, он даже не смотрит на меня. Мы не говорили об аварии сегодняшним вечером. И он ясно показал мне, что никогда не будет давить, так как делала мой отец, который подарил мне велосипед на мой первый день рождения после того, как я выписалась из больницы, и неоднократно предлагал мне снова сесть "на коня". Искренность Анселя по-прежнему застает меня врасплох. Как правило, я мучаюсь, пытаюсь сказать что-либо - беспокоясь, смогу ли я вообще произнести это вслух - в то время как Ансель никогда не фильтрует свою речь. Слова сыплются из его рта-цвета-леденца без каких-либо раздумий. И мне интересно, всегда ли он такой неосторожный, со всеми ли он такой?

Самая оживленная часть дня пришла и ушла, но нам все еще посчастливилось найти сиденья рядом друг с другом. Мы сидим бок о бок в переполненном поезде, и я наблюдаю за своим отражением в окне напротив нас. Даже в отражении грязного стекла и под резко мелькающими флуоресцентными лампами невозможно не заметить то, насколько он прекрасен. Это не то прилагательное, которое я обычно использовала при описании внешности парня до этого момента. Но, как только я смотрю на его угловатую челюсть, на его четко выраженные скулы, которые уравниваются его нежным, практически женским ртом, то

это единственное слово, которое приходит мне в голову и, которое соответствует ему.

Он ослабил галстук, расстегнув верхние пуговицы, при этом открывая треугольник гладкой, загорелой кожи. Распахнутый ворот рубашки обрамляет его длинную шею, открывая часть соблазнительной ключицы, и заставляя меня задуматься о том, почему я никогда не думала, как могут быть сексуальны ключицы.

Словно почувствовав мой взгляд, глаза Анселя прослеживают мелькающее пятно с другой стороны окна и в нем встречаются со мной взглядом. Наше отражение раскачивается при движении поезда, но Ансель все еще наблюдает за мной, небольшая, понимающая усмешка пересекает его губы. Как это возможно, сидеть так спокойно, в молчании, когда около часа назад он был внутри меня, а мои руки начали потеть, когда пальцы хватались за кран в качестве опоры?

Больше людей садятся в поезд на следующей остановке. Ансель встает, уступая место пожилому джентльмену с тяжелыми сумками в каждой руке. Они обмениваются парой слов по-французски, ничего из этого не понимаю, а затем, Ансель встает передо мной, подняв правую руку и ухватившись за перила, которые привинчены к потолку.

Мне открывается непревзойденный вид на его тело и перед брюк. *Ням-ням.*

Смех группы девушек привлекает мое внимание, которые сидят через несколько рядов от нас. Скорее всего, они - студентки, и смею предположить, что они на несколько лет моложе меня. Слишком взрослые для старшей школы, они определенно учатся в университете. Они сидят с прижатыми друг к другу головами, а причина их тихого хихиканья и наивных пристальных взглядов являются, я определенно знаю, что. Или, точнее, кто.

Поднимаю глаза на него, а он смотрит на старичка, слушая его и не обращая внимания на злобные взгляды, брошенные в его сторону.

И, конечно же, я не виню их. Если бы я увидела Анселя в поезде, уверена, я бы сломала себе шею в попытке рассмотреть его по лучше, и теперь, та ночь, когда я увидела его в баре Вегаса, кажется, будто была в другой жизни. В данный момент, я хочу поблагодарить ту себя, за то, что сделала и сказала что-то, что привлекло внимание Анселя в начале и - благодаря какой-то невидимой силе или же алкоголю, чего я до сих пор не понимаю - до сих пор привлекает. Иногда, думаю, что та-я-из-прошлого - просто гений.

Его голос низкий и мужественный, когда он смеется над чем-то, что сказал мужчина, и да поможет мне Бог, его ямочки снова в силе. Немедля, я осмотрелась вокруг, как ревнивая подружка - *жена* - которой я стала, и, конечно же, каждая девушка в этой стайке, расширила глаза, раскрыла рты и чуть не грохнулась в обморок.

И хотя я абсолютно ничего не говорила, мне становится интересно, что если бы каждая моя мысль проектировалась, на экран над моей головой. Потому что именно в этот момент Ансель решает посмотреть на меня, во взгляде нежность и теплота, он тянется к моей нижней губе и проводит большим пальцем по ней. Собственнические искорки вспыхивают в моей груди, и я поворачиваю голову, целуя его ладонь.

Ансель начинает сиять, когда поезд останавливается на нашей станции. Он берет меня за руку, я встаю и мы выходим из вагона, его рука оказывается на моей талии, как только мы ступаем на платформу.

- Ты освободился с работы пораньше, - говорю я.

Он смеется.

- Ты только что поняла это?

- Нет. Ну... да. Я не думала об этом до этого. - То, что он говорил про его босса и о его работе разносится эхом в моей голове. - У тебя не будет проблем?

Он пожимает плечами, в своем стиле, непринужденно и свободно.

- Я могу работать дома, - отвечает он. - Я прихожу раньше всех, и даже если уйду пораньше, как сделал сегодня, то я до сих пор работал полный день. По четырнадцать часов. Они собираются урегулировать это.

Но, очевидно, что это только в *планах*. Ансель целует меня нежно, когда мы входим в квартиру, а затем он направляется к столу и загружает свой лэптоп. Как по команде, его телефон начинает пиликать, и он пожимает плечами виновато, прежде чем ответить.

- *Allo?*

До меня доносится хриплый мужской голос, а затем, вместо усталого заработавшегося выражения, появляется счастливая улыбка на лице мужа.

- Эй, Оллс, - приветствует он. - Ага, мы дома.

Машу ему, что бы он передал привет от меня Оливеру, и затем ухожу в комнату, прихватив с дивана книгу и закрыв за собой дверь, предоставляя ему уединение.

Кровать - широкая и идеальная, ложусь поперек нее, развалившись, словно морская звезда. Звуки улицы, запахи хлеба и жареного чеснока достигают меня, проникая в мои чувства, пока пялюсь в книгу, лениво размышляя о том, что бы мы могли соорудить на ужин. И, конечно же, я не могу сфокусировать ни на одном слове в книге.

Частично из-за улыбки Ансея, которая всплывает перед моими глазами, или из-за того, что его голос звучит - так низко, облегченно, расслаблено - совсем отличается от того, каким я слышала его в последние несколько недель. Даже притом, что между нами нет неловкости, и мы только что провели самый удивительный вечер вместе, он - все еще самую малость сдержан со мной, и замечаю я это только сейчас во время его разговора с лучшим другом. Прямо как я с Лолой или Харлоу: без сдержанности и без фильтра. Слушаю его голос через дверь, желая поглотить его бархатную гладкость, его грудной смех. Но затем, он резко прочищает горло, и его голос падает до шепота:

- Она - хорошая. Я имею в виду, конечно же, она невероятна. - Останавливается, и смеется. - Я знаю, что ты так думаешь. Ты будешь думать также, даже спустя тринадцать лет нашего брака.

Мой желудок делает приятный кульбит, но он опускается неприятно, когда Ансель говорит:

- Нет, я еще не говорил с ней об этом. - Еще пауза, и затем еще тише. - Конечно, с Перри еще не все кончено. Не хочу, чтобы хоть что-то из этого беспорядка угрожало Миа. - Я замираю, наклоняясь ближе, чтобы лучше слышать. Почему он не сказал Оливеру о том, что Перри долбился в дверь прошлой ночью?

Слышу нотки разочарования в голосе, когда он произносит:

- Буду. Буду, Оливер, только заткнись на хрен. - Но затем, он смеется, развеивая напряжение от разговора, который я подслушала. Моргаю, полностью запутавшись. Что случилось с Перри? Что за неизвестный беспорядок от него, оставшееся без ответа вопросы, почему он не в Штатах, и как такое, возможно, что он может угрожать мне?

Качая головой, пытаюсь очистить ее от мыслей, осознаю, что мне нужно либо выйти туда и показать то, что я слышала его, или же уйти. А может и оба варианта. У нас уже достаточно тайн... по крайней мере, у него. Открываю дверь, выходя в гостиную и ложа руку на его плечо. Он слегка вздрагивает при контакте, разворачивается ко мне, и поднимает мою руку, целуя ее.

- Я слышу тебя, - говорю я ему, морщусь из-за раскаяния, как будто это моя вина. - Поэтому схожу в магазинчик на углу и куплю что-нибудь для ужина.

Он кивает, в глазах благодарность за уединенность, а затем указывает на его кошелек, на столе. Игнорирую это, и проскальзываю в дверь, понимая, что снова могу дышать, как только двери крошечного лифта закрываются.

Глава 14

Ансель работает, делая все возможное, чтобы выкроить время для меня, пока я притворяюсь, будто провожу с ним время. Эта новинка, открывшаяся для меня совсем недавно, называется "свободное время" и совсем скоро она останется в прошлом. Отрицание - мой друг.

Независимо от того, что беспокоило его, кажется, это разрешилось; Теперь он более счастливый, менее беспокойный, а наша сексуальная жизнь стала определенно ярче и менее неловкой. Отныне ни Перри, ни его последний ночной визит более не упоминаются.

Как-то одним утром, Ансель просыпается до восхода солнца, и начинает греметь на кухне. Вместо того, чтобы поцеловать меня на прощание перед уходом на работу, он выдергивает меня из постели, вручает в одну руку яблоко, а в другую чашечку эспрессо, при этом сообщая, что у нас есть целый день, который мы можем провести вдвоем. Все время воскресения - только наше. Острые ощущения подогревают мою кровь и пробуждают меня даже быстрее, чем резкий запах кофе, витающий по всей квартире.

Откусываю кусочек фрукта, улыбаюсь и наблюдаю за ним, пока он пакует пикник для нас. Затем следую за ним обратно в спальню, чтобы посмотреть как он одевается. Меня завораживает то, в каком ладу он со своим телом, когда натягивает боксеры, джинсы, как пальцы скользят по каждой кнопке на рубашке. Хочу снять с него одежду, только для того, чтобы снова посмотреть на это зрелище.

Он поднимает глаза, ловит меня за моим наблюдением, и вместо того, чтобы сделать то, что я желаю, я отворачиваюсь к окну, выпивая эспрессо одним обжигающим глотком.

- Почему ты всегда со мной такая застенчивая? - спрашивает он, подходя ко мне сзади. - Это из-за того, что мы вытворяли прошлой ночью?

Вчерашней ночью, мы выпили много вина, почти на пустой желудок, это снесло мне крышу, и я притворилась известной актрисой, приехавшей в город только на одну ночь. Он был моим охранником, якобы впусившим меня в свою квартиру, ради защиты... а затем соблазнил.

Так странно, что на такой простой вопрос невозможно ответить. Я - застенчивая. Эта черта не проявляется у меня при определенных обстоятельствах, она *постоянно* со мной. Но волшебство не в том, почему она появляется наружу именно с ним, а в том, как быстро она

исчезает.

Но я представляю, что он ответит на это. В его присутствие я становлюсь непредсказуемой. Бывают ночи, как та, вначале этой неделе, когда с ним легко разговаривать на протяжении долгих часов - как будто являясь незнакомцами, мы знаем друг друга годами. А бывают моменты, как сейчас, когда это должно быть проще простого, но я отворачиваюсь, позволяя энергии между нами сбиваться.

Интересно, каковы его мысли по поводу того, что он женился на двуличной девушке. Одна - милая, умная, застенчивая девчушка, которую никто не знает. И другая - сексуальная, роскошная, безбашенная девушка, любящая вечеринки. Но, прежде чем, я позволяю развиваться этой мысли в моей голове, ощущаю прикосновение его губ к моей шее.

- Сегодня, мы притворимся, будто у нас первое свидание, моя стеснительная. Попытаюсь произвести на тебя впечатление, и возможно потом, если у меня это получится, ты позволишь мне украсть у тебя поцелуй на ночь.

Если он продолжит своими руками поглаживать меня, и посасывать чувствительное местечко чуть ниже ушка, то я буду вынуждена наброситься на него, прежде, чем мы выйдем за пределы квартиры.

Но он устал торчать взаперти. Теперь его черед смотреть, как я одеваюсь, и он, по сравнению со мной, не скрывает своего восхищения, когда я натягиваю трусики, бюстгальтер, белую майку, и длинную трикотажную юбку лазурного цвета. Как только я готова, он мягко присвистывает, подходит ко мне очень близко, захватывая мое лицо в свои руки. Двумя пальцами смахивает мою темную челку, чтобы лучше было видно мои глаза. Пальцем водит туда-сюда, рассматривая мое лицо.

- Ты - самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел. - Целуя меня в уголок губ, он добавляет. - И это все еще кажется нереальным, не так ли?

Но затем он улыбается, как будто правда - что мне осталось пару недель до того, как я уеду отсюда - не волнует его вообще.

Как ты делаешь это? Хочу спросить я. Как делаешь так, чтобы над тобой не висел этот надвигающийся конец нашего веселья?

Я чувствую себя обожаемой и обернутой, словно в кокон, пока он обнимает меня одной рукой, когда мы проходим мимо его мотоцикла, припаркованного на тротуаре, и направляемся к метро. В его свободной руке болтается сумка с нашим ланчем. Он напевает песню, здоровается с соседями, наклоняется, чтобы погладить собаку на поводке. Щенок смотрит на него своими большими шоколадными глазами, разворачиваясь в нашу сторону, будто хочет последовать домой к Анселю. *Ко мне и Анселю*, напоминаю я себе. Просто непостижимо, что он выбрал профессию адвоката, а затем вытворял что-то дикое, с легкостью помогал старым леди или кричал и вскакивал на столы.

- Куда мы направляемся? - спрашиваю я, когда мы садимся на поезд, направляющийся в сторону Шатильен.

- В мое любимое место.

Толкаю его плечом, игриво ругая за то, что ничего не говорит, но в душе я люблю это. Люблю, что он спланировал поездку, даже если придумал ее, только когда взошло солнце этим утром. Мы пересаживаемся на другой поезд у Дома Инвалидов и все это так знакомо - уклонение от чужих тел в туннелях, указатели, пересадки без каких-либо раздумий - до боли, и независимо от того, каким бы родным не ощущалось это место, это - не мой дом.

Впервые, с тех пор как я прибыла сюда месяц назад, знала абсолютно точно, что не захочу уезжать.

Голос Анселя привлекает мое внимание к двери.

- *Ici*. - Бормочет он, беря мою руку и провожая через двойные двери, распахивающиеся со свистом.

Выходим из метро и проходим пару кварталов, пока не доходим до места, и мои ноги приковываются к тротуару из-за вида.

Я читала о Ботаническом саде в путеводителях, которые оставил для меня Ансель, или в крошечных картах Парижа, которые я обнаружила в своей сумке. Но за все мои дни, что я ходила и изучала Париж, я не побывала здесь, ни разу. Должно быть, он знал это, так как мы стоим напротив самого красивого сада, который я когда-либо видела.

Ici. Здесь

Кажется, он простирается на многие километры с настолько зелеными газонами, что они будто флуоресцентные, и с оттенками цветов, которых я еще ни разу не встречала в природе.

Мы идем по извилистым дорожкам, окунаясь во все это. Каждый цветок, который растет на французской земле, представлен в этом саду, сообщает он мне с гордостью, а вдалеке красуются музеи об эволюции, минералогии, палеонтологии, энтомологии. Такие честные и простые науки выражены в сводах из мрамора и в стенах из стекла, напоминая всем нам, насколько благородны они.

Повсюду, в поле моего зрения земля и почва, но она такая красочная, что кажется, мои глаза не перестанут рассматривать все это. Даже сейчас, когда я смотрю на клумбы с фиолетовыми и лавандовыми анютиными глазками, мое внимание привлекают находящиеся вдалеке ослепляющие пятна ноготков и цинний.

- Ты обязана увидеть... - Ансель останавливается, и хмыкает, прижимая два пальца к губам, пока думает, как слово будет на английском. Хоть у него и редко бывают проблемы с переводом чего-то, но я все равно не могу не быть влюбленно-одержимой в это. Он может цыкать языком, или, как правило, сдается и говорит слово на мягком, звучном французском. - *Coquelicots?* - говорит он. - Нежные весенние цветы. Краснеет, иногда бывают оранжевыми и желтыми?

Качаю головой, не понимая, что за цветок.

- Прежде чем он зацветает, бутоны выглядят как яички.

Смеюсь и предполагаю.

- Маки?

Coquelicots? Маки

Он кивает, щелкает пальцами и выглядит таким радостным, как будто я сама посадила их здесь.

- Маки. Ты обязана посмотреть на маки весной.

Но идея распадается в воздухе между нами и без нашего признания. Он снова берет меня за руку, мы продолжаем идти.

Он указывает на все перед нами: на цветы, деревья, тротуар, воду, здания, камни - и говорит эти слова на французском, заставляя меня повторять их, как будто это важно, как будто если он наполнит меня знаниями, то я не смогу подняться в самолет и улететь через несколько недель.

Внутри холщевой сумки Ансель положил хлеб, сыр, яблоки, и крошечные маленькие печенюшки. Мы находим скамейку в тени, так как не можем усесться на траву и устроить пикник. Едим так, будто не ели днями. Рядом с ним у меня разгорается другого вида голод, более томительный, и когда я наблюдаю за ним, как он вынимает хлеб из сумки, отрывает немного, а мышцы его рук напрягаются и натягиваются при движении. Мне интересно, когда мы вернемся в квартиру, как он прикоснется сперва.

Руками? Губами и зубами, подразнивая и покусывая? Или же будет таким нетерпеливым, что ему достаточно отодвинуть ткань в сторону и войти в меня, двигаясь как можно быстрее? Закрываю глаза, наслаждаясь солнцем и ощущением его пальцев, скользящих по моей спине, обнимающих меня за плечо. Он рассказывает о том, что любит в этом парке - архитектуру и историю - и наконец, затихает, когда птицы садятся над нами, хлопая крыльями и щебеча на дереве. В эту идеальную минуту, я могу вообразить, что эта жизнь бесконечна: солнечный воскресный день в парке с Анселем и обещание того, что его тело окажется над моим, когда зайдет солнце.

Это первый раз, когда мы проводим вместе весь день, и после этого, мы не в состоянии раздеться, прикосаться друг к другу или же заняться сексом - которым мы только и занимались. После почти одиннадцатичасовой прогулки и просмотра всего, что смогли днем. Я наблюдала за тем, как его губы надувались, когда он произносил свои идеальные слова и еще за его широкими, умелыми руками, которые указывали на важные здания. А его озорные зеленые глаза постоянно фокусировались на моих губах и моем теле, что от этого все, что мне хотелось - это только ощущать его вес на мне.

Я цепляюсь за мысль о простых дружеских отношениях, которых мы сегодня достигли, были лишь *мы* — Миа и Ансель. Но, как только мы возвращаемся в квартиру, он целует меня в макушку, наливает мне вина в бокал, прежде чем включить свой лэптоп, чтобы проверить его рабочую электронную почту с обещанием сделать все по-быстрому. Он садится за маленький столик спиной ко мне, а я устраиваюсь на диване, подогнув под себя ноги, потягивая вино и наблюдая, как напряжение снова начинает сковывать его плечи. Он отвечает на письмо со скоростью света, которое должно быть горит, потому что его пальцы стучат как молоток по клавиатуре. Затем он отправляет ответ, прежде чем откидывается на спинку стула и проводит

разочарованно рукой по волосам.

- *Putain*, - ругается он, огорченно выдыхая.

- Ансель?

- Ммм? - Он наклоняется вперед, потирая лицо ладонями.

- Подойди сюда, пожалуйста?

Putain. Блядь

Он снова глубоко вдыхает, перед тем как встать, идет ко мне, но как только я вижу его лицо — его глаза - пустые, его рот - прямая линия от усталости - я понимаю, что чары рассеялись, и спать я лягу одна. Мы вернулись к реальной жизни, где его жизнь - это таинственная, изнурительная работа, и я мелькающая в ее промежутках.

Мы снова играем в домик.

- Больше работы, не так ли? - спрашиваю я. - За сегодняшний отгул?

Он пожимает плечами, и тянется ко мне, аккуратно потянув вниз мою нижнюю губу большим и указательным пальцем.

- Плевать. - Он наклоняется, целуя меня в губы, посасывая их, прежде чем отстраниться. - Но да. Я должен отправиться в офис завтра пораньше.

Завтра понедельник, а он уже отстал на этой неделе.

- Зачем ты занимаешься этим? - Слова ощущаются как-то неудобно на языке. Наши разговоры о его работе, в основном, состояли из его извинений за то, что он так много работает и из моих слов о том, что я понимаю его. Но я абсолютно не понимаю, и в этот момент мне действительно становится жаль, что я не расспрашивала его о ней. Я не знаю ничего, кроме того, что его босс - леди-дракон, и что эта работа предоставит ему когда-нибудь выбор из разных должностей, но я действительно понятия не имею, что он делает там.

- Потому что я не буду в состоянии найти другую хорошую работу так скоро, если я оставлю эту. Она очень престижная, ты же знаешь. Я должен пережить это дело.

Он чуть-чуть рассказывает мне об этом — неопределенные сведения о корпорациях, которые находятся в состоянии войны и о деле, об интеллектуальной собственности и тактике продаж в самом центре разбирательства — прежде чем я отстраняюсь, чтобы взглянуть на него с удивлением.

Я слышала об этом деле. Мне известны названия этих двух корпораций, они конкурируют между собой. Это огромное дело, которое постоянно крутят по новостям и обсуждают в газетах. Не удивительно, что он работает сутками.

- Я понятия не имела, - говорю ему. - Как тебе удалось вырваться в Вегас?

Он впирается пальцами в свои волосы, и пожимает плечами.

- Это всего лишь было на три недели, и я был не нужен. Они давали показания и я смог взять небольшой перерыв. В Европе нормально брать длительный отпуск, по сравнению с США.

Тяну его к себе на диван и он подчиняется, но его поза говорит мне, что он здесь ненадолго. Он встанет и вернется к своему компьютеру, вместо того, чтобы отправиться со мной в постель. Пробегаю руками по его футболке и понимаю, что с нетерпением ожидаю увидеть его снова в рабочей одежде, но сразу же ощущаю узел вины в животе за это.

- Ты надеваешь костюм и галстук на заседания?

Смеясь, он наклоняется и шепчет в кожу моей шеи.

- Я не хожу в суд. Но нет, на заседания они надевают традиционную робу. Я эквивалент младшего юриста. Корпоративное право во Франции может немного отличаться от США, хотя оба отличаются от уголовного права. Здесь, возможно, больше слушаний происходит за столом.

- Если они различаются между собой, и ты получал лицензию в Штатах... зачем тогда вернулся сюда?

Он мычит, качая головой немного, и целует меня в челюсть, и впервые за все время он не отвечает на вопрос. Не могу сказать, разочарована я или же очарованна.

- Надеюсь, ты закончишь с этим скоро. - Говорю я ему, прижав руку к его лицу, неспособная сопротивляться, поглаживаю его нижнюю губу подушечкой большого пальца, как делает он, успокаивая. - Надеюсь, что так будет не всегда. Мне нравится, когда ты со мной.

Он закрывает глаза, медленно выдыхая, и затем улыбается.

- Сейчас, ты звучишь как истинная жена.

Глава 15

Я почти рада, что в понедельник ему на работу, таким образом, я могу снова посетить тот крошечный магазинчик в переулке, затаив дыхание в надежде на то, что он открыт. Думаю, ролевые игры - это развлечение для Ансея. По крайней мере, я надеюсь, что для него это так же весело, как и для меня. Мы узнаем друг друга в этих крошечных проблесках, раскрывая себя, в то время как притворяемся наоборот.

И сегодня, я хочу, чтобы он заговорил.

Магазинчик открыт, и продавщица с прошлого раза тут, приветствует меня своей теплой улыбкой и знакомым ароматом ирисов. Она берет меня за руку, утягивая к белью.

- Кем ты будешь сегодня? - спрашивает она.

У меня занимает пару длинных секунд, чтобы подобрать слова, и даже после этого я не отвечаю на ее вопрос прямо.

- Мне нужно что-то, что поможет спасти его.

Она изучает меня момент, прежде чем выбирает сексуальный наряд военной, но это не то, что я имела в виду. Вместо этого, мои глаза останавливаются на неглиже, такого ярко красного оттенка, и он выглядит так, будто он может обжечь мои пальцы.

По помещению разносится ее громкий и гортанный смех.

- Да, сегодня ты по любому спасешь его в *этом*. В этот раз, когда ты появишься перед ним,

твой подбородок гордо приподнят, а глаза будут сиять, словно у маленькой грешницы. - Затем она направляется к полке, и передает мне единственный аксессуар, который вибрирует в моей руке.

Сама бы я никогда не купила бы такое, но это именно то, что нужно.

- Повеселись, *cherie* [32].

вернуться

32

Дорогая

Я предостаточно раз делала макияж для своих выступлений, поэтому без каких либо затруднений я накладываю и сейчас. Темные смоки айс. Губы алые, и более пухлые. Достаточно румян на щеках, которые говорят, что тебе не светит ничего хорошего.

Отступив назад, рассматриваю себя в удлиненное зеркало, закрепленное на двери спальни. Мои волосы спадают до подбородка, черные и гладкие. В моих глазах больше желтых крапинок, чем зеленых в последнее время. Мою челку стоит подстричь, так как она уже касается ресниц, во время моргания, но женщине, которая смотрит на меня из зеркала, нравится тень, создаваемая ею. Она знает, как флиртовать, смотря из под ресниц, особенно с едва торчащими из-под волос красными рожками приделанные к тонкой, черной повязке, спрятанной под волосами.

Неглиже выполнен из кружева и наслоенного, мягкого тюля с вышивкой. Слои ткани создают иллюзию невидимости, но даже с приглушенным светом свечей, мои соски просвечивают из-под нее. Единственная весомая вещь на мне - это крошечные, красные стринги подходящие под неглиже.

В этот раз, я не нервничаю, когда слышу звук открытия дверей лифта в коридоре и твердые шаги Ансея до нашей двери.

Он входит, бросает ключи в миску, засовывает шлем под стол, и уже после, поворачивается туда, где сижу я в трех метрах от входной двери на кухонном стуле.

- Христос, *Cerise*. - Медленно, он снимает свою сумку-планшетку через голову, аккуратно ставя ее на пол. Чувственная улыбка растягивает от одного уголка его губ и ползет вверх, когда он замечает рожки. - У меня проблемы?

Качаю головой, дрожа от того, как он с акцентом произносит *проблема*. Теперь это мое любимое слово. Встаю со стула и подхожу к нему. Позволяя ему осмотреть весь наряд.

- Нет, - говорю я, - но пташки нащебетали мне, что у тебя ситуация, которую ты бы хотел изменить.

Он замирает, его брови медленно поднимаются вверх.

- Ситуация?

- Угу, - отвечаю я. - С твоей *работой*.

В его глазах вспыхивает игривая искорка.

- Понял.

- Я помогу. - Делаю шаг ближе, и провожу вверх ладонями по его груди до галстука. Расслабляю его, говоря ему. - Я была послана тебе ради заключения сделки.

- И кем же?

- Моим босом. - Подмигиваю ему.

Он разглядывает меня какое-то время и тянется к моей нижней губе, проводя подушечкой большого пальца по ней. Такое знакомое прикосновение, но вместо этого я открываю рот и облизываю его, кусая.

Он отстраняет палец со вздохом, и смеется.

- Ты - неотразима.

- Я - *могущественна*. - Поправляю я его. - Если сегодня все пройдет хорошо, то лишь щелчком пальца я прекращу это ужасное, занимающее-все-время судебное разбирательство.

Развязываю галстук и вижу, как его веселое выражение лица превращается во что-то более серьезное, умоляющее.

- Сможешь ли?

- Ты продаешь мне свою душу, а я заставлю все твои проблемы испариться.

Его улыбка возвращается, а его руки скользят по моим бедрам, обхватывая их.

- Когда ты так выглядишь, думаю, душа мне не к чему. - Он наклоняется и проводит носом по моей шее, вдыхая. - Она твоя. Как мы заключим эту сделку?

Отталкиваю его руки, снимаю с него галстук, затягивая его на своей шее.

- Рада, что ты спросил про это. - Расстегивая его рубашку, объясняю. - Я задам пару вопросов, по ним определю цену твоей души. Если ты нетронут злом, закончу это сегодня и будешь выглядеть как герой, который сломался и перешел на другую сторону. Если же ты нечист, ну...

- Пожимаю плечами. - Значит она - опорочена, но судебное дело все равно будет закрыто. И затем, я возьму свою плату.

Его ямочки появляются, словно яркая комета.

- И на какие вопросы я должен ответить?

- Мне нужно узнать, каким плохим ты был. - Понижая голос, я добавляю. - Надеюсь, ты был *очень* плохим. Мой босс не любит платить слишком много, и выставить тебя героем, довольно дорогое удовольствие в этом бизнесе.

Он выглядит по-настоящему смущенным.

- Разве моя душа не ценнее для тебя, когда я более испорчен?

Качая головой, отвечаю ему.

- Я заключаю сделку, только чтобы переманить тебя у ангелов. Я получу за тебя высокую цену, если они откажутся от тебя.

- Понятно, - говорит он, натягивая веселую улыбку.

Тишина струится между нами, а напряжение клубится вне нашего маленького круга из наших, так близко стоящих, тел. На этот раз, будем играть по моим правилам, игра - моя, я ощущаю силу в этом. Мои пальцы подрагивают на его груди с осознанием того, что круг замкнут. Мы - равны. Я - его жена, желающая спасти его.

- Полагаю, теперь я в твоей власти, - тихо шепчет он. - Если ты выполнишь обещанное, то я в деле.

Наклонив голову, приказываю:

- Раздевайся.

- Полностью? - Веселье вновь появляется на его лице.

- Полностью.

Он сбрасывает голубую рубашку с плеч. И я пытаюсь смотреть только на его лицо, зная, что кожа, которую он медленно обнажает, вполне возможно, моя самая любимая вещь во Франции.

- Как ты попала на такую работу? - спрашивает он, расстегивая ремень.

- Мой босс столкнулся со мной, в то время как я бродила по улицам в одиночестве. - Говорю ему, не способная устоять, тянусь к его груди и провожу вниз по ней рукой. Люблю то, как сбивается его дыхание, кажется, будто его кожа натягивается под моими пальцами. - Он подумал, я стану не плохим посредником. Когда я узнала, что моя задача состоит в том, чтобы играть с такими симпатичными мальчиками вроде тебя, как бы я смогла отказаться?

Его руки вытягивают ремень из брюк так быстро, что гладкая кожа щелкает о натянутую часть ремня, все еще вдетую в хлястик брюк. Затем он бросает его на пол, а следом отправляются его штаны.

Когда его пальцы медлят на резинке его боксеров, я с уверенностью могу сказать, он дразнит меня, ожидая, когда я посмотрю на его лицо.

Но я не делаю этого.

- Снимай. - Командую я. - Мне нужно знать, с чем я работаю.

Он спускает последнюю вещь с тела и медленно - с уверенностью - выступает из них. Я никогда не смогу привыкнуть к виду обнаженного Анселя. Он загорелый, сильный, и выглядит так, будто и на вкус восхитителен. И Боже, я знаю, как он восхитителен. Это все что я могу, чтобы не сползти на колени и не провести языком влажную дорожку от основания члена до его набухшей головки.

Но как-то мне удается устоять, даже когда он опускает руку, оборачивая основание большим и средним пальцем, держа так, будто предлагает его мне. Стягиваю с шеи галстук, завожу ему руки за спину и связываю их вместе на запястьях. Достаточно туго, но не так сильно, чтобы он не смог распутаться, если бы захотел. Разворачиваю его лицом к себе, и толкаю легко в грудь.

- Иди и сядь на диван. Время допроса.

- Я немного нервничаю. - Признается он, подмигнув, но все равно уверенно идет к дивану и аккуратно садится, руки скованны за спиной.

- Мужчины всегда нервничают в этой части, - говорю я, следуя за ним и немного колеблюсь у его бедер. Затем тянусь рукой и провожу по его головке указательным пальцем. - Никто не любит признавать все грешки, которые они совершили.

- И со сколькими мужчинами ты проделала уже это? - В этот раз, в его голосе что-то проскальзывает - возможно, ревность. Или, возможно, глубокие острые ощущения из-за представления того, что я делаю это с кем-то другим.

Эти вещи мне предстоит узнать у человека, за которого я вышла замуж.

- *С тысячами*, - шепчу я, смакуя то, как его взгляд ужесточается. Затем, в них вспыхивает ревность. - Я лучший посредник. Если ты хочешь, чтобы я запомнила тебя, тебе следует впечатлить меня позже.

Сажусь задницей на его бедра, и затем толкаюсь вперед, создавая небольшое трение, до того как скольжу назад. Под моими ладонями его плечи напрягаются, в то время как он натягивает свои оковы.

- Контроль делает тебя влажной, *Cerise*? - шепчет он, будто разрываясь меж двух огней. Он перестал играть, но, кажется, ничего не может поделать с этим. - Хотел бы я рассказать, что ты делаешь со мной, видя тебя такой.

Но ему не нужно мне рассказывать об этом. Я вижу, что это делает с ним. И в один удар сердца, я понимаю, чего он хочет. Так же как и в нашу первую ночь игры в горничную и хозяйина: *дай мне попробовать это*.

Просто делает он это другим способом.

Просовываю руку между ног, проталкивая пальчики под атлас, и решаю устроить ему небольшое шоу: закрываю глаза и поглаживаю себя, при этом постанываю, раскачивая бедрами. Но когда я убираю руку, вместо того, чтобы поднести пальцы к его рту, я хватаю его за подбородок и провожу влажную линию над его верхней губой, чуть ниже носа.

Он стонет, и этот удивительный, хриплый звук, *смешанный с болью* я хочу записать на диктофон и поставить на повтор, пока я объезжаю его. Он настолько тверд, его толстый член возвышается до пупка, почти прижимаясь к нему. Бусина смазки выступает и скатывается вниз по его длине.

Мой рот наполняется слюной, а грудь сжимается. Я не думала, что моя игра начнется так быстро. Мне никогда не узнать, правду ли он скажет, но его твердость кажется не очень комфортной, чтобы лгать мне.

- Хочешь, чтобы мой рот побывал на твоём члене, до вопросов? - шепчу я, немного отступая от

сценария. Сухожилия на шее напряжены, а на лице такое уязвленное выражение лица, что мне хочется просто дать ему кончить.

- *No!*, - быстро говорит он, быстрее, чем я ожидала. Его глаза широко распахнуты, губы влажные, в том месте, где он только что пытался слизать со своей кожи мой вкус. - Подразни меня.

Поднимаюсь с его коленей, бросая ему:

- Очень хорошо, - и наклоняюсь к журнальному столику за клипбордом и ручкой. Позволяю ему насладиться видом моей задницы, бедер и красных шелковых стринг. Позади меня он резко и глубоко дышит.

Поворачиваюсь к нему, глядя на мой коротенький список. Я чиркнула пару вещей, чтобы напомнить себе о чем хотела его спросить, потому что из-за такой накаленной обстановки и из-за того, что он обнажен и смотрит на меня так, будто ели сдерживает себя, я могу легко забыть.

Обратно забираюсь на него, провожу ручкой по его гладкой коже груди и спускаюсь ниже к его мускулистым бедрам.

- Мы начнем с легких.

Он кивает, пялясь на мою грудь.

- *D'accord.* - *Окей.*

- Если ты когда-нибудь убивал, то твоя душа будет стоить гроши, но мы в любом случае ее заберем.

Он улыбается, немного расслабляясь, когда выясняется, что за игра предстоит.

- Пытал?

Он смеется.

- Боюсь - это меня сейчас пытаются, но нет, ничего такого я не делал.

Переведя взгляд на мой список, я говорю.

- Мы можем быстро проштудировать список смертных грехов. - Смотрю на него и облизываю губы. - Именно на этих вопросах мужчины теряют свою стоимость.

Он кивает, уставившись на меня так, будто у меня реально есть шанс изменить его судьбу этим вечером.

- Жадный? - спрашиваю я.

Ансель тихо смеется.

- Я - адвокат.

Кивнув, я делаю вид, будто записываю это.

- Фирма, которую ты ненавидишь, но которая платит тебе смешные деньги за то, чтобы ты выставил в другом свете одну огромную корпорацию, предъявляющую иск другой. Полагаю из-за этого, я могу отнести тебя к чревоугодию, тоже?

На его щеках появляются ямочки, когда он смеется.

- Думаю, да.

- Гордый?

- Я? - спрашивает он с обаятельной улыбкой. - Я скромный, по мере возможностей.

- Точно, - борюсь с улыбкой, смотрю снова в свой список. - Похоть?

Он приподнимает свои бедра, и его член между нами, но я смотрю упорно на его лицо, ожидая ответа, но он не отвечает вслух.

Горячая волна пробегает по моей коже от его проникновенного взгляда, и наконец, я отрываю свои глаза от него.

- Зависть?

Проходит достаточно времени, прежде чем он отвечает на вопрос, мои глаза сканируют его лицо. Он выглядит как ни странно задумчивым, будто это серьезная физическая нагрузка. И впервые, я понимаю, что возможно так оно и есть. Я просто не могу спросить его об этом, будучи Мией, сидя за столом с Анселем, хотя хотела бы того. Никто не может быть таким идеальным, каким он кажется, и часть меня должна понять, где он испорчен, а где уродлив. Но проделать это намного легче в образе служителя Сатаны.

- Да, я ощущаю зависть. - Тихо признается он.

- Мне нужно больше, чем это. - Наклоняюсь вперед, целую его в подбородок. - Завидуешь чему?

- Я никогда не должен завидовать. Во всяком случае, я, как правило, смотрю на все позитивно. Финн и Оливер... они злятся иногда на меня, говоря, что я - импульсивный, или не постоянный.

- Он разрывает наш контакт глазами, смотря на что-то позади меня. - Но сейчас, вспоминаю лучших друзей, и вижу их свободу... я тоже хочу этого. Думаю, именно это - зависть.

Его слова словно укусы. Укусы превращаются в агонию, которая ползет по моему горлу, обволакивая трахею. Сглатываю несколько раз, прежде чем восстанавливаю контроль над собой.

- Понимаю.

Внезапно, Ансель понимает, что сказал, и наклоняет голову, чтобы я смотрела на него.

- Хочу свободы не, потому что я женат, а они нет, - Быстро исправляется он. Его глаза мечутся, ища моего понимания. - Речь не об аннулировании. Я не хочу этого. Мы не аннулировали брак, только потому, что я пообещал.

- Хорошо.

- Я завидую им не по той причине, по которой ты думаешь. - Делает паузу, ожидая, когда мое выражение смягчится, прежде чем он спокойно признается. - Я не хотел возвращаться в

Париж. Не для работы.

Мои глаза сужаются.

- Не хотел?

- Я люблю этот город... он глубоко в моем сердце... но я не хотел возвращаться сюда по другой причине. Финн любит свой родной город. Он не хочет покидать его. Оливер открывает магазин в Сан-Диего. Я завидую, тому, как они счастливы, быть именно там, где они хотят.

Слишком много вопросов крутится на моем языке, которые пытаются вырваться на свободу. Наконец, я спрашиваю тот, который задала прошлой ночью.

- Зачем ты тогда вернулся?

Он смотрит мне в глаза, оценивая. И, в конце концов, отвечает.

- Думаю, я чувствовал себя обязанным.

Думаю, он имеет в виду обязанности к работе, и будет сумасшедшим, если откажется от нее. Могу сказать, даже если он ненавидит ее, то она поможет ему когда-то в жизни.

- Где бы ты предпочел находиться?

Его язык выскальзывает изо рта и увлажняет губы.

- Я хотел бы иметь *возможность*, отправится за своей женой, когда она уедет.

Мое сердце спотыкается. И я решаю пропустить *лень* и *гнев*, гораздо сильнее заинтересованная в этой теме.

- Ты женат?

Он кивает, но его лицо не игривое. Даже не на чуть-чуть.

- Да, я женат.

- И где же сейчас твоя жена, когда я сижу у тебя на коленях в этом крошечном клочке белья?

- Она не здесь, - шепчет он заговорчески.

- Это у тебя вошло в привычку? - спрашиваю его, натягивая дразнящую улыбку. Хочу разрядить угнетающую обстановку. - Пускаться по женщинам, пока твоя жена отсутствует? Хорошо, что ты избавился от нее, так как неверность, следующая в моем списке.

Его выражение лица становится грустным, и *ох дерьмо*. Я ударила по больному. Закрываю глаза, вспоминая о том, что он рассказывал мне о своем отце, который никогда не был верен его матери, и что парад женщин расхаживающих по дому стал последней каплей для его мамы, и она улетела в Штаты, когда он был подростком.

Начинаю извиняться, но он опережает меня.

- Я *был* неверным.

Огромная черная дыра, открывается внутри меня, поглощая все во мне с болью: легкие, сердце, и затем, когда я уверена, что задыхаюсь, мой желудок.

- Только не с моей женой. - Добавляет он медленно, после длинной паузы, видимо не обращая внимания на мою панику. Закрываю глаза с облегчением. Однако, мое сердце все еще с трещинами из-за осознания того, что он больше похож на своего отца, чем на мать, когда дело доходит до обмана.

- Я стараюсь быть лучше в этот раз.

Проходят долгие секунды, когда я начинаю говорить, но когда я делаю то, мои слова немного пронзительны и с придыханием.

- Ну, это, конечно же, склоняет переговоры в мою пользу.

- Уверен в этом. - Шепчет он.

Мой голос немного дрожит.

- И, конечно же, мне нужны детали.

Наконец, крошечная, неуверенная улыбка начинает зарождаться в уголках его губ.

- Как без этого, - он откидывает голову на спинку дивана, глядя на меня с опаской. - Я встретил женщину здесь. - Говорит он, добавляя. - Или скорее, неподалеку отсюда. В Orleans. - Он замирает, закрывая глаза. Я вижу его пульс под кожей на горле. Даже при том, что его объяснение как прямым, так переносным. Он кажется взволнованным. *Это потому что я в белье, и он обнажен? Или он беспокоится о моей реакции?* Прикладываю руку к его груди.

- Скажи мне. - Прошу я, беспокойство струится по моим жилам. - Я хочу знать все. - *И хочу. И не хочу.*

Под моей ладонью он расслабляется.

- Я как раз учился в юридической школе, мы были вместе даже на расстоянии. Она изучала здесь моду. - Он смотрит на меня, прежде чем говорит. - Я могу быть импульсивным с моими эмоциями, я знаю. После первых двух месяцев... я знал, что мы стали больше друзьями, чем влюбленными. Но я был убежден, что страсть снова появится, когда я переехал сюда обратно. Предполагаю, что расстояние заставило меня потерять интерес. - Каждое предложение он тщательно подбирает. - Я был одинок... и дважды, я разделил свою постель с другими. *Minuit* до сих пор не знает про это.

Minuit... Ищу среди своего скудного запаса словаря, вспомнив, что это значит "полночь". Представляю себе черноволосую красавицу, ее руки скользкие по его груди, точно так же как и мои сейчас, ее задница оседлавшая его бедра точно также как и моя сейчас.

Интересно, есть ли у меня та временная роскошь его страсти, прежде чем она охладится. Хочу проткнуть свою ревность чем-нибудь острым.

- Я чувствовал, что обязан. - Повторяет он и наконец, снова смотрит на меня. - Она ждала меня, поэтому я и вернулся. Устроился на работу, которую ненавижу, но я был не прав. Мы не были счастливы, даже когда я вернулся обратно.

- Как долго ты был с ней?

Он вздыхает.

- Слишком долго.

Он вернулся сюда около года назад, окончил юридическую школу, прежде чем вернулся. *Слишком долго* не говорит мне многого.

Но время вернуться к чему-то получше, чем это. Тема - тяжелая, слишком тяжелая, на мой взгляд, она омрачает и делает тоскливой нашу игру. Это - не мы.

Мы поженились на время лета. Летние свадьбы не должны отягощаться всякими проблемами. К тому же, на мне костюм чертовки, а он обнажен, с ума можно просто сойти. Как далеко мы можем зайти в данный момент?

Притворяюсь, что делаю пометку в клипборде и снова поднимаю на него глаза.

- Думаю, я узнала всю информацию, которая была мне нужна.

Он расслабляется частями тела: сначала его ноги подо мной, затем живот, плечи и наконец, выражение его лица.

Я чувствую, как узел во мне развязывается, когда он усмехается.

- Так это все?

Щелкаю пальцами и киваю.

- Я не могу повесить тебя на работе, но мне кажется, что ты и не хочешь этого.

- Нет, если это означает, что я должен задержаться там дольше. - Соглашается он хихикая.

- Завтра *Capitaux* проиграет дело, и все узнают это, потому что ты обнаружишь документ, который раскрывает все нарушения *Regal Biologiques*.

Он показушно вздыхает, и будто смахивает со лба пот.

- Ты спасла меня.

- Теперь моя очередь, - напоминаю я ему. - Время платить. - Склоняюсь к его шее и посасываю ее. - Ммм, выбирай, мои руки или...

- Твои губы. - Прерывает он меня.

С дьявольской усмешкой, я отстраняюсь, качая головой.

- Такого варианта нет.

Он фыркает, нетерпеливо вздыхая. Каждый мускул напрягается под моими ладошками, подгоняя меня к действиям, и я провожу по его груди ногтями, сильнее раздражая его.

- Тогда скажи мне все варианты. - Рычит он.

- Моя рука или же *твоя*. - Отвечаю я ему, и прижимаю пальчик к его губам, удерживая его от

поспешного ответа снова. - Если ты выберешь мою руку, это все чего ты получишь, при этом останешься связанным. Если же выберешь свою руку, конечно же, я развяжу тебя... но еще, ты сможешь понаблюдать, как я использую свою руку на себе.

Его глаза расширяются, как будто он не уверен, кем я стала внезапно. И быть честным, я тоже, совсем не уверена. Никогда не делала этого с кем-то сидящим рядом до этого, но слова просто слетают с моих губ.

Он тянется ко мне, целуя сладко один раз, прежде чем отвечает.

- Я использую свою руку, а ты свою.

Не знаю, с облегчением или же нервно, я завожу ему за спину руки и освобождаю его от оков галстука. Быстрее, чем я ожидала, он хватает меня за бедра и резко тянет их на себя, создавая трение между влажной тканью моего белья и его членом и толкаясь в меня с низким стоном. Без раздумий, я начинаю двигаться с ним, покачиваясь сверху и ощущая восхитительное давление его твердости на моем клиторе. Я не осознавала, как возбудилась от его близости, просто слушая его, играя с ним, но я определенно сильно промокла.

Так хочу его. Хочу его толщину во мне, хочу, чтобы он наполнил меня, это единственное, что я могу представить сейчас, когда ощущаю себя так. Хочу слышать его голос, поощрения, поторапливания, его ломаную английско-французскую речь в мое ухо, и - под конец - хриплые, неразборчивые звуки его удовольствия. Но его выбор я определенно знаю.

Но сегодня я руковожу всем к лучшему или же к худшему, и не было указаний Сатаны позволять мужчине менять планы, неважно как горяча его кожа, не важно, как грязно он звучит, когда говорит:

- Я чувствую твою нужду, просочившуюся через шелк.

Встаю с его коленей, стягивая вниз по ногам красный кусочек ткани, и стряхивая ногой это на его колени. Он подносит трусики к его лицу, глядя на меня с полу-прикрытыми глазами, пока я усаживаюсь на столик. Вижу, как он делает первое движение своим кулаком по члену, проводя по нему медленно.

Это так развратно - делать это, но я удивлена, что это не ощущается *странно*. Никогда не видела ничего сексуальнее, чем Ансель трогаящий себя. Воображаю, будто я одна и думаю о нем. И именно так, мои пальцы скользят по моей коже, а он начинает работать рукой жестче, быстрее, его дыхание вырывается крошечными вздохами.

- Покажи мне, - выдыхает он. - Как ты трахаешь себя, пока я на работе думаю о тебе?

Ложусь назад, поворачиваю голову так, чтобы он был в поле моего зрения, и начинаю использовать обе руки. Он хочет видеть, как я отпущу это. Это - то, что, в конце концов, следует за костюмами и притворством. Отпускать все и делать все, что хочешь. Скольжу двумя пальчиками внутрь, а другой рукой поглаживаю снаружи... мой пульс зашкаливает, когда он стонет, ускоряясь и хрипло говоря мне, что хочет видеть, как я кончу.

Грубые рывки его пальцев, и даже хуже его члена, его взгляд на мне, кулак,двигающийся туда-сюда по всей длине - это все заставляет мою кровь прилить к моим бедрам, и боль между моих ног нарастает, все сильнее и сильнее, пока я не выгибаюсь на столике и не кончаю с диким криком. С облегченным стоном, он следует за мной. Опираюсь на локоть, рассматривая его руки и живот блестящи от спермы.

Словно в тумане, Ансель встает на ноги и стягивает меня на пол, плюхаясь на меня сверху, с все еще достаточно твердой эрекцией, для того, чтобы он мог войти в меня. Он ползет по мне вверх, закрывая собой весь свет, которые рассеиваю свечи, и стягивает лямку negligee с плеча, обнажая одну грудь.

- Ты недавно вернулась? - шепчет он в мою кожу.

Киваю. Мой пульс медленно стабилизируется, но ощущение его, растягивающего меня изнутри, до сих пор будоражит все мои чувства. Ощущаю влажность его оргазма своим животом о его, и бедром, которое он обхватил рукой. И то, что он снова твердеет во мне так быстро, дает мне головокружительное чувство власти.

- Если бы я был Сатаной этим вечером... - начинает он и замолкает на полуслове, а его прерывистое дыхание достигает моего уха.

Воздух между нами, кажется, вообще исчез.

- Что, Ансель?

Его губы отыскивают мое ухо, шею, посасывая мягко кожу, до того как он спрашивает:

- Изменяла ли ты когда-нибудь?

- Нет, - касаюсь, его спины и продолжаю. - Но я подстрелила человека в Рено, чтобы посмотреть, как он умирает [33]. - Он смеется, и мое тело сжимает его, пока он удлиняется, и еще сильнее твердеет. Отстраняюсь, чтобы взглянуть на него. - Идея жениться на убийце, заводит тебя? С тобой что-то не то.

- Я люблю то, что ты заставляешь меня смеяться. - Исправляет он меня. - *Это* заводит меня. А также, твое тело, и то, что ты устроила этим вечером.

Он обхватывает мою другую грудь, прикрытую negligee, большим пальцем поглаживая вершинку туда-сюда. У него хватает силы, чтобы сломать меня пополам, но способ, которым он ласкает мою кожу, говорит мне, что я слишком дорога ему, чтобы сделать мне больно.

Я думала, я - единственная, кто заметил новые, завораживающие изгибы моих бедер и тяжесть моей груди, но как оказалось, это не так. Ансель задерживается на моей груди, поигрывая и сжимая ее. Французская кухня хорошо сказалась на моем теле... хотя, возможно я слишком сильно увлеклась ею. Но это не имеет значения. Я люблю свои формы. Теперь я просто должна найти секрет француженок, наслаждаться едой и оставаться такой же стройной, как соломинка.

- Твое тело стало еще хорошее. - Мычит он в мою грудь, скользя языком по ключице. - Знаешь, твой муж хочет, чтобы ты была пышнее. Мне нравится, когда твои бедра округлее. Мне нравится сжимать твою задницу, и чувствовать твою грудь, раскачивающуюся перед моим лицом, когда ты трахаешь меня.

Как он делает это? Его волосы спадают на один его глаз, и он выглядит как мальчишка, но его слова грубы. Его дыхание, кончики пальцев, они касаются моих ребер, касаются низа груди, соска.

Он начинает медленно раскачиваться во мне, передвигая губы от моей шеи до уха. Мое тело реагирует, напрягаясь и возбуждаясь, в ожидании наслаждения, которое заставит меня

взорваться. Словно я сделана из тысячи крошечных порхающих крыльев.

- Сегодняшний вечер, *Cerise*... спасибо за желание спасти *меня*. - Он выделяет последнее слово.

Проходит пару секунд, прежде чем мой мозг обрабатывает это ударение, но адреналин пульсирует во мне так сильно, отдаваясь в кончики пальцев, и зашкаливая мой пульс.

Поехали со мной во Францию на лето.

Он знал, в его жизни нет места для этого, но это не имеет значения. Он, в первую очередь, пытался спасти меня.

Глава 16

В тумане сновидений, я чувствую, как Ансель ползет по кровати и нависает надо мной, накрытой сверху одеялом, нагретым солнцем. Он будит меня, уставившись.

Потягиваюсь и хмурюсь, глядя на его идеально отглаженную белую рубашку с маленьким геометрическим фиолетовым рисунком.

- Ты на работу? - спрашиваю все еще хриплым ото сна голосом. - Подожди, - добавляю я, как только мое сознание пробуждается. - Сегодня вторник. Конечно же, тебе нужно работать.

Он целует мой нос, пробегая ладонью по моему плечу, по груди, прямо до талии.

- Осталось несколько недель до того, как я покину это безумие, - говорит он.

- Как и я. - Смеюсь я. И затем моя улыбка исчезает, как солнце за грозowymi тучами, и я надуваю губы. - Пфф. Зачем я вообще сказала это? Теперь, я хочу проглотить все свои чувства в виде огромного шоколадного круасана.

- Круасан, - повторяет он, целует меня, шепча. - Все лучше и лучше, *Cerise*. Но мы называет это *rain au chocolat*.

Он касается моих губ указательным пальцем. Улыбаюсь и покусываю его кончик пальца. Не хочу расстраивать своим предстоящим отлетом. Мы намного счастливее, когда притворяемся, будто этого не существует. Он отстраняет руку и проводит ею снова по моей груди.

- Уверенна, *Capitoux* в конце концов утихомирится.

- Не хочу, чтобы ты уезжала.

- Я тоже. - Он целует меня. Так нежно, так искренне, что нечто болезненно растет в моей груди. И это не может быть просто мое сердце, так как это нечто выкачивает весь воздух из меня. Также это не могут быть только легкие, потому что мой пульс несется галопом. Это словно Ансель поселился в моей груди, заставляя идти все наперекосяк.

- Есть какие-нибудь захватывающие планы на сегодня? - спрашивает он.

Качаю головой.

- Тогда сегодня ты попрактикуешь разговорный французский. - Решительно говорит он.

- С кем?

- С мадам Аллард, с нижнего этажа. Ты ей нравишься, и она думает, мы собираемся занять ребенка.

Мои глаза расширяются, и мои ладони тянутся к животу.

- Я *не* так уж и прибавила в весе. - Смотрю вниз на свои руки. - Не так ли?

Он смеется и наклоняется для поцелуя.

- Ты не очень то и изменилась с тех пор как приехала сюда. Скажи мне *en francais* "Я не беременна". Ты можешь спуститься и сообщить это лично мадам Аллард.

Закрываю глаза, размышляя.

- *Je ne...suis pas...ух*, - смотрю на него, - беременна.

- *Enceinte*, - говорит он. Его глаза сканируют мое тело, а я следую за его взглядом, гадая, есть ли шанс, что он снимет с себя одежду и займется со мной любовью, перед работой.

Он отползает, но мне видна натянутая ткань его брюк на ширинке там, где он затвердел.

Поглаживаю его, выгибая спину.

- Десять минут.

Хочу, чтобы это прозвучало игриво, но его в глазах вспыхивает толика боли.

- Не могу.

- Знаю.

- Мне так жаль, Миа. - Его взгляд пытается зацепиться за мой. - Я знал, что буду занят. О чем я только думал? Но ты здесь, и я *с ума схожу* по тебе. Как я могу сожалеть об этом?

- Остановись. - Шепчу я, оборачивая свои руки вокруг него. - Это было моим лучшим решением за долгое время. - Его глаза захлопываются, когда я говорю ему это, он размыкает мои руки и опускается сверху, на мое обнаженное тело.

- Это так странно, да ведь? - он спрашивает тихо, пряча свое лицо в моей шее. - Но это никогда не было подделкой. Это никогда не было притворством.

В диком водовороте красок, застилая мое зрение, вспыхивают воспоминания последних нескольких недель, каждое из которых создает такой всплеск ностальгии, такой взрыв *эмоций*. Дезориентированные две недели с ним, которые прошли как в тумане. Неловкое первое занятие любовью после нашего прибытия. Тепло снова заструившееся между нами в ту ночь, когда я оделась в костюм горничной. Но я не смогу аннулировать брак с Анселем, скорее я поплыву обратно домой, чем сделаю это.

- Что мы собираемся делать? - задаю я вопрос, и на последнем слове мой голос падает до нуля.

Мой солнечный Ансель возвращается, пока отодвигается с улыбкой, как будто знает - только один из нас в этот раз будет руководить темной стороной нашего импульсивного - и

волшебного - приключения.

- Заниматься сексом. Много. После моей работы. - Теперь он собирается выдвигаться на работу.
- Позволь мне снова увидеть твою непослушную сторону.

Стеганое одеяло колеблется на мне от воздуха, и когда оно оседает, его уже нет, и все, что я слышу, тяжелый щелчок входной двери.

У мадам Аллард требуется время, чтобы узнать у меня, будет ли у нас ребенок, при этом, она периодически повторяет о новом щенке в здании и свежем винограде в магазине на углу, и затем, у меня еще больше времени уходит на то, чтобы убедить ее, что мы не собираемся заводить ребенка. Ее радость, моему простому предложению:

- *Madame, je ne suis pas enceinte*, - вселяет в меня достаточно уверенности для попытки заказать ланч на французском.

Но менее понимающий ворчливый официант, с дикими бровями на углу бара, заставляет меня передумать, и вместо этого я заказываю свой любимый - *soupe a l'oignon* - на моем стандартном извиняюще-тусклом Английском.

вернуться

33

Слова из песни Johnny Cash "Folsom Prison Blues"

Интересно, сколько знакомых Ансея предположили, что я приехала сюда с ним потому, что забеременела. Даже если его не было только три недели, кто знает, что думают люди? И тогда мой интерес перетекает в другое русло: сказал ли он своей матери? Отцу?

Почему идея быть беременной в данный момент заставляет меня смеяться, и после ощущается какое-то покалывание внутри меня? *Enceinte* - такое великолепное слово. А мысль о том, чтобы быть *наполненной* - наполненной им, и будущим, и тем, что будет между нами - еще великолепнее. Даже если во мне не растет его ребенок, то чувства, которые я испытываю - подлинные.

Так же и пылающая надежда. Внезапно, мой желудок сжимается.

В порыве чувств, я хватаю свой телефон, печатая ему:

Твои родители знают, что ты женат?

Как раньше это не приходило мне в голову?

Ответ не приходит, пока я обедаю, и час спустя тоже, и когда я уже в миле от нашей квартиры, мой телефон вибрирует в сумке.

Мама знает, отец нет. И потом:

Это беспокоит тебя?

Зная, что он работает и у меня есть пара секунд его внимания, я быстро пишу ему:

Нет. Мои родители не в курсе об этом. Просто подумала, как мало мы об этом говорили.

Поговорим об этом позже, не сегодня.

Недолго пялюсь на свой телефон. Очень загадочно. **Почему бы не сегодня?**

Потому что сегодня ты будешь непослушной, а не милой.

Печатаю ответ - **черт, дай возвращайся домой скорее, как только сможешь** - в это время, мой телефон начинает снова вибрировать от другого сообщения... присланное Харлоу.

Я в Канаде.

Мои глаза чуть не выпадают из глазниц, пока я пытаюсь подобрать другое объяснение тому, что мой мозг внезапно понял. У Харлоу нет родственников в Канаде, и бизнеса тоже. Печатаю свой вопрос так быстро, что приходится исправлять семь ошибок в пяти словах.

Ты там с Финном зажигаешь???

Она не отвечает сразу, и без раздумий, я пишу Анселю для подтверждения этого.

Не Лоле.

На самом деле, это кажется вполне нормальным, писать Анселю сначала... *святое дерьмо*, у нас есть общие знакомые, теперь мы вроде как компания друзей. Мои пальцы трясутся, пока я печатаю:

Харлоу полетела в Канаду повидать Финна в эти выходные?!

Ансель отвечает пару минут спустя. **Они, должно быть, переписывались с нами в одно и то же время. Вероятно, она поехала туда, надев на себя свой плащ и ничего больше.**

Киваю, отвечая: **Похоже на Харлоу. Как она пройдет через охрану, не снимая его?**

Без понятия. Присылает он ответ. **Но им лучше не воровать нашу идею костюмированной игры.**

Моя кровь восхитительно вскипает от предвкушения.

Когда ты будешь дома?

Буду на работе с драконом примерно до 21:00.

В девять? Сразу же я сдуваюсь, набирая **ОК** перед тем, как бросаю телефон в сумочку. Но потом, мне приходит в голову мысль: Он хочет видеть меня непослушной? Будет ему непослушная.

Позднее, Ансель пишет мне, примерно во время ужина, когда он на работе, а я дома. Установленный порядок длится, примерно, уже четыре дня, когда наши графики совпадают, так или иначе, я ожидаю его приблизительно к семи, когда он делает свой вечерний перерыв.

Лежу в спальне, когда мой телефон жужжит со мной на одеяле.

Не забудь то, чего я хочу сегодняшним вечером. Поужинай. Тебе некогда будет думать о еде.

С трясущимися руками, я тыкаю на его имя, на экране телефона, и жду, пока идет первый гудок... второй...

- *Allo?* - он поднимает трубку, и затем исправляется на английский. - Миа? Все в порядке?

- Профессор Гийом? - Спрашиваю я высоким тоном, неуверенным голосом. - Ничего, что я позвонила? Знаю, ваши офисные часы закончены...

Воцаряется молчание на линии и после долгих секунд, он спокойно прочищает горло.

- На самом деле, Миа, - говоря уже изменившимся голосом - не своим, а кого-то сурового и раздраженного от того, что его прервали. - Но я работал над кое-чем. А зачем ты звонишь?

Моя рука скользит по телу, пупку и еще ниже, между раздвинутых ног.

- У меня пара вопросов о том, чему вы научили меня, но я могу перезвонить, в более подходящий момент.

Мне нужно слышать его голос, потеряться в нем, чтобы набраться храбрости сделать это, пока он не ожидает.

Пока он, возможно, сидит за столом с кем-то напротив.

Могу почти представить, как он наклоняется, прижимая телефон сильнее к уху и слушая внимательно каждый звук на другом конце телефона.

- Нет, все нормально. Говори.

Моя рука скользит туда-сюда, пальцы ласкают кожу. Претворяюсь, что это его рука, а он нависает надо мной, наблюдая за каждым выражением лица, появляющимся на моем.

- Ранее, сегодня в классе. - Начинаю я, мое дыхание сбивается, и я слышу его резкий вздох. Копаюсь в своей памяти в поисках любых элементарных юридических терминов из моего класса по политологии, который я изучала два года назад.

- Когда вы рассказывали о судебной политике?

- Да? - шепчет он, и теперь, я понимаю, возможно, он сидит один в своем кабинете. Его голос приобретает хрипотцу, в нем звучит побуждение, он такой низкий, будто Ансель тут, рядом со мной, и я только могу представить, как солнечный свет будет переливаться в его глазах, и как он притворится строгим и расчетливым.

- Кажется, что ничьи лекции еще не захватывали меня так до Ваших. - Прижимаю плечом телефон к уху, другой рукой скольжу вверх, над грудью. Моя грудь... Ансель любит ее так, как никто и никогда не любил. Мне всегда нравилась моя способность с легкостью обходить их стороной. Но от прикосновений Ансея, я осознала, насколько они чувствительны, как отзывчивы. - Никогда не наслаждалась ничьими лекциями так, как Вашими.

- Нет?

- И у меня все не выходит из головы... - Произношу я и замолкаю для эффекта, но также, потому что я слышу его дыхание, и хочу окунуться в это медленно, с томной интонацией. Чувствую, как нечто во мне вспыхивает от *желания*. - Я тут подумала, как это было бы встретиться с Вами за пределами школы.

Напряжение растет, а сердце грохочет, прежде чем он отвечает.

- Вы знаете, я не могу этого сделать, мисс Холланд.

- Не можете из-за правил? Или из-за нежелания? - Мои пальчики начинают ускоряться, скользя легко по коже, которая стала скользкой от звука его голоса, звука его дыхания в трубке. В голове всплывает картинка: он сидит за столом, сжав себя рукой поверх молнии. Даже мысль об том заставляет мое дыхание сбиваться с ритма.

- Из-за правил. - Его голос понижается почти до шепота. - К тому же, я не могу хотеть. Вы мой студент.

Не желая этого, тихий стон слетает с моих губ, потому что он *хочет* этого. Он хочет *меня*, даже погрязнув в работе и в милях от меня.

Каково, по настоящему быть его студенткой, или одной из девушек в метро, и наблюдать за ним, *желать* его? Что если бы он был действительно моим преподавателем, и каждый день мне бы приходилось сидеть и слушать его тихий, низкий голос, не имея шанса подойти, поймать его взгляд, пробежаться руками по груди и его густым волосам?

- Миа, вы же не занимаетесь ничем... неуместным в данный момент, не так ли? - спрашивает он, возвращая строгость в свой голос. Это первый раз, когда я не вижу его лицо, пока мы играем, но я уже достаточно хорошо его знаю, чтобы понять, что он претворяется. В его голосе никогда не присутствует строгость со мной, даже, когда он расстроен. Всегда ровный, всегда спокойный.

Моя спина прогибается над матрасом, ощущения скручиваются и накаляются между моих бедер, глубоко в животе.

- Хотите услышать меня? - спрашиваю. - Хотите представить меня занимающейся этим в вашей постели?

- Вы в *моей кровати*? - Шипит он, звуча разгневанно. - Миа! *Вы прикасаетесь к себе*?

Острые ощущения от игры проходят через меня, заставляя мою голову кружиться, и почти достигнуть высоты. Я помню то, как он смотрел на меня этим утром, разрываясь между желанием взять меня, прежде чем уехать на работу. Помню, как его рот прикоснулся к моей шее, когда вчера вечером он забрался на кровать, притянув меня к своей груди, воркуя со мной каждую ночь. И затем, когда едва шепчу:

- Ооо, ох, *Боже*. - До меня доносится его урчащий стон, и я окончательно распадаюсь на частички от своей руки, но представляя его на месте своей, зная, насколько будет лучше, когда позднее это будет делать именно он.

И он может это вообразить себе, так как уже наблюдал за этим.

Мои ноги сводит от освобождения, и громкий стон вырывается из моего рта прямо в трубку, горячая волна удовольствия прокатывается по моей коже. Выдыхаю его имя, еще какие-то вещи, в которых я не уверена, есть ли смысл, но знать, что он все слушает, и это все, что он может делать - не способный лицезреть, касаться, чувствовать - продлевает мое наслаждение, пока я не выдыхаюсь, а моя рука не сползает с бедра на матрас.

Улыбаюсь, сонная и довольная... сейчас.

- Миа.

Моргаю, сглатывая, и шепчу:

- О, Боже. Не могу поверить, что я сделала это. Мне так жал...

- *Никуда* не уходи. - Рычит он. - Буду так скоро, как смогу, чтобы позаботится об этой... этой *неблагоразумности*.

Я задремала, ожидая его, и проснулась только тогда, когда дверь открылась, ударяясь ручкой о стену спальни. Пораженная, сажусь, поправляю задранную юбку, и протираю глаза, в то время как Ансель врывается в комнату.

- Какого хуя ты творишь?

Отползаю быстро к изголовью кровати, дезориентированная, и с колотящимся сердцем, пока мой мозг медленно разгоняет адреналин по моим венам.

- Я... Вы сказали мне *никуда* не уходить.

Он направляется ко мне, останавливаясь у края кровати и расслабляя узел галстука нетерпеливыми рывками.

- Ты вломилась в мой *дом*...

- Дверь была открыта...

- ...и забралась на мою *кровать*.

- Я... - Смотрю на него широко раскрытыми глазами. Он выглядит действительно расстроенным, но затем тянется вперед, напоминая мне, что все это игра, нежным касанием к моей нижней губе.

- Миа, ты нарушила около сотни университетских правил и несколько законов сегодня. Я могу сделать так, что тебя арестуют.

Встаю на колени, скользя руками по его груди.

- Я не знала, как еще привлечь ваше внимание.

Он прикрывает глаза, двигаясь пальцами по моей челюсти, ниже по шее к моим оголенным плечам. На мне нет ничего кроме коротенькой юбки и трусиков. Его ладони прикасаются к моей груди, но он резко отстраняет их, сжимая их в кулаки.

- Ты не думала о том, что я заметил тебя на лекциях? - Рычит он. - На первом ряду, твои глаза на мне весь час, губы такие пухлые и красные, что мои мысли только о том, как они будут ощущаться на моем языке, шее, члене?

Облизываю губы, кусая нижнюю.

- Могу продемонстрировать Вам.

Он сомневается, сужая глаза.

- Меня уволят.

- Обещаю, никто не узнает.

Его сомнение такое подлинное: глаза закрыты, челюсть сжата. Когда он открывает глаза, он наклоняется и говорит.

- Если ты думала об этом, как об извинение за взлом дома...

- Я так не думала... - Но он видит ложь на моем лице. Я получаю все, чего желаю, и моя скрытная улыбка заставляет его рычать и вновь сжимать мою грудь грубыми руками.

Моя кожа приветствует его прикосновения, а внутри, мои мышцы и органы сжимаются, будто их выжимают, тепло перетекает из моей груди в живот, и ниже, прямо между моих ног. Так хочу его, что чувствую тревогу и необходимость, эта элементарная нужда сдавливает горло. Запускаю свои пальцы в его волосы, притягивая его к себе и едва позволяя ему, отодвигаться от моей кожи меньше чем на вздох.

Но это все уловка. Он разжимает мою хватку легко, и, отстранившись, смотрит на меня с убедительным огнем в глазах.

- На моем столе было еще гора работы, когда ты позвонила и устроила свое небольшое представление до этого.

- Извините, - шепчу. Близость с ним делает меня податливой словно жидкость, а внутри меня все скользко и в расплавленном состоянии.

Его глаза сжимаются, а ноздри раздуваются.

- Как ты думаешь, что твое шоу сделало с моей концентрацией, зная, что ты здесь, думаешь обо мне, касаешься кожи, которая должна быть касаемая только мной? - Наши взгляды сцеплены между собой, свою грубую руку он проталкивает в мое белье, двумя пальцами погружаясь в меня и обнаруживая мою смазку.

- Кто заставил тебя стать влажной?

Не отвечаю. Просто закрываю глаза, толкая бедра к его руке, до того как сжимаю его запястье и насаживаюсь на пальцы, если он не собирается делать этого. Меня будто окутало пламя, повсюду и в особенности здесь, утопая в рвущейся нужде кончить, кончить от его руки.

Рывком он выводит из меня пальцы и проталкивает их мне в рот, надавливая ими на язык. Его рука удерживает меня за подбородок, пальцы давят на щеки, таким образом, удерживая мой рот открытым.

- Кто. Сделал тебя. Влажной?

- Вы. - Управляю его навязчивыми пальцами, и он убирает их, щипая мою нижнюю губу указательным и большим пальцем. - Я думала о вас весь день. Не только во время звонка. - Непрерывно смотрю в его глаза, полные гнева и похоти, что от всех этих его эмоции перехватывает дыхание. Они смягчаются, когда продолжаю смотреть в них, и я ощущаю, как мы оба на миг сбрасываем свои роли. Хочу раствориться в нем, ощутить его вес на себе. - Мои мысли с Вами на протяжении всего дня.

Он видит подлинные чувства в моем выражении лица, его глаза опускаются на мои губы, а руки мягко опускаются по моим бокам.

- Правда?

- И мне плевать на правила, - признаюсь я. - Или, что у Вас много работы. Хочу, чтобы Вы проигнорировали все это.

Его челюсть напрягается.

Шепчу:

- Я хочу вас. Семестр скоро закончится.

- Миа... - Вижу, как он разрывается по глазам, он правда это чувствует? Это желание, настолько огромно, что оно затмевает все остальное? *Наше* время почти подходит к концу. Как я смогу быть вдаль от него всего через пару недель?

Что мы будем делать?

Мое сердце несется, стуча так сильно, что это уже не безопасный ритм. Это звук разбивающихся тарелок, низкий и тяжелый ритм бас-барабана. Оно грохочет под моими ребрами. Я знаю, что это за чувство. И он должен знать.

Но не слишком ли рано? Я пробыла здесь едва целый месяц.

- Ансель... я...

Его губы обрушиваются на мои. Его язык приоткрывает мой рот, пробуя на вкус, проводя по зубам. Я отвечаю, желая почувствовать его, вкус мужчины, океана и тепла.

- Не говори этого, - произносит он это в мой рот, зная, что я собираюсь выдать что-то искреннее и наполненное чувствами. Отстранившись, он фанатично пытается поймать мой взгляд, умоляя. - Не смогу играть грубо, если ты скажешь это сегодня. *D'accord?*

Быстро киваю, и его зрачки расширяются, капля чернил на изумруде. Я могу видеть его зашкаливающий пульс.

Он - мой. Мой.

Но надолго ли? Возникший вопрос заставляет меня отчаянно потянуться к нему, нуждаясь, чтобы он был глубоко во мне, в каждой части меня. Знаю, он не может высосать весь воздух из моих легких, но вместо этого он наполняет их крошечными, непрерывными вздохами.

Он становится еще ближе, и хотя его хватка в моих волосах не ослабевает, я все равно жадно тянусь к его рубашке, вытягивая ее из брюк. Дрожащими пальцами, расстегиваю каждую пуговку, и как только его гладкая, теплая кожа обнажена, из моего рта вырывается стон, а руки лихорадочно начинают исследовать ее. Представляю я себя, как это хотеть его до умопомрачения, и не получать этого? И только сегодня - этой единственной, опасной ночью - он позволяет мне касаться его, вкушать, заниматься сексом с ним?

Я была бы *безрассудной*. Ненасытной.

Он рычит, когда я слишком надолго задерживаюсь на его груди, царапая его маленькие плоские соски, поглаживаю, дразню его полоску волос, которая тянется от пупка под брюки. Нетерпеливо, он дергает мои волосы, толкая бедра вперед, и урчит в одобрение, когда я быстро расстегиваю ремень, молнию, и спускаю штаны вниз, освобождая его член.

Ох.

Вот, он, передо мной, в моих руках, словно из стали, толстый и теплый. Работаю обеими руками, сжимая и скользя по его длине, желая, чтобы он отпустил мои волосы, а я бы наклонилась и вобрала его в рот с таким же голодом, который я испытываю сама.

Низкий стон вырывается из его горла, в то время как я орудую кулаком, вниз вверх, овладевая его ртом в грубом и повелевающем поцелуе. Его рот посасывает мой, разделяя мои губы своими, пока его хватка в моих волосах нарастает. Его язык скользит внутрь меня, глубоко, трахая мой рот в устойчивом ритме.

Я не буду нежным, этим он говорит мне. *Даже и пытаться не буду*.

Острые ощущения пробегают через меня, и я выкручиваюсь из его хватки, намереваясь облизывать его, пока он не кончит, но он рычит проклятия, и опрокидывает меня на кровать, сгибаясь, стягивает с себя галстук, таким образом, оборачивает его вокруг моих запястий и привязывает к спинке кровати.

- Твое тело - для моего удовольствия. - Говорит он мне, а в глазах темнота. - Ты в моем доме, маленькая штучка. И я возьму все, что пожелаю.

Он откидывает штаны и ползет ко мне, сдергивает трусики и задирает юбку. Своими руками на моих бедрах, он разводит мои ноги, двигается вперед и грубо входит в меня.

Облегчение настолько огромно, что я вскрикиваю. Никогда не чувствовала настолько наполненной им. Умираю от нужды и удовлетворения, мечтая, оставить навсегда все так, как есть, он во мне. Но его глубокое проникновение не длится долго. Он выходит из меня, а затем резко входит, сжимая спинку кровати для поддержки, и беря меня так грубо, что при каждом толчке мои зубы стучат, а воздух покидает легкие.

Дико и отчаянно. Его тело надо мной. Мои ноги так сильно сжимают его талию, и мне интересно, не больно ли ему. А я хочу, чтобы ему было больно, в той больной темной вселенной, хочу вытянуть каждое ощущение на поверхность, хочу заставить его ощутить все

разом: похоть и боль, потребность и облегчение, и да, даже любовь, которую я ощущаю.

- Я хотел закончить сегодня все дела, - шипит он, сжимая руками мои бедра. Он вбивается в меня жестко и быстро, трахая меня так грубо, что пот капает с его виска и приземляется на мою грудь. Его гнев - устрашающий, захватывающий, идеальный. - Вместо этого, мне пришлось отправиться домой и разобраться с непослушной студенткой. - Его бедра бьются и бьются о мои, он стонет, глаза заволокло негой. Его огромные, грубые руки тянутся к моей груди, и он проводит большим пальцем по моему соску.

- Умоляю, заставь меня кончить. - Шепчу я искренне.

Хочу перестать играть.

Хочу играть вечность.

Хочу его одобрение. Хочу его гнев. Хочу, чтобы он резко сжал своей рукой мою грудь, и за секунду до этой мысли, он выполняет это. *Он понимает меня.*

- Пожалуйста. - Молю я. - Я буду примерной.

- Плохие ученицы не получают поощрения. Я буду только брать и брать, а все, что тебе остается - это наблюдать.

Он двигается так сильно, что кровать трясется, поскрипывая под нами. У нас никогда не было такого грубого секса. Соседи могут услышать, но я закрываю глаза, получая удовольствие от знания, что мой муж настолько заботлив в постели. Я отдаюсь ему полностью.

- Смотри, как я кончу. - Шепчет он, выходя из меня и сжимая свой член. Рука скользит туда-сюда по всей длине, его рот сыплет проклятиями, а глаза пожирают меня.

Его сперма выстреливает на мою щеку, затем на мою шею, и после на грудь. Никогда не смогу представить себе чувственней вещи, чем его гортанный стон, пока он кончает, то, как он рычит мое имя, или как смотрит на меня. Он сгибается, весь в поту и со сбившимся дыханием. Его взгляд ползет по моему лицу, ниже, рассматривая свою работу, то, как он украсил меня.

Затем Ансель ползет вверх по моему телу, его бедра на одном уровне с моим лицом, и он прижимает головку члена к моим губам, спокойно приказывая.

- Вылижи его начисто.

Открываю рот и облизываю кончик, затем веду языком вниз по бархатной нежной коже.

- Ансель, - шепчу я, останавливаясь я, желая снова стать нами. Желая его.

Облегчение заполняет его глаза, и он водит пальцем по моей нижней губе.

- Тебе нравится это, - он бормочет. - Удовлетворять меня.

- Да.

Он целует меня в лоб и развязывает мои руки.

- *Attends*, - шепчет он. *Подожди.*

Он возвращается с влажной тряпочкой, вытирает ей щеку, шею, грудь. Кидает ее в мусорное ведро в углу, а затем нежно целует меня.

- Было ли это приятным, *Cerise*? - спрашивает он, посасывая мою губу, мягко водя в мой рот язык. Его стон на моих губах, пальцы нежно танцуют на моей груди. - Это было идеальным. Люблю брать тебя так. - Его рот передвигается по моей щеке к уху, и он шепотом спрашивает. - Но я могу быть нежным сейчас?

Киваю, беря в ладони его лицо. Он сокрушает меня своей игрой, своими приказами, которая так легко перетекает в обожание. Закрываю глаза, погружаю руки в его волосы, пока он целует меня вниз по шее, посасывает грудь, пупок, разводит мои ноги руками.

У меня там все болит от его грубого обращения, несколькими минутами назад, но сейчас он нежен, мягко дует туда, шепотом прося:

- Позволь мне увидеть тебя. - Целуя мой клитор, он вытягивает губы, медленно кружа по нему языком. - Люблю твой вкус, ты заметила это?

Сжимаю в кулаке наволочку.

- Думаю, эта сладость только для меня. Притворяюсь, что твое желание никогда еще не было таким. - Он вводит палец внутрь меня и подносит его к моим губам. - Ни для кого это не было настолько шелковистым и сладким. Скажи мне, что это правда.

Позволяю его пальцу проскользнуть в мой рот, посасывая его, желая, растянуть эту ночь на последние дни. Схожу с ума по нему, надеюсь, он останется здесь со мной. Надеюсь, что он не отправится в офис, и не будет работать до рассвета.

- Разве это не идеально? - спрашивает он, глядя на меня и посасывая. - Никогда еще не любил аромат женщины так, как твой. - Он забирается на меня, облизывая мои губы и язык. Он снова тверд, или возможно все еще тверд, он упирается в мое бедро. - Я жажду этого. Жажду тебя. Я слишком безумен для тебя. Я слишком сильно желаю тебя.

Качаю головой, хочу сказать ему, что он может желать меня еще больше, еще безумнее, но слова застревают в горле, когда его губы снова приступают к работе, облизывая и посасывая так мастерски, что я выгибаюсь над кроватью, вскрикивая.

- Нравится?

- Да. - Бедро упираются в матрас, требуя участие его руки.

- Я буду твоим рабом, - шепчет он, скользя двумя пальцами в меня. - Не давай мне ничего, кроме этого, и своего рта, и своих тихих словечек, и я стану твоим рабом, *Cerise*.

Не знаю, как так получается, или когда, но он знает, как читать мое тело, знает, что оно говорит.

Он дразнит меня, натягивая каждое ощущение сильнее и сильнее, заставляя меня ждать оргазма, который набирает обороты подобно дням. Своим языком, губами, пальцами, и разговорами, он возносит меня на край обрыва, пока я извиваюсь под ним, потя и умоляя.

И как только я думаю, что он, наконец, позволит мне кончить, он отстраняется, вытирая предплечьем рот, и ровняется со мной лицом.

Поднимаюсь на локти, смотря на него безумно.

- Ансель...

- Шшш, я должен быть внутри тебя, когда ты кончишь. - Быстро он переворачивает меня на живот и скользит вглубь меня. Я задыхаюсь, сжимая наволочку руками. Его стон проходит вибрацией по моим костям, коже, и я чувствую ее, пока он двигается, его грудь прижата к моей спине, горячее дыхание касается моего уха.

- Я потерял в тебе.

Вздыхаю отчаянно, кивая.

- Я тоже.

Его рука пролезает подо мной и начинает потирать клитор.

Я уже близко

прямо здесь

именно тут

и взрываюсь как бомба, в ту секунду, когда он прижимает губы к моему уху и шепчет:

- Что ты чувствуешь, *Serise*? Я тоже это чувствую. Блять, Миа. Я чувствую *все* это благодаря тебе.

Глава 17

Не то, чтобы я не думаю об Анселе большую часть времени, но после прошлой ночи, я не в состоянии *перестать* думать о нем. Сидя снаружи кафе с Симоной, мне до жути хочется узнать, смогу ли уговорить его прогулять работу завтра, или же, лучше для разнообразия, нагряться к нему на работу этим вечером. Быть вечно одиноким туристом приедается, но постоянная занятость предпочтительнее альтернативе сидеть дома весь день напролет, отсчитывая минуты по огромным тикающим воображаемым часам.

- Сегодняшний день *пиздец* какой длинный, - жалуется она, бросая в сумку ключи и роясь в ней в поисках своей неизменной пачки сигарет, полагаю. Рядом с Жумоной я чувствую себя парадоксально комфортно: она такая отталкивающая, но по этой причине моя любовь к Харлоу и Лоле возрастает, и встреча с ними, единственная вещь, которую я жду с нетерпением по возвращению домой. Симона замирает, глаза загораются при обнаружении знакомого черного цилиндра во внутреннем кармашке сумки.

- Наконец-то, блять, - ругается она, и подносит пачку ко рту, но потом хмурится. - Черт. Дерьмо. Вот ебанный в рот, где мои Мальборо?

Никогда не чувствовала себя в такой заднице за всю жизнь, но мне плевать на это. Каждый раз, когда я обдумываю свой отъезд домой, мой мозг отвлекается на чудесную, солнечную жизнь передо мной. Гораздо проще представить такую жизнь, в которой деньги - бесконечны, в которой нет нужды возвращаться ради учебы. В которой просто заглушить терзающий голос, который твердит мне, что я должна приносить пользу обществу. *Еще несколько дней*, повторяю себе. Побеспокоюсь об этом через несколько дней.

Жумона выуживает мятую пачку сигарет и серебряный Zippo из сумочки. Она светится радостью, мыча и затягиваясь так, будто сигарета лучше шоколадного торта, и всех вместе взятых оргазмов. На секунду, я подумываю над тем, не начать ли мне курить.

Еще одна длинная затяжка, кончик сигареты вспыхивает оранжевым огоньком в тусклом свете.

- И когда ты улетаешь? Через три недели? Клянусь богом, хочу на твое место. Жить в Париже, занимаясь дерьмом, и хихикая все лето.

Улыбаюсь и смотрю мимо нее, откидываюсь назад, едва способная видеть ее лицо сквозь шлейф едкого дыма. Пробую снова эти слова на язык, чтобы понять, наводят ли они на меня, то же чувство паники.

- Осенью у меня начинается бизнес-школа. - Закрываю глаза и дышу. Да, наводят.

Фонари оживают вниз по улице, ореолы света освещают тротуары. За плечом Симоны, вижу знакомую фигуру: высокая и жилистая с узкими бедрами противопоставляются широким плечам. Вспоминаю последнюю ночь, мои руки, сжимающие его узкую талию, пока он двигается надо мной, его милое выражение лица, когда он спросил, может ли быть нежным.

Хватаюсь за стол для поддержки.

Взгляд Ансея поднимается, когда он приближается к углу, и увеличивает свои шаги, как только замечает меня.

- Привет, - приветствует он, наклоняясь и целуя меня в каждую щеку. Черт, я люблю Францию.

Не обращая на широко раскрытые глаза или удивленное лицо Симоны, он отстраняется, улыбается, а затем снова целует, только на этот раз в губы.

- Ты рано, - бубню я между поцелуями.

- Тяжеловато работать допоздна в эти дни, - говорит он с улыбочкой. - Интересно, почему же?

Жму плечами и ухмыляюсь.

- Могу я сводить тебя поужинать куда-нибудь? - спрашивает он, помогая мне встать, и сплетает наши пальцы.

- Приветик, - говорит Симона, сопровождая это стуком каблука о тротуар, наконец, Ансель обращает на нее взгляд.

- Я - Ансель. - Он традиционно расцеловывает ее в щеки, и я довольствуюсь ее пришибленным видом, когда он отступает от нее.

- Ансель - мой муж. - Добавляю я, вознагражденная улыбкой Ансея, которая может осветить всю улицу Фобур Сент-Оноре. - А это - Симона.

- Муж, - повторяет она, и быстро мигает, будто видит меня впервые. Ее глаза перемещаются от меня к Анселю, практически нагло разглядывая его. Она явно под впечатлением. Качая головой, она закидывает свою огромную сумку на плечо, прежде чем бурчит что-то о вечеринке, на которую она опаздывает и, убегая, бросает "молодчина" мне.

- Она была милой, - говорит Ансель, наблюдая за ее уходом.

- Нет, на самом деле, - смеюсь я. - Но что-то мне подсказывает, что она могла бы быть сейчас.

Через несколько кварталов пешком в молчании, мы сворачиваем на улицу, которая даже по меркам Парижа узкая. Как и большинство ресторанов в этом районе, его передняя часть не большая и скромная, едва вмещает в себя четыре деревянных столика укрытые под большим коричнево-оранжевым навесом с написанным на нем поперек словом *Ripaille*. Везде кремовые панели и доски с нацарапанными на них блюдами дня, удлиненные, тонкие окна бросают мерцающие тени на мощные улицы снаружи.

Ансель придерживает дверь открытой, и я следую за ним внутрь, встречаясь с высоким, худым человеком с приветливой улыбкой. Ресторан небольшой, но уютный, в нем витают ароматы мяты, чеснока, и чего-то темного и вкусного, что я не могу сразу определить что это. Несколько маленьких столов и стульев заполнили комнатку.

- *Bonsoir. Une table pour deux?* [34] - Говорит мужчина, протягивая руку к стопке из меню.

- *Oui* [35], - отвечаю я, и ловлю улыбку с ямочками Анселя полную гордости. Нас привели к столику прямо за нами. Ансель сначала сажает меня, а потом занимает место сам. - *Merci*. [36]

Видимо, мое произношение двух основных французских слов - почти идеально, потому что официант, думая, что я свободно говорю на языке, пускается тараторить меню дня. Ансель ловит мой взгляд, и я едва заметно качаю головой, более чем счастливая слушать позже его объяснения.

Ансель спрашивает у него пару вопросов, а я слушаю, молча его речь, и наблюдаю за жестикуляцией, или, черт, за тем, что он делает вещи, которые никогда не перестанут оцениваться, как самые сексуальные, которые я когда-либо видела.

Иисус, я помешана на этом.

Когда официант уходит, Ансель склоняется над столом, указывая на разные детали своими изящными, и длинными пальцами. Мне приходится несколько раз моргнуть, и вернуть внимание к его словам.

Меню всегда было для меня сложностью. Здесь есть подсказки: *boeuf* - говядина, *poulet* - курица, *veau* - телятина, *canard* - утка, и *poisson* - это рыба (Я не стесняюсь сказать, что узнала это от бесчисленного количества просмотров *Русалочки*), но с вещами, которые уже приготовлены, или с названиями овощей и соусов мне все еще нужна помощь.

- Блюдо дня - суп из лангустинов, то есть... - Он делает паузу, морщит лоб и смотрит в потолок.
- Умм... то есть из моллюсков?

Улыбаюсь. Только богу известно, почему я нахожу его замешательство милым.

- Из омара?

- Да. Омар точно. - Говорит он с довольным кивком. - Суп из омаров с мятой, подается с небольшой пиццей. Очень хрустящая, с лобстером и вялеными томатами. А также *le boeuf*...

- Суп. - Решаю я.

- Ты не хочешь узнать другие варианты?

- Ты думаешь, что есть что-то лучше, чем суп с пиццей с *лобстером*? - Я останавливаюсь. - Если это означает, что ты не можешь поцеловать меня?

- Думаю, это нормально, - говорит он, взмахнув рукой. - И я все еще могу поцеловать тебя так, что твой мир погаснет.

вернуться

34

Добрый вечер. Столик на двоих?

вернуться

35

Да

вернуться

36

Благодарю

- Тогда это все. Только суп.

- Идеально. А себе, думаю, возьму рыбу. - Говорит он.

Официант возвращается, и они с Анселем терпеливо слушают, пока я заказываю блюдо, вместе с тарелочкой с салатом из зелени. С улыбкой, которую Ансель не может скрыть, заказывает для себя ужин и по бокалу вина для каждого из нас, откидывается на стул, закидывая руку на спинку рядом стоящего пустого стула.

- Посмотрите-ка, теперь я тебе даже не нужен.

- Если бы. Мне еще предстоит узнать, как попросить в магазине большой strapon? То есть, это - действительно важное различие.

Он взрывается смехом, глаза удивленные, а его руки взлетают ко рту, чтобы заглушить звук.

Рядом сидящие люди оборачиваются в нашем направлении, но кажется, никто не возражает против его взрыва.

- Ты плохо влияешь, - говорит он и тянется к вину.

- И ты винишь в этом меня? Не я оставила перевод о фаллосе в записке утром, так что... камень в твой огород, Мальчик с ямочками.

- Но ты откопала магазин с костюмами, - парирует он в бокал. - И должен сказать, что за это, я вовек в долгу у тебя.

Мое лицо вспыхивает от его взгляда, от подтекста в его словах.

- Ну, да. - Признаю я шепотом.

Наши блюда подают, и за редким удовлетворенным стоном или моим высказыванием о намеренье родить детей от повара, мы молчим, пока едим.

Пустую посуду уносят, и Ансель заказывает десерт на двоих: *fondant au chocolat* - выглядит, как причудливая версия шоколадного пирожного "Лава", которое было у нас дома - подается с топленным перечно-ванильным мороженым. От первой ложки Ансель мычит.

- Немного непристойно смотреть затем, как ты наслаждаешься десертом. - По ту сторону стола, он снова мычит с ложкой во рту.

- Мой любимый. - Говорит он. - Хотя этот не так хорош, как тот, который печет для меня мама к моему приезду.

- Забыла, что твоя мама посещала кулинарные курсы. Не могу представить свою мать, не покупающую десерт в магазине. Она не заморачивается по этому поводу.

- Как-нибудь, когда я приеду в Бостон, мы отправимся в ее пекарню в Бриджпорт, и она приготовит тебе все, что ты пожелаешь.

Я практически слышу, как наши мысли тормозят с визгом в наших головах. Особая тема только что проскользнула в разговоре, и она словно третий лишний, который не должен быть проигнорирован.

- У тебя осталось больше двух недель здесь? - спрашивает он. - Три?

Мысль, *ты можешь попросить меня остаться*, всплывает в моей голове, прежде чем я могу остановить ее, потому что нет, это - *нет* - по-настоящему самая худшая идея.

Склоняю голову вниз, смотрю на тарелку посреди стола, помешивая шоколадный соус в лужице растаявшего ванильного мороженого.

- Думаю, мне стоит уехать через две. Мне нужно подобрать квартиру, записаться в классы... - *Позвонить отцу, полагаю. Найти работу. Начать строить жизнь. Завести друзей. Решить, что же я собираюсь делать со своей степенью. Попытаться стать счастливой с этим решением. Считать секунды до твоего приезда ко мне.*

- Даже если ты не хочешь этого.

- Да, - отвечаю тупо. - Не хочу проводить свои два года жизни в школе, после которой я устроюсь в офис, и буду работать с ненавистными мне людьми, которые могут быть где угодно, но вместо этого они сидят в четырех стенах.

- Очень точное описание. - Отмечает он. - Но думаю, твое мнение о бизнес-школе немного... искажено. Ты не обязана делать этого, если не хочешь.

Кладу ложку на стол и откидываюсь назад.

- Я всю жизнь прожила с самым преданным бизнесменом в мире, я встречала всех его коллег, а также большинство их коллег. Меня переполняет ужасом стать такой как они.

Приносят счет, Ансель тянется к нему, и хлопает по моей руке. Хмурюсь - я могу сводить своего... мужа на ужин - но он игнорирует меня, продолжая с того места, где остановился.

- Не все бизнесмены или бизнесвумены такие, как твой отец. Просто, тебе стоит... рассмотреть и другие стороны того, как ты можешь использовать свою степень. Ты не обязана следовать по его пути.

Прогулка до дома проходит в тишине, и я знаю, это из-за того, что я не ответила на его высказывание, а он не хочет давить. Он прав. Люди пользуются своими степенями, занимаясь интересными вещами. Проблема в том, что я без понятия, что интересует меня.

- Могу я кое-что спросить?

Он угукает, глядя на меня сверху вниз.

- Ты устроился на работу в фирме, но это не то, чего ты хочешь. - Кивнув, он ждет окончания. - Тебе не нравится на самом деле твоя работа.

- Ага.

- Тогда, *какая* твоя работа в мечтах?

- Преподавание, - отвечает он, пожимая плечами. - Думаю, корпоративное право очень увлекательное. Мне кажется закон, вообще, увлекателен. То, как мы устанавливаем нравы и вкладываем неопределенные тучи этики в правила, и как особенно создаем эти вещи, когда появляются новые технологии.

Ансель держит меня за руку несколько кварталов до нашей квартиры, останавливаясь один раз или два, чтобы поднести мою кисть к губам и поцеловать ее. Свет фар проезжающего мимо скутера отражается от его золотого обручального кольца, я чувствую тяжесть в животе, чувство страха поселившегося там. Не то, чтобы я не хотела остаться в Париже - я люблю его всем сердцем - но я не могу не отрицать, что не скучаю по знакомым родному общению на английском, по друзьям, океану. Тем не менее, я осознаю, что я не хочу оставлять Анселя.

Он настаивает на том, чтобы мы заглянули в небольшое бистро на углу ради кофе. Я уже привыкла к тому, что европейцы называют кофе - насыщенный, маленький глоточек самого вкусного эспрессо - и помимо Анселя, это будет та вещь, по которой я буду скучать из этого города.

Мы садимся за столик на улице под звездами. Ансель поддвигает свой стул так близко ко мне, что между нами нет просвета, и кладет свою руку мне на плечо.

- Хочешь встретиться с моими друзьями на этой неделе? - спрашивает он.

Смотрю на него удивленно.

- Что?

- Кристоф и Мари, два моих старых друга, устраивают вечеринку в честь ее повышения. Она работает в одной крупной компании в здании, где работаю я, и я тут подумал, может бы ты захотела сходить к ним. Они с радостью встретятся с моей женой.

- Звучит чудесно. - Киваю, улыбаясь. - Я надеялась познакомиться с кем-нибудь из твоих друзей.

- До меня дошло, что сделать это я должен был раньше, но... признаю, я был эгоистом. У нас так мало времени, и мне не хочется делиться им с кем-то.

- Ты работал, - говорю я на выдохе, когда он повторяет основную мысль нашего разговора с Харлоу.

Он тянется к моей руке, и целует костяшки пальцев и кольцо, затем сплетает наши пальцы.

- Я хочу произвести на тебя впечатление.

Хорошо. Встретится с его друзьями. И представится его женой. И это по-настоящему. То, чем занимаются супружеские пары.

- Хорошо, - говорю я с запинкой. - Будет весело.

Он усмехается, наклоняясь вперед, оставляя на моих губах поцелуй.

- Благодарю, Миссис Гийом. - Вау, эти ямочки. Я в ловушке.

Официантка останавливается у нашего столика, и я сижу, жду, пока Ансель заказывает кофе. Рядом с нами кучка девочек - около восьми, девяти лет - танцуют под гитару, на которой играет мужчина. Их смех рикошетит эхом от близкорасположенных зданий, перекрывая звуки автомобилей и брызг фонтана, расположенного через дорогу.

Одна из них идет сюда и спотыкается, приземляясь рядом с нашим маленьким столиком.

- Ты в порядке? - спрашиваю я, поднимаюсь, чтобы помочь ей.

- *Oui*, - отвечает она, стряхивая пыль с клетчатого платья. Ее подруга бежит к нам, и хотя я не уверена в том, что она говорит, размахивая руками, выговаривающим тоном, но примерно догадываюсь, о том, что она говорит другой о неправильном повороте.

- Ты пытаешься закружиться? - спрашиваю я, но она не отвечает, просто смотрит на меня с выражением замешательства на лице. - *Pirouette. Tourner.* [37]

вернуться

37

Пируэт. Поворот

- *Spin* [38], - подсказывает Ансель.

Она расставляет руки в стороны, встает на носочек и крутится, но так резко, что почти падает.

- Уоу, потише, - я ловлю ее и мы вместе хихикаем. - Возможно, если ты... ммм. - Выпрямившись, я глажу мой живот. - Напряжешь.

Поворачиваюсь к Анселю, который переводит.

- *Contracte tes abdominaux* [39]. - На лице маленькой девочки появляется сконцентрированной выражение, только могу вообразить, как она напрягла мышцы живота.

Большая часть девчушек собрались здесь, слушая, я перемещаю их для большего пространства.

- Четвертая позиция, - говорю я, подняв четыре пальца. Указываю на левую ногу, правую отвожу назад. - Руки вверх, одну в сторону другую спереди. Хорошо. Теперь *plie? Bend?* [40] - Каждый из них сгибает колени, я киваю, руководствуя их позами. - Да! Отлично! - Я указываю на глаза и затем отхожу на расстояние, подальше от Анселя переводящего позади меня.

- Вы должны определиться. Найдите одно место и не смотрите по сторонам. Поэтому, когда вы закружитесь... - Я выпрямляюсь, сгибаю колени и отталкиваюсь пальцами ноги, закручиваюсь, и, приземляясь, встаю в тоже положение. - Вы возвращаетесь к тому, от чего начали. - Такое знакомое движение, я так долго не делала этого, что почти пропустила возгласы от девочек, и самые громкие от Анселя. Девчушки вертят головами и крутятся, подбадривают друг друга и просят моей помощи.

Уже поздно, и, в конце концов, мы отправляемся домой. Ансель берет меня за руку и улыбается, смотрю через плечо, когда мы уходим. Такое ощущение, что могу наблюдать за ними всю ночь.

- Было весело.

Гляжу на него, улыбаясь.

- Какая часть?

- Та, в которой ты танцуешь.

- Это был всего лишь поворот, Ансель.

- Возможно, это самая сексуальная вещь, которую когда-либо видел. *Вот* - твое призвание.

Вздыхаю.

- Ансель...

- Некоторые люди оканчивают бизнес-школу и открывают кинотеатры, или рестораны. Кто-то пекарни, или танцевальные студии.

- Но не ты. - Я слышала это и раньше, от Лорелей, от всей семьи Харлоу. - Я ничего не знаю об этом.

Он оборачивается ко мне через плечо, кивая головой в то направление, откуда мы пришли.

- При всем уважении к тебе, я не согласен.

- Это требует денег. Ненавижу брать их у отца.

- Зачем ты тогда их берешь у него, если ненавидишь это? - спрашивает он.

Отвечаю вопросом на вопрос.

- Ты не берешь деньги у своего *отца*?

- Беру, - признается он. - Но давным-давно я решил, что эта единственная от него польза. И несколько лет назад, когда я был примерно в твоём возрасте, мне не хотелось, чтобы мама чувствовала себя обязанной поддерживать меня.

- У меня не достаточно денег для Бостона без чьей-нибудь поддержки. - Говорю ему. - И думаю... он должен мне, так как, в конце концов, я делаю то, что он хочет.

- Но если *ты* делаешь то, чего хочешь...

- Это *не то*, чего хочу я.

Он останавливается, и поднимает руку, не беспокоясь ни на каплю о серьезности разговора.

- Знаю. И я не в восторге от идеи, что ты скоро уедешь от меня. Но откладывая это в сторону, ты поступила в бизнес-школу, сделай все, что пожелала бы с этим, это только твоё решение, не его.

Вздыхаю, смотрю на улицу.

- Только потому, что ты не можешь танцевать профессионально, не означает, что ты должна перестать танцевать для жизни. Найди для себя место и не оглядывайся, разве не это ты говорила тем девочкам? Где твоё "место"? Найди способ вернуть танцы в свою жизнь.

Моргаю и смотрю туда, где девчушки все еще крутятся и смеются. Его "место" - преподавание права. И он не сворачивает с намеченного пути с тех пор, как начал.

- Хорошо, тогда. - Кажется, он принимает моё молчание как за пассивное согласие. - Ты обучаешься, чтобы стать учителем? Или для умения управлять своим собственным бизнесом? Это два разных пути.

Идея открытия танцевальной студии отзывается в моём животе беспокойной реакцией, смесь восторга и страха. Едва могу представить себе более веселую вещь, но в тоже время, никакая другая вещь не разрушит так мои отношения, как эта.

- Ансель, - говорю я, качая головой. - Даже если моё желание - собственная студия, то мне все еще нужно начать с чего-то. Он собирается оплачивать за мою квартиру в течение двух лет, пока я не получу степень. Но сейчас, он не разговаривает со мной, и нет никакого варианта, что он одобрит этот план. Есть в танце что-то, что он... чисто подсознательно не любит. Теперь я поняла, чтобы я ни делала, я должна попытаться выполнить это без его помощи. - Закрываю глаза и тяжело сглатываю. Я взяла духовный отпуск от реальности моего будущего, но после этого разговора я исчерпала его. - Я рада, что приехала сюда. В каком-то роде, это лучшее решение, которое я сделала за всю жизнь. Но также, эта поездка усложнила некоторые вещи.

Он изучает меня. Обожаю игривого Ансея, того, который подмигивает мне без какой-либо причины, того, кто с любовью говорит с моими бедрами и грудью. Мне кажется, я могу полюбить этого Ансея, который действительно хочет лучшего для меня, который умеет мужество для нас двоих.

- Вы замужем, не так ли? - спрашивает он. - У вас есть муж?

- Есть.

- Муж, который зарабатывает на жизнь.

Пожимаю плечами и отворачиваюсь. Разговоры о деньгах слишком неловкие. Каким бы игривым и бестолковым он не был, каким бывает иногда, в его голосе нет ничего кроме искренности.

- Тогда зачем тебе нужно зависеть от отца для того, чтобы делать то, что *ты* хочешь?

Поднявшись в квартиру, я следую за ним на кухню и прислоняюсь к прилавку, пока он лезет в шкаф за бутылкой. Ансель поворачивается, перекладывая две таблетки ибупрофена на мою ладонь, и вручает мне в руку бокал воды. Пялюсь на свою руку и затем на него.

- Твоя привычка, - говорит он, пожимая плечом. - После двух бокалов вина, ты всегда принимаешь ибупрофен с большим количеством воды. Твой вес не велик для такого.

Снова вспоминаю, насколько он наблюдателен, и как он замечает вещи, на которые я думаю, он даже внимания не обращает. Он стоит, наблюдая, как я проглатываю таблетки и ставлю пустой бокал на стойку рядом со своим бедром.

Каждая секунда, которая отсчитывает время без наших поцелуев и прикосновений, заставляет меня ужаснуться тому комфорту, что мы сегодня обрели - испаряться, и он вернется к работе, а я к кровати, в одиночестве.

Но сегодня, пока мы пожираем друг друга взглядами в приглушенном свете лампочки над плитой, энергия потрескивает между нами, и кажется, только больше нарастает. Она ощущается чем-то реальным.

Он чешет подбородок, и кивает своей челюстью на меня.

- Ты самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел.

Мой желудок делает кульбит.

- Не уверена, что верю в это, но я...

- *Останься.* - Прерывает он меня шепотом. - Так боюсь дня твоего отъезда. Я просто с ума схожу думая об этом.

Закрываю глаза. Половина из этого, это то, что я хотела сказать ему, а другая половина, это то, что я боялась услышать больше всего. Закусываю губу и улыбаюсь ему.

- Кажется, ты сказал мне пойти в школу бизнеса, чтобы открыть когда-нибудь свой бизнес.

- Может, тебе стоит подождать, пока я не закончу с этим разбирательством. Потом мы вместе поедem туда. Будем жить вместе. Я работать, ты учиться.

- Как я могу остаться здесь до весны? Чем я буду заниматься? - Было бы замечательно, но не могу себе представить еще девять месяцев сидения, сложа руки в качестве туриста.

- Ты можешь найти работу, или можешь начать поиски информации для открытия студии. Мы поедем вместе, и ты сможешь отложить учебу на один год.

вернуться

38

Кругануться

вернуться

39

Напряги мышцы живота

вернуться

40

Согните? Колено?

Если такое возможно, то это безумнее даже чем мой приезд сюда. Остаться - значить не будет окончания *нас* - ни аннулирования, ни притворного брака - и совершенно новый путь сложится у нас впереди.

- Не думаю, что смогу остаться здесь и быть столько времени в одиночестве...

Он вздрагивает, проводя рукой по своим волосам.

- Если хочешь начать сейчас, то езжай, а я приеду следующей весной. Просто... *Это* то, чего ты хочешь?

Качаю головой, но вижу в его глазах, что он правильно понял мое, *я не знаю*.

Первые несколько недель чувствовала себя совершенно свободной, и еще чуть-чуть пиявкой. Но Ансель не пригласил меня сюда только для того, чтобы показать какой он роскошный или не для того, чтобы спасти меня от лета в собственном доме, и не для помощи мне разобраться в себе, чтобы начать школу. Он решил так по этим причинам, но еще также он *хочет* меня.

- Миа?

- Ммм?

- Ты нравишься мне, - говорит он, шепча, его голос подрагивает, и мне кажется, я понимаю, что на самом деле он говорит. Эти слова словно теплое дыхание на моей шее, но он не рядом со мной. Он даже не касается меня. Его руки упираются за его спиной в стойку на уровне бедер. Это откровенное признание намного интимнее, когда мы в нескольких шагах друг от друга не целуемся и не зарываемся в шеи друг друга.

- Я не хочу оставлять тебя. Жена принадлежит мужу, а он принадлежит ей. Я был полным эгоистом, умоляя тебя приехать сюда, уговаривая подождать, пока это хорошо сказывается на моей карьере, до того, как ты уйдешь, но да, это так.

Это так.

Отвожу взгляд от него и смотрю на свои босые ноги, позволяя тяжелому стуку сердца перебить мои ощущения на секунду. Я рада, я в ужасе... но по большому счету я в эйфории. Он сказал мне, что не сможет играть в ту ночь, если я произнесу это вслух, и возможно, это тот же самый страх, что мы не сможем сохранить это светлым чувством, не сможем отпустить это через недели, если кто-то из нас признается в *любви*.

- Смог бы я, - начинает он, после тишины, его губы растягиваются в улыбке, - *понравиться тебе?*

Мою грудь скручивает от искренней уязвимости в выражении его лица. Киваю, проглатываю ком в горле, который, кажется размером с шар для боулинга.

- Ты уже *нравишься* мне.

В его глазах вспыхивает облегчение.

- Я куплю тебе новое кольцо. Мы снова сделаем это. Мы можем найти квартиру с воспоминаниями, которые будут только нашими...

Смеюсь сквозь неожиданный всхлип.

- Мне *нравится* и эта квартира. И золотое кольцо я свое люблю. Так же смутные воспоминания нашей свадьбы. Мне ничего не нужно нового.

Он наклоняет голову и улыбается, появляется заигрывающая ямочка, и я срываюсь. Тянусь к нему, палец продеваю в хлястик брюк и тяну к себе.

- Иди сюда.

Ансель делает два шага, прижавшись ко мне всем своим длинным телом, от чего мне приходится поднять подбородок, чтобы взглянуть на него.

- С разговорами покончено? - говорит он, скользя руками по моей талии и обхватывая ее.

- Угу.

- Чем теперь ты бы хотела заняться? - В его глазах одновременно и озорные искорки и хищные.

Просовываю свою руку между нами и кладу руку к нему на джинсы, желая почувствовать, как он оживает от моих прикосновений.

Но он уже тверд, и когда я сдавливаю его, он резко втягивает воздух и закрывает глаза. Его руки скользят по моей груди, по плечам и выше, обхватывая ладонями мою шею.

Своим большим пальцем отводит по моим губам, и это действует словно спусковому крючку: тепло распространяется через меня, и немедленно обращается в дикое желание, такое сильное, что мои ноги подкашиваются. Открываю рот, облизываю подушечку его пальца до того, как он скользит им в мой рот, и наблюдает, как я посасываю его с таким темным

взглядом. Под моей ладонью, он удлиняется и подергивается.

Он подталкивает меня вправо, ведя меня из кухни, но после нескольких шагов останавливается, беря лицо мое в ладони и целуя меня

- Скажи *это* снова?

Ищу в его глазах объяснение, а потом понимаю.

- Сказать, что ты мне *нравишься*?

Он кивает и начинает сиять, прикрыв глаза, наклоняется ко мне, проталкивая кончик языка между моих губ.

- Что я *нравлюсь* тебе. - Ансель смотрит на меня из-под волос, которые упали ему на глаза, наклоняя голову назад, он прикасается к моей челюсти.

- Покажи свою шею. Покажи мне всю эту великолепную кожу.

Откидываю голову, и его кончики пальцев тут же скользят по моей ключице, решительно, но нежно.

Без спешки он раздевает меня. Но как только я ощущаю кожей прохладу воздуха в квартире и жар его внимания, то стягиваю с него рубашку, и вожусь с его поясом. Хочу прикоснуться к нему по всему телу, но мои руки всегда зависают у гладкой груди. Все что я считаю в мире сексуальным, все это находится здесь, то есть теплота и твердость под его кожей. Тяжелые удары сердца. Резкие сокращения мышц живота, когда я провожу ногтями по ребрам. Мягкая дорожка волос, которая всегда соблазняет меня двинуться ниже.

Даже в такой маленькой квартирке, в такой момент спальня кажется далекой. Его пальцы перемещаются ниже к груди, и еще ниже, будто она не там, где должна быть. Ниже живота, туда, куда я надеюсь, он скользнет двумя пальцами и поиграет со мной. Вместо этого, его рука гладит мое бедро, а глаза смотрят мне в лицо, пальцы задерживаются на моем шраме, не достаточно чувствительном, но не насовсем онемевшем.

- Странно, но я люблю твой шрам. - Напоминаю себе о дыхании. - Ты думала, что это первое, что я заметил, но это не так. Я не обращал внимания на него до середины ночи, пока ты не легла на кровать, пока я не прошелся губами от твоих пальчиков ног до бедер. Возможно, ты ненавидишь его, но не я. Он - *часть* тебя. А я в восторге от всей тебя.

Он отстраняет меня немного, встает на колени и заменяет пальцы губами и языком, горячим и влажным, прямо на коже. Мой рот невольно раскрывается, а глаза прикрываются. Без этого шрама, я бы никогда не оказалась бы здесь. Возможно, даже никогда бы и не встретилась с Анселем.

Его хриплый голос вибрирует у моей кожи.

- Для меня, ты - идеальна.

Он утягивает меня на пол, спиной к его груди, мои ноги раздвинуты, я верхом на нем. Через гостиную, в темном окне я вижу наши размытые отражения, вижу, как открыта поверх его бедер. Он ласкает меня, пальцами скользя вверх вниз по моим складочкам, и дразня проникает в меня. Его рот посасывает и лижет мою шею, затем челюсть, и я поворачиваю голову, чтобы

он смог добраться и до губ. Его язык внутри меня, кружит на пару с моим, средний палец Анселя проталкивается в меня, и стон вырывается из меня, он продолжает медленно ласкать, будто чувствует каждый мой дюйм.

Отпустив мою губу, которая он кусал, он спрашивает:

- *Est-ce bon? - Хорошо ли тебе?* Настолько простые слова, описывающие что-то, в чем нуждаюсь. Слово хорошо ощущается таким пустым, таким очевидным, словно цвет кипельно-белой бумаги. Прежде чем я даже думаю ответить, ответ срывается с моих губ. - Больше. Пожалуйста.

Он скользит другой рукой по моему телу ко рту, проталкивая два пальца внутрь к моему языку, а затем высовывает их увлажненными. Ансель скользит ими по моему соску, кружась на нем синхронно с другой рукой между моих ног. Мир сужается до этих двух чувственных точек - на груди и его пальцах на клиторе - и становится уже с каждым движением, с этой влажностью, теплотой и его вибрирующим голосом у моей кожи:

- Ох, Миа.

Я была беспомощна перед ловушкой под машиной, перед резкими указаниями преподавателя, перед сожжением презрением моего отца. Но я никогда не ощущала такую беспомощность. Эта, освобождает, эта, ощущается так, будто оголяет нервные окончания и упивается моими осязаниями. От нее доверяешь свое тело чьим-то касанием, от нее доверяешь свое сердце кому-то.

Но я хочу ощутить его в себе, когда распадусь на кусочки, и мое освобождение уже слишком близко. Приподнимаю бедра, беру его в руку и опускаюсь на всю его длину, в то время как мы оба судорожно стонем. Мы не двигаемся в течение нескольких секунд, пока мое тело приспособливается к его.

Скольжу вперед и вверх. Назад, вниз. Снова и снова, закрыв глаза только, когда слышу его дрожащий голос - *Пожалуйста... быстрее... быстрее, Миа* - надрывается, и он скользит рукой вверх к моей шее. Его большой палец поглаживает нежную кожу горла. Не возможно настолько легко вернуть меня к этой точке снова, но это происходит, когда Ансель спускает одну руку к моему бедру и перемещает ее между моих ног, кружа кончиками пальцев, или говорит своим тихим, хриплым, сексуальным голосом, как хорошо это ощущается... я не могу остановить свое тело.

- *C'est ca, c'est ca.* - Мне не нужно переводить. *Vom tak*, сказал он. То, как он касается меня - идеально, а мое тело реагирует именно так, как он ожидает.

Не знаю, на каком ощущении сосредоточиться. Невозможно почувствовать каждую вещь сразу. Его пальцы, впивающиеся в мое бедро, жесткая длина, поглаживающая меня изнутри, его рот на шее посасывающий, покусывающий, целующий так идеально, пока крошечная вспышка боли не остается на моей коже меткой.

Чувствую, что он берет вверх над каждой частью меня: запеленая мое зрение, тем, что он делает, тянется к моей груди, заставляет биться сердце так сильно и быстро, что это пугает и возбуждает одновременно.

Он подмахивает бедрами вверх подо мной, двигаясь так, что я валюсь на руки и колени, и мы оба вскрикиваем от новой глубины проникновения, новая картинка его, берущего меня сзади, в окне сменяется старой. Его руки на моих бедрах, голова откинута назад, глаза закрыты, пока

он движется. Он - воплощение блаженства, воплощение облегчения.

Каждый мускул его тела бугрится и покрыт бисером пота, но при этом он умудряется выглядеть расслабленнее, чем когда-либо я видела его, лениво толкаясь в меня.

- Жестче.

Он сжимает мою талию, изменяя угол наклона, и рычит от усилия, глубоко толкаясь, вбиваясь в то место, о котором я не знала, и которое заставляет меня непрерывно стонать, скручивая в оргазме так внезапно и так подавляюще, что кажется, мои руки теряют свою работоспособность. Падаю на локти, пока Ансель управляет моими бедрами, толкаясь ритмично, его голос резкий, с придыханием.

- Миа. - Выдыхает он, успокаиваясь позади меня и дрожа, пока кончает.

Я окончательно сползаю, словно без костей, он ловит меня, прижав мою голову к своей груди. Мое ухо напротив его сердца, и я слышу тяжелый, жизненно важный стук его сердца.

Ансель перекатывает меня на спину, вновь аккуратно скользнув в меня, так он всегда делает, даже когда мы закончили, и наблюдает за моим лицом с ясными и серьезными глазами.

- Хорошо? - спрашивает он тихо.

Киваю.

- Я нравлюсь тебе?

- Да.

Наши бедра продолжают в медленном темпе покачиваться, стараясь удержать момент.

Глава 18

- Так во сколько вечеринка? - бубню я в подушку. Ансель всем своим весом ложится на меня, прижимаясь своей грудью к моей спине, тканью костюма к моей обнаженной коже, а его волосы щекочут мое лицо. Я хихикаю, пытаюсь выбраться из-под него, но это только распалает его. - Уфф. Ты такой тяжелый. У тебя в карманах кирпичи? Слезь с меня.

- Но ты такая тепленькая. - Жалуется он. - И мягкая. И так пахнешь восхитительно. Женщиной, сексом и мной.

Его пальцы проходятся по моим бокам и хватают меня, невольно щекоча меня, пока он переворачивает меня на спину, и вот - он, нависает надо мной, а его большой палец очерчивает мои губы.

- Вечеринка в семь. - Отвечает он, глаза темно зеленого цвета наполнены осознанием, которое говорит мне, что он скорее скинет свой костюм, нежели покинет эту кровать. - Я зайду за тобой, и мы отправимся туда вместе. Обещаю не опаздывать.

Он тянется ко мне и целует, издавая такой звук, что-то среднее между довольством и желанием, и я знаю, он говорит себе не увлекаться, что так же хорошо, как и то, что позднее будет время для большего. *После работы.*

Просовываю руку под его пиджак, вытаскиваю рубашку из-под пояса его брюк, и беспардонно

исследую его кожу.

- Я почти могу слышать, как колесики крутятся в твоей голове. - Шепчу ему, повторяя слова, которые он говорил мне около дюжины раз. - Интересно, сколько времени у тебя еще?

Он стонет, и зарывается своим лицом в мою шею.

- Не могу поверить, что было время, когда я вставал и уходил на работу, прежде чем мой будильник начинал звонить. Теперь, мне не хочется уходить.

Запускаю руки в его шевелюру, почесывая кожу головы. А он старается не наваливаться на меня всей массой своего тела, но я ощущаю, как он расслабляется с каждой секундой все больше.

- *Je ne veux pas partir* [41], - повторяет он, теперь грубее. - *Et je ne veux pas que tu partes* [42].

И я не хочу оставлять тебя.

Мараю в потолок, желая запечатлеть каждую деталь этого момента в памяти.

- Не могу дождаться момента, когда покажу тебя сегодня. - Опирается на локоть и смотрит на меня сверху вниз. - Не могу дождаться момента, когда расскажу всем, как обманул тебя, побудив тем самым сделать мне предложение. Мы будем игнорировать досаду, от того, что ты скоро уедешь.

- Спрячь мой паспорт, и я останусь здесь навсегда.

- Ты думала, я уже не раз рассматривал такой вариант? Не удивляйся, если однажды придя домой, ты не обнаружишь свой паспорт. - Наклоняется и целует меня, прежде чем отстраняется. - Хорошо, это странно. Он лежит на комод, там, где и лежал.

Смеюсь, и хлопаю его.

- Иди, работай.

Он мычит и скатывается с меня, плюхаясь на спину.

- Если бы не сегодняшняя встреча с клиентом, с которым ожидал разговора на протяжении месяцев, то позвонил бы и сказал, что заболел.

Упираюсь подбородком в его грудь, смотря на него.

- Важная встреча?

- Очень. То, что случится сегодня, может ускорить процесс окончания дела в ближайшие шесть недель, или же растянуть его на месяцы.

- Тогда ты определенно должен приступить к работе.

- Знаю, - выдыхает он.

- Буду ждать тебя к семи. - Не успев закончить предложение, он поворачивается ко мне, улыбаясь. - И лучше не опаздывай.

Он садится, берет мои лицо в руки и целует, язык и зубы, пальцы, которые спускаются вниз по моему телу и поглаживают сосок.

Затем он резко вскакивает, и показывает самую смешную версию робота рядом с кроватью. При этом выдавая слова механическим голосом.

- Не опоздаю.

- Ты сделал это только что, чтобы я думала о том, какой ты очаровательный, даже если опоздаешь?

- Я не задержусь! - снова он говорит робото-голосом, волосы с рыжеватым оттенком спадают ему на лоб, а затем он лунной походкой выплывает из комнаты.

- Худший танцор всех времен! - кричу я в след ему. Но это наглая ложь. У него есть чувство ритма и та легкость, с которой он двигается, и которой невозможно обучиться. За настоящим танцором забавно наблюдать, танцуют они или нет, и я могу наблюдать за Анселем часами.

Он смеется, выкрикивая.

- Будь умничкой, женушка! - и после, раздается щелчок двери за ним.

И, конечно же, он опаздывает.

В семь тридцать, Ансель врывается в квартиру и словно вихрь носится по ней: снимая рабочую одежду, натягивая джинсы и простую рубашку на пуговицах. Быстро целует меня, пересекает кухню, хватая бутылку вина и тянет меня за руку из квартиры в лифт.

- Привет, - говорит он, затаив дыхание и прижимает меня к стене, в тоже время нажимает на кнопку первого этажа.

- Привет, - едва издаю звук и он целует меня, жаждущий и ищущий, посасывающий мою нижнюю губу, челюсть, шею.

- Скажи мне, чего ты хочешь больше, встретиться с моими друзьями, или же вернуться назад, раздеться и я буду трахать тебя, пока ты не охрипнешь.

Смеюсь, отталкиваю его немного и оставляю поцелуй на губах.

вернуться

41

Не хочу уходить

вернуться

42

Не хочу, чтобы ты уходила

- Хочу встретиться с твоими друзьями. Позже разденешь меня.

- Тогда расскажи мне что-нибудь о мадам Аллард, так как это единственный самый быстрый способ избавиться от стояка.

Дом Мари и Кристофа всего в нескольких кварталах от той станции метро, на которой мы выходим, и когда мы до него доходим, я замираю и пялюсь. Квартира Анселя в тоже время маленькая и просторная. Нет ничего вычурного или претенциозного: старое здание, столь же спокойное и комфортное, как и сам Ансель. Но *это* место... нет.

Facade [43] из камня, и хотя здание достаточно старое - оно легко сочетается с окружающими постройками - но все равно понятно, его реставрировали, и не за маленькие деньги. Квартиры на нижнем этаже в шаге друг от друга, все двери красные и украшены мерцающими медными дверными молоточками. Второй и третий этаж могут похвастаться своими арочными окнами, ведущими к отдельным балконам с декоративными железными крошечными металлическими цветами, пробивающимися из-под запутанной виноградной лозы.

Деревья растут вдоль оживленной улицы, а под их приветливыми тенями, я пользуюсь моментом, и беру контроль над собой и готовлюсь к комнате, полной незнакомцев и к разговорам, которые я, скорее всего, не пойму. Ансель прижимает ладонь к моей пояснице, шепча:

- Готова?

Недели назад, идея сделать это - поддерживать беседу без Лолы или Харлоу, или же если я потеряю Анселя в толпе - заставило бы меня содрогнуться от ужаса. Не знаю, что будет наверху, но ревущий смех из окна является признаком того, что вечеринка уже в полном разгаре, и это только начало вечера. Надеюсь, они будут такими же милыми, как и обещает Ансель. Мельком вижу наше отражение и немного удивляюсь. Я вижу себя каждое утро, но в этом месте все как-то по-другому. Мои волосы длиннее, челка откинута на бок, вместо того, чтобы лежать прямой линией на моем лбу. Я поправила, и похожу теперь больше на девушку, нежели на мальчишку. Моя юбка из маленького магазинчика неподалеку от Монмарта, мое лицо - свежее, ни малейшего намека на макияж, но оно все равно сияет. Логично, что я выгляжу по-другому. И чувствую себя *иначе*. Рядом Ансель возвышается надо мной, его рука берегающе обернута вокруг моей талии, и вижу в отражении, как он наклоняется, привлекая мое внимание:

- Эй.

- Я смотрю на эту милую пару. - Киваю на окно.

После изучения нас в течении долгих секунд, он сладко целует меня.

- Пошли, *Cerise*.

Мари открывает дверь с радостным вскриком, и хватает нас в объятья, целует меня в щеки,

затем передает меня в распростертые объятия Кристофера.

- Это Миа Ансея! - Он кричит на английском всем, полная комната людей оборачивается и смотрит на меня любопытными взглядами, пока Ансель вручает бутылку вина Мари.

- Привет. - Махаю всем рукой неуверенно, и снова рука Ансея находит мою талию.

- Мы так рады, наконец, встретиться с тобой! - Говорит он, расцеловывая меня в щеки снова. - Ты даже красивее, чем на фото. - Мои глаза расширяются, и Мари смеется, берет меня за руку и тянет вглубь квартиры, от моего мужа, который сразу же был потерян в кругу друзей. Он поднимает подбородок, наблюдая, как Мари утягивает меня в зал.

- Со мной все будет хорошо. - Кричу ему через плечо, хотя это всего лишь половина правды. Я не ожидала, что мы разделимся с ним через несколько секунд, как переступим порог.

Внутри, все столь же тщательно продумано, как я и предполагала снаружи. Стены обклеены неброскими золотистыми шелковыми обоями, и оттуда, где я стою, видны два мраморных камня, каждый из которых обрамлен деликатным молдингом.

Книжные шкафы ломятся от книг, небольшие, красивые вазы стоят у стены. Напротив, окна от пола до потолка, и все выходит на роскошный двор. Несмотря на то количество вещей, внутри, квартира кажется очаровательной и достаточно большой, чтобы вместить в себя кучу спящих людей, и еще остается много места, чтобы найти уединение.

Мы идем мимо библиотеки, пересекаем зал, наполненный болтающими и пьющими людьми, которые кажется, затихают, когда я прохожу мимо них - а может просто я - параноик, но я все же так не думаю - и оказываюсь в широкой, блестящей белой кухне.

- Мы позже вернемся туда, они как волки, взволнованные из-за Ансея, и из-за встречи с тобой. Пусть достают его первого. - Мари плескает мне щедро вино в бокал, и передает его мне, хихикая.

- Как вы говорите... "сила в стакане"?

- Жидкое мужество? - предполагаю я.

- Да! - она щелкает пальцами, и снова целует меня в щеку. - Здесь куча хороших людей, и все они любят твоего мужа, так что и тебя они полюбят. Оглянись, я познакомлю тебя со всеми за минуту! - она бежит трусдой, когда звенит звонок, и жду ее, но кто-то входит в кухню, и я надеюсь это - Ансель - но это не он - и я разворачиваюсь к узкому, вытянутому окну с чудесным видом на Монмартр.

- Держу пари, этот вид никогда не устареет.

Оборачиваюсь и встречаюсь лицом с красивой, рыжеволосой женщиной, выглядывающей из французских дверей. Она, может быть, старше меня на несколько лет, у нее сильный акцент, настолько сильный, что у меня уходит несколько секунд на перевод того, что она сказала.

- Вид - великолепен. - Соглашаюсь я.

- Ты американка? - Я киваю, и она спрашивает. - Ты живешь здесь? Или гостишь?

- Живу, - отвечаю, а затем замолкаю. - Ну... пока что. Это сложно.

- И замужем. - Говорит она, указывая на кольцо.

- Да, - отвечаю, рассеянно покручивая кольцо на пальце. Странно, что это одна из первых вещей, которые она задает, после громкого объявления Кристофа, когда мы вошли пять минут назад.

- Как его зовут?

- Ансель, - говорю. - Ансель Гийом.

- Я знаю его! - Воскликает она, улыбаясь широко. - Я знаю его на протяжении долгих лет. - Наклоняясь, она заговорчески шепчет. - Очень красивый и очаровательный мужчина.

Гордость перемешивается с тревогой в моей груди. Женщина кажется милой, но малость напориста. словно, мы пропустили основное блюдо. - Да, он такой.

- Так ты здесь учишься? Или работаешь? - спрашивает она, потягивая красное вино из бокала.

- Я здесь только на лето. - Объясняю я, немного расслабившись. Моя застенчивость может постоять в сторонке, рассуждаю я. Возможно, люди часто воспринимают ее напористость как агрессию. - Осенью у меня начинается учеба.

- Получается, ты скоро уезжаешь. - Говорит она, нахмурившись.

- Да... до сих пор пытаюсь решить когда.

- А что с твоим мужем? Его работа очень важна, не так ли? Он не может уехать из Парижа с тобой? - Выражение ее лица ничего показывает, кроме вежливого интереса, но поток ее вопросов подводит меня к краю. Когда я долго не отвечаю, она начинает давить. - Разве вы не говорили об этом?

- Амм... - Начинаю я, понятия не имея как реагировать. Ее голубые глаза раскрываются шире, и в них я вижу что-то большее. Боль. Сдерживаемый гнев. Смотрю позади нее и вижу, несколько человек на кухне, все смотрят на нас: зачарованные, с сочувствующими взглядами, словно наблюдают за автокатастрофой в замедленной съемке.

Обращаюсь к ней, тревога еще больше разрастается во мне.

- Извини... не расслышала твое имя.

- Я и не говорила его тебе. - Отвечает она, немного наклоня голову. - Я вводила тебя в заблуждение, делая вид, что не знакома с вашей ситуацией. Как видишь, я знаю Ансея очень, очень хорошо.

Понимание щелкает, в моей голове, как выключатель.

- Ты - *Minuit*?

Ее обозленная и неприятная улыбка растет от восторга.

- *Minuit*! Да, идеально просто. Я - *Minuit*.

- Я думала ты брюнетка. Не знаю даже почему. - Бормочу я, больше себе, нежели ей. У меня сейчас ощущение, будто я балансирую на качелях: не уверена, справлюсь ли я с этим

разговором. Поворачиваюсь и ищу отчаянно Ансея, или Мари, но *Minuit* наблюдает за мной как коршун, питаюсь моим дискомфортом.

вернуться

43

Фасад

Где-то за моей спиной, слышу проникновенный смех Ансея, исходящий из зала к нам по коридору, слышу, как он напевает несколько строчек из безумной французской реп-песни, которую он исполнял на протяжении пары недель, во время бритья по утрам.

- Мне н-надо идти. - Говорю я, ставя бокал на стол рядом с собой. Хочу отыскать Ансея. Хочу увести его в сторону и рассказать ему об этой беседе. Хочу, чтобы он увез меня домой и стер из моей памяти ее грозное выражение лица.

Minuit тянется к моей руке, останавливая.

- Скажи мне, тебе нравится моя квартира, Миа? Моя кровать? Мой *fiance* [44]?

Мое сердце в буквальном смысле останавливается.

- Твой *fiance*?

- Мы собирались сыграть свадьбу, до того, как вы приехали вместе. Представь мое удивление, когда он вернулся домой из своего глупого отпуска в Америке с женой.

- Я не его жена... - Шепчу я, глазами сканирую комнату, как будто кто-то может мне помочь. Несколько людей смотрят на нас с сочувствием, но кажется, никто не осмеливается вмешаться.

- Он *называл* меня только по имени *Minuit* [45], как ты заметила. - Начинает она объяснять, перекидывая свои огненные волосы через плечо и склоняясь ко мне. - Потому что я никогда не могла заснуть. Мы купили новую кровать в нашу прекрасную квартиру. Мы испробовали *все*, чтобы измотать меня. - Наклонив голову, она спрашивает. - Как *тебе*, направится спать на нашей новой модной кровати в нашей красивой квартире?

Открываю рот, и закрываю, качая головой. Мой пульс зашкаливает, кожа стала влажной и красной.

Я куплю тебе новое кольцо. Мы начнем все сначала. Мы можем найти квартиру с воспоминаниями, которые будут принадлежать только нам...

Мне нужно убираться отсюда.

- Мы были вместе на протяжении шести лет. Можешь ли ты представить насколько долгий срок? Шесть лет назад ты только была ребенком.

Ее акцент настолько силен, что я практически не успеваю за ней, понимая только некоторые слова, чтобы представить общую картину. Но я представляю сколько *это*. Ансель назвал этот срок "слишком долго", но я даже вообразить не могла в своих самых смелых мечтах, что это

было настолько важной частью их жизни. Или то, что они собирались пожениться. Даже не знаю, когда именно они расстались - предполагаю, когда он вернулся сюда обратно около года назад - но из-за темных кругов под ее глазами и трясущейся руки с бокалом, я понимаю, что ошибаюсь.

Кажется, мое сердце разваливается на куски.

Слышу, как Ансель заходит в кухню, слышу, как он выкрикивает:

- *J'ai achete du vin!* [46] - поднимая две открытых бутылки и показывая небольшой толпе.

Но его лицо меняется, когда он ловит мой взгляд через комнату, а затем переходит к женщине рядом со мной.

Она наклоняется еще ближе, шепча прямо мне в ухо.

- Шесть лет назад, ты еще не попала под грузовик, а?

Моя голова поворачивается к ней. Мои глаза смотрят в ее голубые, настолько наполненные гневом, что мое дыхание сбивается.

- Что?

- Он мне *все* рассказывает. Ты - крошечный отрезок его жизни. - Шепчет она, показывая отрезок большим и указательным пальцем. - Ты хоть представляешь, сколько раз он вытворял такие безумные вещи? Ты его самый забавный порыв, и он понятия не имеет, как исправить эту ошибку. Мой вкус был все еще свеж на его губах, когда он увидел тебя в том дрянном отеле.

Меня начинает тошнить. Единственная вещь, которая сейчас мне нужна, это уйти с вечеринки, но прежде чем я начинаю переставлять ноги, Ансель появляется возле меня, хватая меня за руку.

- Пэрри, - шипит он на женщину. - *Arrete. C'est ma femme. C'est Mia. Qu'est-ce que tu fous la?* [47]

Перри?

Подождите. *Это Перри?*

Смотрю на пол, теперь все обретает смысл. Его лучшие друзья. Его четверка.

Ансель, Оливер, Финн и Перри. Но один человек из них... женщина.

Женщина, с которой он пробыл *шесть лет*.

Нас четверо, на протяжении всего дня вместе... Не знаю, буду ли я знать кого-нибудь так, как знаю этих троих... Эти отношения - лучшие в моей жизни... но так же, они и огромной осложнение в моей жизни... Мы вместе скучали по нашим семьям, вместе утешали друг друга, праздновали моменты в нашей жизни, которыми очень гордились.

Чувствую, как кровь приливает к лицу, мои губы всасывают воздух сбивчиво. Как много раз Ансель делал из меня дуру, позволяя думать, что Пэрри был мужчиной, *другом*? Я все рассказала ему о себе, о своей жизни, страхах, отношениях, а он говорил мне только расплывчато о *Minuit* и их "слишком долго" отношениях.

Она выглядит восторженной, словно львица поймавшая газель. Кладет руку ему на бицепс, но он скидывает ее, снова протягивая мне руку.

- Миа.

Выбираюсь из его захвата.

- Думаю, мне нужно уйти, сейчас же.

Есть много вещей, которые я могла сказать - миллион жальщих вещей, как сказали бы Лола или Харлоу - но в этот раз я рада, что не отвечаю ничего любому из них.

Он зовет меня, но я уже бегу по лестнице, спотыкаясь, спускаюсь по спирали. За мной раздаются его шаги, стучащие по дереву. Мое имя эхом разносится по помещению.

- Миа!

Мой разум закрывается от попытки осознать, что только что произошло на вечеринке. Два магнита отталкивающиеся друг от друга.

Тротуар пуст, весь в трещинах и искривленный, когда я сворачиваю у *Rue La Bruyere*, и бегу по маленькой кривой улочке *St.-Georges*. Забавно, что я знаю, куда направляюсь, чтобы увеличить расстояние между нами.

Перевожу дух между двумя зданиями. Думаю, он пошел меня искать другим путем. Я больше не слышу его.

Слишком много вещей, которые я должна обдумать: насколько быстро я могу собрать вещи, когда смогу уехать, и почему Ансель оставил меня на съедение женщине, на которой он планировал жениться, до того как я приехала с ним. Без понятия, почему он держал это от меня в секрете, от этого я ощущаю вспышки паники, которые разрастаются у меня глубоко в легких, и становится тяжело дышать.

Как стар этот город. Мемориальная доска на здании напротив говорит, что оно было построено в 1742. Это здание намного старше тех любовных историй, которые существуют в этой стране. Хоть наша только началась, но ощущения, будто наши души встретились за долго до этого.

Знаю, что люблю его, что то, что у нас было - настоящее, и то, что, скорее всего, влюбилась в него с первой секунды, как увидела его через весь бар, пока он наслаждался нашим счастьем, также сильно, как и я. Что бы ни скажут Лола и Харлоу об этом, я верю.

Это - возможно. Пасть настолько быстро.

Глава 19

В двух кварталах от нашей квартиры, я понимаю, что он снова идет за мной. Он держит дистанцию, давая мне личного пространства, но и не так далеко от меня, чтобы не потерять из виду. Наверху, в узком коридоре, я вожусь с ключами, в то время как он влетает через дверь по лестнице, хватая ртом воздух. По крайней мере, он был достаточно умен, позволив мне подняться на лифте в одиночестве.

В квартире темно, солнечный свет блекнет в небе, но я не удосуживаюсь включить свет. Вместо этого, я облакачиваюсь на дверь спальни и пялюсь в пол. Он останавливается перед

кухней, прямо напротив меня, но между нами около полутора метров. Постепенно его дыхание нормализуется. Мне даже не надо смотреть на него, чтобы понять, что он чувствует себя несчастным. Краем глаза вижу, как он сгорбился, пока наблюдал за мной.

- Поговори со мной, - наконец, шепчет он. - Эти чувства убивают меня, Миа. Наша первая ссора, и я не знаю, как исправить все между нами.

Качаю головой, все еще пялясь на свои ноги. Даже не знаю с чего начать. Это намного серьезнее, чем наша первая ссора. Первая ссора случается тогда, когда он не опускает крышку туалета или же, когда стирает мое новое шелковое платье в горячей воде. Он держал в неведении от меня Перри, *fiancée*, которая была у него *два месяца* назад - и я даже не знаю, зачем он делал это.

вернуться

44

Жених

вернуться

45

Полночь

вернуться

46

Я купил вино

вернуться

47

Стоп. Это - моя жена. Это - Миа. Что ты здесь делаешь?

Унижение затягивает меня. Мы оба были невероятно наивными, думая, что это было чем-то большим, нежели шуткой. Все это, для него такое эпическое оживление. Шесть лет пробыть вместе с ней, а затем жениться на незнакомке? Это - почти смешно.

- Я просто хочу вернуться домой. Завтра, думаю. - Говорю, оцепенело. - В любом случае, я собиралась в скором времени уехать.

Я думала, он просто прислонится к стене, но вместо этого он опрокидывается на нее спиной.

- Не надо. - Выдыхает он. - Миа, нет. Ты не можешь уехать отсюда раньше только из-за *этого*.
Поговори со мной.

Мой грев разгорается, вновь вспыхивая из-за толики неверия в его голосе.

- Я могу уехать отсюда из-за этого! Как ты мог позволить мне туда войти? Меня словно холодной водой окатили!

- Я понятия не имел, что она там будет! - Утверждает он. - Мари и Кристоф - мои старые друзья, но она практически их не знает. И я не знаю, почему она была там!

- Может быть, потому что вы обручены? Даже не знаю, с чего начать. Ты лгал мне, Ансель. Как долго ты собирался позволять мне верить в то, что Перри - парень? Сколько раз мы говорили о нем? Почему ты просто не сказал мне, в тот момент в Вегасе, когда я спросила, где был "он"?

Он осторожно делает шаг вперед, руки протянуты ко мне, так будто он приближается к раненному животному.

- Когда ты в первый раз назвала Перри - "он", никто из нас не исправил тебя, потому что мы были в *баре*. Я не предполагал, что позднее мы напьемся и женимся друг на друге...

- Я была здесь на протяжении *недель*. Ты мог сказать мне как только, мы прибыли, о том что *fiancee* живет здесь неподалеку, и ох, кстати, она - Перри, четвертый член вашей супер-близкой компашки - *который не был парнем!* - Прикладываю дрожащие руки ко лбу, вспоминая ночь, когда кто-то пришел, пока мы спали, вспоминая, каким отстраненным был Ансель, когда вернулся в постель - о том, как я была *обнажена* - о том, как спросила его, кто это был, и он ответил - Перри, но опять не исправил меня, когда я назвала Перри - *им*.

- О, боже мой, той ночью, когда кто-то пришел к нам? И после, когда я вернулась домой, ты разговаривал с *ней* по телефону, не так ли? Ты ушел из комнаты, поговорить с женщиной, на которой собирался жениться, но - *упс!* - вместо нее, ты женился на мне! Неудивительно, что она так блять злиться.

Он говорил со мной кусочками, умоляя:

- Нет, - и - Миа, - и - Подожди. - И наконец, он собирает все слова в предложение. - Это совсем не так. После Вегаса, я не знал, как сообщить тебе! Я должен был раздуть из мухи слона из-за этого? Она больше не была моей девушкой! Но потом, она позвонила, и позже пришла...

- *Fiancee*, - исправляю я. - *Не* девушка.

- Миа, нет. Мы расстались до...

- Ты виделся с ней? Помимо той ночи?

Он смотрит на меня тревожно.

- Мы обедали два раза.

Мне хотелось ударить его за это. Особенно, по той причине, что я *никогда* не обедала с ним во время рабочего дня.

- Я знаю, Миа. - Продолжает он, читая мое выражение лица. - Знаю. Прости меня, пожалуйста. Я надеялся, если мы поговорим с глазу на глаз, она перестанет названивать и...

- Так она перестала названивать?

Он колеблется.

- Нет. - Выуживает свой сотовый из кармана. - Ты можешь прочитать ее смс-ки, если хочешь. Или прослушать ее голосовые сообщения. Ты можешь увидеть, я никогда не поощрял ее.
Прошу, Миа.

Запускаю руки в свои волосы, желая закричать на него, но не уверена, могу ли даже открыть рот снова, без угрозы захлебнуться слезами. И последняя вещь, которую я хотела бы услышать вновь, это ее голос.

- Я хотел рассказать тебе все в ночь, когда мы играли в грешника и дьяволицу, - говорит он. - Но я не знал как, и потом мы оставили это в прошлом. После, это казалось, стало просто невозможным.

- Это *не* невозможно. Это проще простого. Ты всего лишь исправляешь меня в одном из сотни раз, когда я оказывалась не права и говоришь: "Нет, Миа, Перри - *цыпочка*, и я был с ней *шесть гребанных лет* и, оу, кстати? Я собирался жениться на ней. "Вместо рассказа о *Minuit* и ввождения меня в заблуждение."

- Я не желал, чтобы ты беспокоилась по этому поводу! Я никогда не ожидал, что вы встретитесь!

Таращусь на него, мой желудок совершает кульбит. Наконец-таки, правда. Он надеялся, что ему не придется с этим *разбираться*.

- Ты думаешь, что делал это к лучшему? Что лгал мне о ней, умалчивая? И если бы я не встретила с ней, то было бы все в *порядке*?

Он трясет головой.

- Это не то, что я имел в виду! Мы нуждались в лучшем, - говорит он, указывая между нами отчаянно, и закрыв глаза, изо всех сил пытается подобрать слова. Даже сейчас, мое сердце запинается, когда он теряет способность говорить по-английски, пока расстроен. Он глубоко вдыхает, и когда снова открывает глаз, и начинает говорить, его голос звучит уравновешеннее.

- У нас с тобой было сложное время вначале. Было импульсивно поступить так с нашей стороны. Работа - была сущим кошмаром для меня, но я хотел проводить с тобой время. И тогда, все превратилось во что-то большее, чем просто веселье и приключение. Это стало... - Он делает паузу и его голос срывается на мгновение. - Это стало *реальным*. Нам нужно было больше времени, только друг для друга. Я не хотел впускать ничего в квартиру вместе с нами, особенно ее.

Как только он говорит это, слова словно эхо возвращаются к нему, и на его лице еще сильнее видно расстройство.

- Она *жила* здесь. - Напоминаю я ему. - Даже тогда, когда ты рассказывал мне о *Minuit*, ты не упомянул о том, что вы жили вместе, что были помолвлены, что были вместе столько лет. Что занимались сексом *в этой же* постели. Если бы ты рассказал мне о ней вначале - всю историю - то это даже не было бы проблемой. Но сегодня, единственный человек в той квартире, который не понимал, что происходит, была я, *твоя жена*.

Разворачиваюсь и направляюсь в спальню, планируя заползти в постель до того, как вспоминаю, что эту кровать они покупали *вместе*, надеясь на то, что Перри будет лучше спать на ней. Стон вырывается из меня, снова разворачиваюсь и врезаюсь в широкую грудь Ансея.

Когда пытаюсь обойти его, он останавливает меня, хватая меня дрожащими руками за плечи.

- Пожалуйста, не уходи.

Чувствую, словно торнадо крушит все в моей голове. Но я так зла на него, что могу кричать от ощущение его тела на таком близком расстоянии, и его рук скользящих по моим - настолько утешающие, что это еще больше привносит хаоса. Его глаза смягчаются, и он переводит взгляд на мой рот.

- Мы должны продолжить разговор.

Но когда я пытаюсь сказать хоть что-то, слова получаются прерывистыми, неполными.

- Т-т-т-т... - Закрываю глаза, пробуя снова. - Т-т-т-т-ты...

Блять!

Открываю глаза, не уверенная, как он отреагирует, так как он еще ни разу не слышал, как я заикаюсь, и вряд ли услышит когда-нибудь это снова.

Его глаза расширяются, а лицо искажается от боли, словно он сломал меня.

- Черт, Миа.

- Н-н-не надо.

- Миа... - Стонет он, пряча лицо в моей шее.

Отталкиваю его, не желая его сочувствия в данный момент. Злость делает мои слова резче, и с каждым последующим мой язык начинает потихоньку расслабляться.

- Т-ты был с-с-с ней так долго. Я... сегодня, я чувствовала себя другой, понимаешь? Впервые, вчера почувствовала себя твоей женой. Но сегодня, я ощущаю себя так, словно украла тебя у нее.

- Нет, - говорит он, облегчение вспыхивает на его лице, пока он убирает волосы с моего лица и целует в щеки. - Конечно же, мы расстались до того, как я встретил тебя.

Мать твою. Я должна спросить.

- Но сколько прошло времени, как ты ушел от нее?

Его лицо снова меняется, и я почти могу слышать, как тикает время, пока он колеблется с ответом.

- Ансель.

- Пара дней.

Мое сердце захлебывается, и я закрываю глаза, не способная смотреть на него.

- Она съехала из этой квартиры, пока тебя не было, так?

Опять колеблется.

- Так.

- Ты расстался со своей девушкой, с которой был шесть лет, за несколько дней до того, как женился на мне.

- Ну, технически, мы уже были не вместе три недели, когда я встретил тебя. Я проехал на велосипеде по Штатам до Вегаса. - Напоминает мне он. - Но, казалось, что наши отношения закончились задолго до этого. Мы оба знали, что все кончено. Она цепляется за то, чего больше не существует. - Он прижимает ладони к моим щекам и ждет, пока я посмотрю на него. - Я не искал ничего, Миа, но поэтому я доверяю своим чувствам к тебе. Я никогда не хотел кого-то так, как хочу тебя. Это так отличается от всего, что я знал. - Когда я ничего не отвечаю. - Могу я рассказать тебе сейчас? Обо всем?

Не утруждаю себя ответом. С одной стороны, по-моему, немного поздновато для исповеди. С другой стороны, ненормальная часть меня хочет узнать все.

- "Разъезжай и Сооружай" начался в мае, и продолжался до сентября. - Начинает он. - Финн, Олс, Перри и я сблизились буквально за несколько дней. Это был такой опыт, ну, который объединил всех вместе, и в это время какая-то дружба становилась крепче, а какая-то слабела? С нами так и произошло. - Он делает паузу, пробегаясь пальцами по моей руке. - Но роман с Перри не закрутился сразу же, по крайней мере, не в сексуальном плане. Она хотела этого. Оливер и Финн всегда утверждали, что она хотела, чтобы между нами было что-то большее с самых первых дней. Кажется, я понял, о чем они толковали в июле? И в августе, я чувствовал такую привязанность и дружбу ко всем им, поэтому хотел дать ей что-нибудь. - Он отстраняется, смотря на меня при тусклом свете луны, и продолжает. - Что касается секса. То мы были любовниками только два раза за все это путешествие. Случайная ночь в августе, и мы были очень пьяны. Спустя несколько недель, которые были жутко неловкими и перегруженными, мы провели последнюю ночь вместе перед окончанием путешествия.

Мой желудок сжался от странной смеси облегчения и боли. Закрываю глаза, прогоняя образы его рук на ее теле, его рта наполненного ее вкусом.

- После этого, Перри вернулась сюда, а я переехал в Нэшвилл для учебы. Мы были вместе, но никогда даже не обсуждали это. Она считала, что мы были парой, и я хотел дать ей это. Мы видели друг друга может два раза в год, и все, что я говорил тебе, было правдой. Она хорошо узнала меня, пока мы разъезжали по Штатам. Но мне было *двадцать два*. Я был другим мужчиной тогда, нежели сейчас, и мы отдалились очень быстро друг от друга.

Он понижет голос, и в нем слышится боль. - И как все интрижки, наши отношения не всегда были страстными, Миа. Они были... - Он матерится, ладонью потирая лицо. - Как в... как вы говорите? - Он смотрит на меня, и я отворачиваюсь, не способная сопротивляться его очарованию, и его губам, которые надулись, пока он подбирает слово. - *Cendrillon*? Сказка с мачехой?

- Золушка? - предполагаю я.

Он щелкает пальцами, кивая, и продолжает.

- Как в Золушке. Думаю, мы оба хотели примерить стеклянную туфельку. Поняла?

- Да.

- Она была той, кому я изменил, дважды. И это моя самая постыдная вещь, Миа. Я понял, что больше не могу так делать, я клялся не поступать, как отец, хорошо? Я позвонил ей тогда, чтобы поступить правильно и разорвать отношения с ней... - он останавливается, глубоко

вдыхая. - Перри не могла дождаться момента, рассказать мне о том, что она отклонила предложение работать над проектом в Ницце, чтобы мы, наконец, могли быть вместе в Париже.

Отвожу взгляд, отказываясь чувствовать себя плохо из-за него.

- Поэтому я... - он затихает, подбирая нужные слова, и я более чем рада помочь ему с этим.

Он кивает.

- Хорошо. Да. И было не справедливо по отношению к ней. Мне следовало прекратить все это.

- Мы оба в курсе, что я приехала сюда, сбегая от своих проблем. Но все это время, ты поступал как какой-то благодетель, хотя на самом деле *тоже* бежал от своих. Ты использовал меня, избегая необходимости разобраться с ней. Ты импульсивен и творишь вещи, не подумав сначала, и посмотри, ты женился на мне. Ты убедил себя, что ответственен за это, или пытался правильно поступить, взяв меня с собой, но на самом деле, ты просто пытался исправить свои прошлые ошибки с Перри. И я стала твоим способом, чтобы исправить все. Я - твоё доказательство того, что ты не похож на своего отца.

- *Noп*, - возражает он, голос остр, словно лезвие. - Да, я избегал проблемы с твоей помощью. Но не для того чтобы доказать что-то себе, или загладить вину. Мне не следовало покупать тебе билет. Не следовало поджидать тебя в зоопарке. Я *знаю*, что не похож на отца. Поэтому я так разочаровался в себе тем, как поступал с Перри. Но делал я это с твоей помощью потому, что *влюбился* в тебя.

Слова эхом разнеслись по комнате, пока не потонули в звуках клаксонов, мотоциклов, и в урчание грузовичков на мощенных улочках в этот поздний час. Даже не знаю, что и думать. Сердце подсказывает, чтобы я доверяла ему, что он не намеренно скрывал от меня правду по каким-то гнусным причинам, и что было неловко, и очень сложно подобрать подходящее время.

Но мой мозг твердит мне, что все это бред сивой кобылы, и что если бы он хотел между нами реального доверия, то он бы не использовал ее прозвище со мной, он просто бы рассказал мне, кем она была для него, что они жили *сдесь* вместе, и что один из его самых близких друзей теперь его экс-*fiancee*. Я хочу пнуть его за утаивание правды в нашем самом безопасном месте посреди ролевой игры, и посреди честности, которую она давала нам.

И дело не в его прошлом. Дело в том, что он держал меня в неведение, утаивая меня от остальной части его жизни, продолжая врать, пока, по его мнению, мы не достигнем определенного этапа, когда он смог бы открыться мне. И в действительности, намеренно он делал это или же нет, уже не имеет значения. Возможно, он не думал, что мы проведем вместе все лето.

- Ты чувствовала реальную страсть ко мне? - спрашивает он тихо. - Я переживаю, что разрушил это.

Едва дыша, я киваю, волнуясь, что отвечаю на оба вопроса: на прямой и переносный. Страсть, которую я ощущаю к нему, так сильна, что она толкает меня в его руки сейчас, даже если ощущаю безумие. Моя кожа, кажется, гудит от тепла, когда я приближаюсь к нему. Его запах подавляет. Но все рано боюсь, что он разрушил это.

- Никогда не чувствовал такого, - шепчет он в мои волосы. - Любви, как эта.

Но мой мозг продолжает возвращаться к тому же вопросу, к тому же тайному предательству.

- Ансель?

- Ммм? - Его губы проходятся по моему виску.

- Как ты мог рассказать ей об аварии? Что тебя натолкнуло на мысль, что в порядке вещей, поделиться с ней об этом?

Ансель застывает рядом со мной.

- Я *не* делал этого.

- Она узнала, - говорю я, и гнев снова начинает полыхать во мне. - Ансель, она узнала, что меня сбили. Узнала о моей ноге.

- Но точно не от меня. - Уверят он. - Миа, клянусь. Если она и услышала что-то о тебе - твоё имя, или то, что ты моя жена - то только от Оливера или Финна. Они все ещё друзья. Для всех это так странно. - Он пытается поймать мой взгляд, понижая голос, пока говорит. - Я не понимаю, зачем она заговорила с тобой. Зачем подошла к тебе. Она знала, что мне это не понравится.

- Ты разговаривал с ней по телефону. - Напоминаю ему. - Он явилась сюда посреди ночи. Ты виделся с ней во время обеда, когда был слишком занят даже для завтрака со мной. Возможно, она не думает, что между вами двумя все по правде кончено.

Несколько секунд занимает у него, чтобы ответить, но его руки собственнически пробегают по моей груди, скользя пальцем по горлу.

- Она знает, что все кончено. Но я не буду претворяться, будто этот разрыв был легким. Ей было не просто знать, что ты тут со мной.

В его голосе мягкость, с которой я не могу совладать, сочувствие к ней и к тому через что она прошла, приводит меня в бешенство. Где-то в уголке своего здравомыслящего ума, я рада его заботе о том, как это влияет на нее. Это значит - он не окончательный мудака. Это значит - он хороший парень. Но реально, он так чертовский облажался, но моя способность восхититься им никуда не делась, хотя я - все еще злюсь.

- Угу, я бы не слишком беспокоилась, уверена, она ушла оттуда с чувством превосходства. - Отталкиваю его, когда он тянется ко мне.

- Миа, это не...

- Просто остановись.

Он хватается мою руку, когда я начинаю уходить, и разворачивает меня прижимая спиной к стене, смотря на меня таким напряженным взглядом, что мурашки пробегают по коже.

- Не хочу, чтобы это было тяжело для тебя. - Говорит он терпеливым тоном. - И я знаю, что то, как я пытался с этим справиться, было не правильно.

Закрываю глаза, сжимая губы, чтобы подавить вибрирующий гул, который я ощущаю от его решительного прикосновения. Хочу оттолкнуть его, хочу схватить за волосы и ощутить, как он всем весом придавливает меня.

- Я следил за *тобой* от самой квартиры, - напоминает он мне, наклоняясь и целуя в челюсть. - Я *знаю*, что она уже не моя забота. Но если то, что она чувствует ко мне, хоть часть тех чувств, которые я испытываю к тебе, то я хочу быть осторожнее с ее сердцем, потому что я не представляю, что сделаю, если ты оставишь меня.

Не возможно, чтобы одними словами он смог заставить меня ощутить, как мою грудь разваливается.

Он облизывает мою мочку, бормоча:

- Это ломает меня. Мне нужно знать, что в данный момент ты в порядке.

Его руки отчаянно усиливают хватку на моем теле. Возможно, чтобы отвлечь меня, или успокоить себя. Его руки съезжают вниз по моим бедрам, сжимая мою юбку в кулак и приподнимая ее.

- Ансель... - предупреждаю я, но даже, когда я отворачиваюсь от его губ, мой таз невольно поддается к его прикосновениям.

Мои руки сжимаются в кулаки по бокам, желая большего, желая грубого. Нуждаясь в утешение.

- Ты в порядке? - спрашивает он, целуя мое ухо.

Я не отворачиваюсь, когда он снова целует мой подбородок, и даже тогда, когда он двигается выше, глаза расширены и осторожны, когда он целует меня в губы. Но когда его рука двигается между моих ног, он рычит.

- Я сделаю тебя настолько влажной.

- Ты не можешь исправить это сексом.

Он отстраняется, в глазах замешательство.

- Что?

Недоверчиво смотрю на него.

- Думаешь, можешь меня успокоить, заставив *кончить*?

Он выглядит сбитым с толку, и почти сердитым впервые.

- Если это успокоит тебя, если заставит почувствовать тебя лучше, тогда какая к черту разница, *как это произойдет*? - Его щеки вспыхивают разгоряченным румянцем. - Разве это не то, что мы делаем все это время? Находим способ стать супругами, чтобы стать *ближе*, даже, когда вещи пугают, в новинку или просто ебать какие сюрреалистические?

Я забила на это, так как он был прав. Это именно то, что мы делали, и я хочу забыться сейчас. Отвлечение, привыкание, неразбериха - чем бы это ни было, я хочу этого. Хочу перестать говорить об этом. Хочу, чтобы он вытолкнул все сомнения из моей головы и подарил мне часть себя, которую увижу только я.

- Отлично. Отвлеки меня. - Дерзко говорю ему, сжимая зубы. - Посмотрим, в твоих ли силах заставить меня забыть о безумии, которое я ощущаю.

Требуется время, пока до него доходит смысл моих слов, прежде чем он снова накидывается на меня, зубами покусывая мою челюсть. Выдыхаю через нос, и моя голова откидывается на стену, и я просто отдаюсь его рукам. Он возвращается к моей талии, действуя грубее, дергая вверх рубашку и стягивая ее через голову, прежде чем он спускает мою юбку по бедрам и не оставляет лужицей лежать у ног.

Но даже когда он трогает меня там, втягивая через зубы воздух и шепча:

- *Tu es parfaite*, - я не могу прикасаться к нему с нежностью.

Я чувствую себя карающей, эгоистичной и все еще такой злой. Это сочетание выталкивает из моего рта сдавленный звук, а его рука останавливается, отводя в сторону полоску моего белья.

- Сердись, - шипит он. - *Покажи*, какова ты в гневе.

Проходит секунда, прежде чем слова слетают с моего языка, и она больше походит на рычание, что не свойственно мне.

- Твой рот.

Я выпускаю девушку, которая позволяет себе ощутить гнев, которая может наказать. Я пихаю его в грудь сильно, обе ладони к грудным мышцам, и он пятится назад, губы раскрыты, и глаза широко раскрыты и в них плещется возбуждение. Снова толкаю его, он ногами спотыкается о кровать и падает на нее. Он отползает к спинке кровати и смотрит, как я следую за ним, взбираюсь на него, пока мои бедра не оказываются на одном уровне с его лицом, затем тянусь к его волосам и хватаю горсть в кулак.

- Я *не* в порядке. - Говорю ему, отталкиваю его голову, когда он пытается поднять ее, чтобы поцеловать меня, облизать, а может даже и укусить.

- Знаю. - Глаза темны и настойчивы. - *Знаю*.

Опускаю бедра и слышу примитивный стон, вырывающийся из моего горла, когда его рот открывается, а его язык касается клитора. Он посасывает, подняв руки к моим бедрам и сжав их крепко. Он распяляется и желает, издавая идеальное рычание и довольные стоны, когда я начинаю раскачивать бедрами, объезжая его все еще с кулаком в его волосах.

Его рот нежен и груб, но он позволяет мне контролировать все - скорость, давление, и это так хорошо, но Боже, *я хочу тебя глубоко во мне, хочу почувствовать тебя в своем горле*.

Ансель смеется в мою кожу, и я понимаю, что сказала это вслух. Раздражение охватывает меня, наравне с румянцем, и я отодвигаюсь, униженная. Уязвленная.

- Нет, - шепчет он. - Нет, нет. *Viens par ici*. - *Вернись*.

Заставляю его заработать это. Пальцы уговаривают, а его мягкие звуки умоляют, пока, наконец, он не тянет мои бедра вниз и подстрекает меня пальцами, прижатыми к моей коже, снова следовать за своим удовольствием, давая ему то, в чем он нуждается в этой перевернутой игре, и объезжая его лицо.

Мое тело покалывает во всех местах - вдоль шеи, вниз по рукам, ощущая гиперчувствительность и жар. Но чувствительность почти невыносима, там, где он лижет меня. Это так хорошо, что почти невозможно, что я могу быть так близко к краю, так быстро

слишком быстро

так блятьчертовски быстро

и я срываюсь.

Я опрокидываюсь вперед, пальцы сжимают спинку кровати так сильно, что видны сухожилия. Кончаю, вскрикиваю, прижимаю бедра так сильно к его лицу, что не знаю, как он дышит, но он становится еще необузданнее подо мной, руки удерживают мои бедра, не позволяя двигаться, пока мои мышцы не расслабятся, и пока он не ощущает губами, что оргазм затихает.

Ощущаю опустошенность и обожание, когда плюхаюсь, словно без костей, на кровать. Чувствую его страх, любовь, панику и наконец, позволяю вырваться рыданию, которое я сдерживала часами. В тишине, мы оба понимаем одну вещь: я ухожу.

Он прижимается к моему уху, и его голос настолько пьян, что едва понятен, когда он спрашивает:

- Ты когда-нибудь ощущала, будто свое сердце сжимается в груди, словно кто-то в кулаке сдавил его?

- Да, - шепчу, закрыв глаза. Не могу смотреть на него такого. Не могу видеть печаль, которую я увижу в его лице.

- Миа? Миа, мне так жаль.

- Знаю.

- Скажи мне, я же ведь еще... нравлюсь тебе.

Не могу. Мой гнев устроен по-другому. Поэтому, вместо того чтобы подождать, когда я отвечу, он наклоняется и целует меня в ухо, плечо, шепчет какие-то слова в шею, которые я не понимаю.

Медленно, мы переводим дух, его рот находит мой. Он всегда целует меня так - и я позволяю ему это - это единственный, способ сказать ему, как я люблю его, при этом прощаясь.

Кажется, все идет против моих инстинктов: я должна вылезти из постели одна и одеться в темноте, пока он спит. Тихо, насколько возможно, выживаю свою одежду из его комода и кладу ее в чемодан. Паспорт лежит там, где он и говорил - в верхнем ящике комода - и это небольшое напоминание, помогает мне не развалиться. Оставляю почти все твои туалетные принадлежности, паковать их будет слишком шумно, а я не хочу разбудить его. Я буду скучать по своим новым модным кремам для лица, но не думаю, что смогу уйти от него, если он проснется, и будет наблюдать за мной тихо, а особенно если попытается отговорить.

Нерешительность, к которой начинаю прислушиваться - может отправить ему сообщение, хотя не уверена, что это - лучшая идея, которая когда-либо была у меня - поэтому я не делаю этого. Едва смотрю на него - все еще почти одет, растянулся поверх одеяла - в то время, как я упаковываю вещи, одеваюсь, и обыскиваю стол в гостиной в поисках листка бумаги и ручки.

Последний раз захожу в комнату, посмотреть на него. Не могу отвести взгляд. Только теперь, я осознала, что у меня не было времени оценить, каким, до смешного, горячим, он был вчера вечером. Темно-синяя рубашка на пуговицах - идеально сидящая на его широкой груди и узкой талии - на горле она чуть распахнута, и мне сразу же хочется наклониться и пососать мои любимые изгибы: от шеи к груди, от груди к плечам. Его джинсы изношенные и идеально потертые в самых лучших, так хорошо знакомых местах. Над бедром дорожка кнопок. Он даже не снял свой любимый коричневый ремень перед сном - он просто расстегнул его, и теперь штаны сползли низко по бедрам - вдруг, мои руки начинают чесаться, желая вытащить ремень из петель, чтобы увидеть, ощутить и попробовать еще раз его кожу.

Но я не могу сделать это, но представляю себе, как вижу его пульс на горле, как пробую теплую кожу на шее языком. Его сонные руки бы запутались в моих волосах, пока я стягивала бы с него боксеры. Я даже знаю, что увидела бы отчаянное облегчение в его глазах, если бы разбудила его прямо сейчас - не для прощания, а для того, чтобы последний раз заняться любовью. Сказать ему, что прощаю. Без сомнения, примирительный секс с Анселем был бы настолько хорош, что я бы забыла, пока он касался меня, что между нами расстояние.

И теперь, когда я здесь, пытаюсь тихонько уйти от него, не разбудив, это полностью показывает то, что я не могу прикоснуться к нему снова, прежде чем покину его. Проглатываю большой и тугий комок в горле, рыдание вырывается из меня резким выдохом, словно пар под давлением из чайника. Боль такая, будто меня ударили кулаком в живот, наказывая меня снова и снова, пока я не желаю ударить ее в ответ.

Я - дура.

Черт. Но и он тоже.

Время оттикивает длинные и такие болезненные секунды. Мне требуются все усилия, чтобы оторвать глаза от того места, где он лежит, к ручке с листочком в моей руке.

Что, черт возьми, я должна написать здесь? Скорее всего, это не прощание. Если я и знаю что-то о нем - и да, я в этом уверена, неважно насколько мала была та капля знаний, которую он мне вчера дал - то, это то, что он не перестанет звонить и писать. Мы увидимся снова. Но я уйду, пока он спит, и, учитывая его работу, я, возможно, увижу его только через месяцы. Это не самый подходящий момент для записки скоро-увидимся.

Поэтому пишу самую простую и честную записку, даже если мое сердце, кажется, скручивается в узел в моей груди.

Это не конец. Просто сейчас не время.

Со всей своей симпатией к тебе,

Миа.

Мне действительно нужно разобраться в своем беспорядке, прежде чем я обвиню его за то, что засунул проблемы во всем известную коробку и затолкал ее под всем известную кровать.

Но, блять, хотела бы я, что бы это было *сейчас и навсегда*.

Глава 20

На улице все еще темно, когда я ступаю на тротуар, и за мной закрывается подъездная дверь.

Такси уже ожидает меня, фары погашены. Машина работает в холостую, припаркованная на обочине. Фонарь, возвышающийся над ней, окутывает ее своим желтым светом. Водитель смотрит на меня поверх журнала, выражение угрюмое, лицо все в морщинах от, кажется, постоянного отвращения на нем.

Внезапно осознаю, как выгляжу в данный момент - на голове воронье гнездо, под глазами растекся вчерашний макияж, темные джинсы, темный свитер - словно какой-то преступник, крадущийся в тени. Фраза "скрыться с места преступления" вертится в моей голове, и я в каком-то роде ненавижу то, как точно она ощущается.

Он выходит из машины и встречается меня позади нее, уже открывая багажник и отстраняя от сморщенного рта тлеющую сигарету.

- Американка? - спрашивает он, его акцент такой же сильный, как и клубы дыма, которые он выпускает с каждым слогом.

Раздражение давит на мои нервы, но я лишь киваю, не потрудившись спросить, как он узнал, или *зачем* спросил, потом, что уже знаю ответ: я выгляжу банально. Либо он не замечает моего молчания, либо ему наплевать, так как он берет мой чемодан, без труда поднимает и заталкивает в багажник.

Это - та же самая сумка, с которой я прилетела, та же самая, которую я спрятала после нескольких дней, потому что она выглядела слишком новой и неуместной посреди теплой и уютной квартиры Анселя. По крайней мере, это то, что я твердила себе тогда, засовывая ее подальше, в рядом стоящий шкаф, с его дверью в спальню, туда, где он не будет ежедневно напоминать о моем непостоянстве здесь, или о том, что моему месту в его жизни придет конец, как только лето закончится.

Открываю дверь со своей стороны, сажусь внутрь, закрываю ее так тихо, как только могу. Знаю, насколько хорошо звуки слышны из открытого окна, и я абсолютно не позволяю себе оборачиваться или представлять его, лежащего на кровати, проснувшегося в пустой квартире или услышавшего звук захлопывающейся двери такси на улице.

Водитель плюхается на сиденье впереди меня и встречается со мной взглядом в зеркале заднего обзора, смотря выжидающе.

- Аэропорт. - Говорю ему, быстро отворачиваясь.

Не знаю, что чувствую, когда он переключает коробку передач и скользит по улице. Грусть? Да. *Беспокойство, злость, панику, предательство, вину?* Все из перечисленного. Совершила ли я ошибку? Было ли это одним гигантским плохим выбором после всего? В любом случае, я должна была уехать, повторяю себе. Просто это произошло немного с опережением графика. И даже если бы я не сделала этого, все равно было бы правильным дать друг другу какое-то пространство, перспективу, внести ясность... так ведь?

Мне почти смешно. Во мне бурлят все чувства, но ясность не одно из них.

Я так сильно разрываюсь между раздумьями: *прошлая ночь не была большим делом и вчерашний вечер окончательно разорвал наше соглашение, между отъезд - правильный поступок, и обернитесь, ты совершаешь огромную ошибку!* От этого я начинаю сомневаться в каждой мысли в своей голове. Тридцать часов полета, в одиночестве со своими мыслями, станут настоящей пыткой.

Такси едет слишком быстро по пустым улицам, и мой желудок переворачивается так же, как и в то первое утро в Париже, но в этот раз совсем по другой причине. Часть меня, которая с радостью сейчас вывернула бы мой желудок на изнанку, предпочитает это, бесконечной, давящей боли, которую я испытываю с прошлой ночи. По крайней мере, я знаю, тошнота пройдет, и я закрываю глаза, претворяюсь, будто мир не вращается, будто нет на самом деле кровоточащей и разодранной дыры в моей груди.

Город сливается в пятно из камня и бетона, промышленные силуэты усеивают горизонт, так же, как и здания, которые стоят здесь на протяжении сотен лет. Прижимаю лоб к стеклу, и пытаюсь заблокировать в голове каждый момент, проведенный с Анселем в то утро. Каким милым и внимательным он был, и как я переживала, что разрушила все и все закончится, даже не успев начаться.

Солнце пока еще не взошло, но я могу разобрать деревья и лужайки, грязные пятна зеленого цвета, которые ограничивают дорогу и соединяют расстояние между постройками. Ощущаю самое жуткое чувство, будто возвращаюсь назад сквозь время и стираю все.

Вытаскиваю телефон и загружаю приложение авиакомпании, вхожу в систему, и ищу доступные рейсы.

Мое решение уйти выглядит еще более явными в слишком-ярком-свете экрана, которой прорезает темноту, обратно ко отражаясь мне, в окнах с моей стороны.

Тыкаю на экране в строку "Город прибытия" и почти смеюсь над моей выдуманной дилеммой выбора, потому что уже знаю, что собираюсь сделать.

Первый рейс будет примерно больше, чем через час, и, кажется, слишком просто сделать нужный выбор и заказать обратный путь без заминки.

Готово, отключаю телефон, откладываю его в сторону, и начинаю наблюдать за пробуждением города по ту сторону стекла.

Не было никаких сообщений, поэтому смею предположить, Ансель еще спит, и если закрыть глаза, то могу увидеть его, растянутого на матрасе в приспущенных на бедрах джинсах. Помню, как его кожа выглядела при плохом освещении, пока собирала свои вещи, помню, как тени окутывали его, словно холст покрытый углем. Но не могу даже представить то, как он проснется и поймет, что я ушла.

Такси паркуется на обочине, и я смотрю на счетчик. Мои пальцы дрожат, когда я нахожу свой бумажник и отсчитываю плату за проезд. Широкие, цветастые купюры по-прежнему такие чуждые в моей руке, что в порыве сворачиваю все в кучу и передаю их в ладонь ждущего водителя.

В самолете нет ни телефонов, ни электронной почты. Я не потрудилась заплатить за интернет и поэтому нет ничего, что могло бы отвлечь меня от воронки образов и слов, которые эхом доносятся до меня в драматичном - и сводящим с ума - замедленном действии: выражение лица Перри, медленно превращающееся из любезного в расчетливое, из расчетливого в злое. Ее голос, когда она спрашивала, нравилось ли мне спать в ее кровати, с ее *fiance*. Звуки шагов Ансея, наших выкрикивающих слов. Ощущение проносающейся крови в моей голове, мой пульс заглушающий все вокруг.

Помимо нескольких часов сна, мне придется слушать эту заевшую пластинку в течение всего полета и, если такое вообще возможно, я почувствую себя еще хуже, когда мы, наконец,

приземляемся.

Иду словно в тумане из самолета к таможне, для получения багажа. Мой одинокий громоздкий чемодан ожидает меня, вращаясь на карусели. Он больше не выглядит как новенький, покованный в нескольких местах, он выглядит так, словно его бросали и роняли, пойманный в движущейся конвейерной ленте. Выглядит очень похоже на то, что я чувствую.

В ближайшем кафе, я достаю свой лэптоп и открываю файл под названием "Бостон", который старательно избегала все лето.

Внутри вся нужная мне информация о бизнес-школе, e-мейлы с расписанием и ориентировки, которые приходили в последние несколько недель, и которые я благополучно игнорировала и прятала в безопасное место, пообещав себе, разобраться с ними позже.

По-видимому, *позже* настало сегодня.

С энергией, подпитываемой чайником с кофе и растущим напряжением из-за принятия, в конце концов, верного решения, я вхожу на студенческий портал Бостонского Университета МВА.

Отказываюсь от финансовой помощи.

Отказываюсь от места в программе.

И наконец, принимаю решение, которое должна была принять давным-давно.

Звоню своему бывшему научному руководителю и готовлюсь к унижению.

Рассматриваю раздел "сдам в аренду" в местной газете. Часть сделки была такой, если я соглашаюсь поступить в аспирантуру, тогда отец будет платить за мою квартиру. Но после того, что я сейчас сделала, не думаю, что он поддержит меня, даже если я в ситуации, которая кажется лучшим компромиссом. Уверена, он, скорее всего, сломает что-нибудь голыми руками, нежели даст мне хоть копейку. В любом случае, я больше не могу жить под его контролем. Жизнь в Париже довольно таки подкосила мой бюджет, но после быстрого осмотра объявлений, я обнаружила несколько местечек, которые могу себе позволить... особенно, если смогу отыскать работу в кратчайшие сроки.

Я еще не готова включить свой телефон и встретится лицом к лицу с горой пропущенных звонков и смс-ок от Анселя - или еще хуже, встретиться ни с чем. Поэтому я использую таксофон напротив супермаркета "7-Eleven" ниже по улице от кофейни.

Сначала звоню Харлоу.

- Аллё? - говорит она с очевидным недоверием к неизвестному номеру. Я так скучала по ней, что чувствую, как слезы собираются в уголках глаз.

- Эй. - Говорю я одно слово, которое выражает всю мою тоску по дому.

- О, мой Бог, Миа! Где, блядь, ты была? - Наступает пауза, в которой я представляю ее, отстраняющей телефон от уха и смотрящей снова на телефонный номер. - Святое дерьмо ты тут?

Проглатываю рыдание.

- Я приземлилась пару часов назад.

- Ты дома? - Вскрикивает она.

- В Сан-Диего.

- Почему ты тогда не у меня дома все еще?

- Мне нужно было кое-что организовать. - *Что-то типа моей жизни.* Во Франции, я нашла свое призвание. Теперь мне просто нужно поднапрячься.

- Организовать? Миа, что случилось с Бостоном?

- Послушай, я объясню позже, но можешь ли ты поговорить со своим отцом ради меня? - Вдыхаю прерывисто. - О моем аннулировании. - Вот оно, слово, которое, маячило за моими мыслями. Сказать его вслух отстойно.

- Ох. Все пошло по наклонной.

- Это сложно. Просто, поговори с отцом для меня, хорошо? Мне еще кое о каких вещах нужно позаботиться, но я еще позвоню тебе.

- Пожалуйста, приезжай ко мне.

Прижимаю руку к виску, и заверяю ее:

- Завтра. Сегодня мне нужно освежить свою голову.

После долгой паузы, она говорит:

- Я скажу, чтобы папа позвонил своему адвокату сегодня, и дам тебе знать, что он скажет.

- Спасибо.

- Тебе что-нибудь еще нужно?

Сглатываю и отвечаю:

- Не думаю. Собираюсь поискать квартиры. После того как устроюсь в мотеле и отдохну.

- Квартиры? *Мотели?* Миа, просто приезжай и останься со мной. У меня много места, и мы можем определенно поработать над моей громкостью во время секса, если ты станешь моей соседкой.

Ее квартира была бы идеальным вариантом, она находится в Ла-Хойе, идеально близко к пляжу и университетскому городку, но сейчас, когда мой план сформирован, ничто не нарушит его.

- Знаю, что звучу как психопатка, Харлоу, но обещаю, я объясню, по какой причине так поступаю.

После пары продолжительных секунд, ощущаю ее безмолвное согласие, и для Харлоу, оно было удивительно простым. Должно быть, я звучу такой же решительной, как и чувствую себя.

- Хорошо. Люблю тебя, Сахаринка.

- И я тебя.

Харлоу присылает на электронную почту короткий список мест, которые мне стоит посмотреть, с ее мыслями и комментариями к каждому адресу.

Я уверена, она позвонила риелтору ее родителей и попросила подобрать квартиры по определенным параметрам технической безопасности, размерам и цене, но даже притом, что она не знает, где я хочу жить, я так благодарна Харлоу за ее назойливую привычку, что почти от этого плачу.

Первая квартира, которую я смотрю, милая и определенно входит в рамки моего бюджета, но она слишком далека от Калифорнийского университета. Вторая - так близка к университету, что могу дойти до него пешком, но она прямо над китайским ресторанчиком. Проспорив с самой собой целый час, я решаю, что не могу пахнуть как Кунг Пао двадцать четыре часа в день.

Третья - описывается как, "уютная", с мебелью, над гаражом, в тихом жилом районе и в двух кварталах от автобусной остановки, которая на прямую ведет к университету. И спасибо Боже, после оплаты счета за долгосрочную парковку машины у аэропорта, я не могу позволить себе парковку в кампусе. Радость переполняет меня из-за того, что объявление о сдаче квартиры вывесили только сегодня утром, так как уверена, ее бы быстро захватил кто-нибудь другой. Харлоу - богиня.

Вся улица засажена деревьями, и я останавливаюсь напротив широкого желтого дома. Просторная лужайка расположена по обеим сторонам каменной дорожки, а входная дверь выкрашена в изумрудный. Тот, кто живет здесь, нашел общий язык с растениями, так как двор - безупречен, а клумбы играют буйством цветов.

Это мне напоминает о Ботаническом саде, и о дне, который я провела там с Анселем, пытаюсь выучить - но быстрее забывая - названия всего на французском. Мы гуляли, часами держась за руки, с перспективой для будущего, в котором я могла бы повторить это с ним, когда бы ни захотела.

Женщина, которой принадлежит дом, Джулиана. Она впускает меня внутрь, и все в доме настолько близко к идеальному, насколько я себе представляла. Она - крошечная, но теплая и уютная с желтовато-коричневыми стенами и с ярко белой отделкой. Кремовый диван стоит в центре гостиной. Один угол открывает нам маленькую кухню с окном на двор. Открытая планировка так сильно напоминает мне о квартире Ансея, что мое сердце пронизывает болью. Закрываю глаза и глубоко вдыхаю.

- Одна спальня, - говорит она, пересекая помещение и включая свет.

Следую за ней и заглядываю в комнату. Кровать королевского размера занимает почти все место, а над ней подвешено пара книжных шкафов.

- Ванная там. Я обычно уйду до того, как восходит солнце, так что ты можешь здесь хозяйничать.

- Спасибо. - Говорю ей.

- Шкаф - маленький, ужасный напор воды, и я гарантирую тебе, что мальчишки, которые ухаживают за лужайкой, превратятся в настоящих свиней, когда увидят тебя, но здесь мило и тихо, а также есть стиральная машинка и сушилка в гараже. Ты можешь использовать их в

любое время.

- Идеально, - говорю я, осматриваясь. - Стиралка и сушка - звучат как настоящий рай, и я, безусловно, смогу справиться с мальчишками-свиньями.

- Ура! - восклицает она, широко улыбаясь, и в отчаянный миг, когда мой пульс зашкаливает, я представляю, как живу здесь. Езжу на автобусе в университет, пытаюсь понять свое предназначение в жизни в этой милой студии над гаражом. Хочу сказать ей, *пожалуйста, позвольте мне въехать сейчас.*

Но, конечно же, она - целесообразна, и с извинением в глазах, просит заполнить анкету для проверки.

- Уверенна, все будет хорошо. - Подбадривает она, подмигивая.

Меня не было всего несколько недель, но резервирование номера в мотеле, заставляет меня чувствовать себя так, будто я вернулась в свой родной город, который давно эволюционировал без меня. Пока еду в мотель, обнаруживаю скрытый район Сан-Диего, который я никогда не изучала ранее, хотя этот уголок моего темного города кажется странно чужим. И мысль о том, что у меня может быть совсем другое будущее здесь, отличающееся от того, что я представляла, очень успокаивает.

Моя мама захочет убить меня, что я не осталась дома. Харлоу хочет убить меня, за то, что я не осталась с ней. Но даже в тусклом свете и какофонии на I-5 шоссе недалеко от моего окна, это именно то, что мне нужно. Я проверяла свой банковский счет уже пятнадцать раз с того момента, как приземлилась. И если бы я была осторожна, то могла бы начать учебу, и к тому времени - благодаря моему бывшему научному руководителю и человеку, который с трудом выбил место в программе MBA Калифорнийского Университета Сан-Диего - у меня была бы небольшая стипендия, чтобы сводить концы с концами. Но даже если арендная плата студии будет сносной, все равно будет тяжело, и мой желудок делает сальто, представляя себе возможность, попросить денег у отца. Я не разговаривала с ним больше месяца.

Ты замужем? У тебя есть супруг, не так ли? говорил Ансель, и *Боже*, это было так давно. Заворачиваюсь в простыни, которые пахнут отбеливателем и сигаретным дымом, вместо запаха летней травы и специй. Стараюсь изо всех сил дышать, и не впускать окончательно все свое дерьмо в девять вечера посреди темной комнаты мотеля.

Мой забытый телефон внезапно тяжелеет в моем кармане. Вытаскиваю его, мой палец зависает над кнопкой, прежде чем я наконец включаю его.

Потребовалось время пока включится телефон, и когда он наконец заработал, на экране высветилось двадцать два пропущенных звонка от Ансея, шесть голосовых сообщений, и еще больше смс-ок.

Где ты? - Первое сообщение.

Ты уехала, не так ли. Твой чемодан пропал.

Ты забрала не все.

Представляю его, проснувшегося и обнаружившего, что меня нет, затем представлю, как он ходит из комнаты в комнату, проверяя вещи, которые я забрала с собой и, какие оставила.

Твоего кольца здесь нет, ты забрала его? Умоляю, позвони мне.

Удаляю все остальные сообщения, но только не голосовые, часть меня, которая глубоко во мне, знает, что я захочу прослушать их позже, когда буду одна и буду скачать по нему. Ну, когда буду скучать по нему *сильнее*, чем сейчас. Даже не знаю, что ему ответить.

Теперь я поняла, что Ансель не может быть решением моих проблем. Он облажался, не рассказав мне правду о Перри и их совместном прошлом, но я вполне уверена, что это имело отношение больше к его глупости, нежели к желанию держать меня в неведение. По этой причине, нужно узнавать кого-то больше, *прежде* чем связывать себя узами брака с ним. И правда в том, что его ложь подходила мне. Я пряталась в Париже, используя его и тысячи милей между Францией и Штатами, чтобы избежать вещей, которые портят мою жизнь: отец, нога, неспособность построить новое будущее для себя, вместо того, которое я потеряла. Перри может быть абсолютной стервой, но она права в одном: единственным, кто двигался вперед в этих отношениях, был Ансель. Я была рада сидеть и ждать, пока он пойдет и завоюет мир.

Перекатываюсь на спину, и вместо того, чтобы ответить Анселю, я пишу групповое сообщение своим девочкам.

Думаю, я нашла квартиру. Спасибо за список, Х. Очень стараюсь не сорваться сейчас.

Позволь нам приехать к тебе в мотель. - Отвечает Харлоу. **Мы сходим с ума, не зная, что, черт возьми, творится.**

Завтра. - Обещаю я им.

Не унывай. - Пишет Лола. **Жизнь состоит из крошечных и ужасных моментов, и в промежутках между ними из громадных и потрясных.**

Люблю тебя. - Отвечаю я. Так как она права. Это лето было самым идеальным и удивительным отрезком в моей жизни.

Глава Двадцать первая

Джулианна - настоящая богиня, так как, она позвонила мне около восьми утра. С изменением времени, я не могла заснуть до пяти часов, и бродила по крошечной комнате мотеля как ненормальная, молясь, чтобы все получилось, и мне не пришлось тратить еще день на поиски квартиры.

- Алло? - Отвечаю я, держа дрожащей рукой телефон.

Я слышу улыбку в ее голосе.

- Готова переезжать?

Отвечаю ей самым благодарным - и восторженным - да, затем, после того, как вешаю трубку, я осматриваю грязный номер мотеля и начинаю смеяться. Готова перебраться в квартиру в десяти минутах от дома родителей, и у меня едва ли есть что-то, что я могу перевезти с собой.

Но прежде чем я уйду, мне нужно сделать еще один звонок. Мой отец отказывался признавать

мою страсть к танцам, или даже быть снисходительным к ним. Но есть человек, который *присутствовал* на каждом моем выступлении, который подвозил меня на все репетиции и концерты, который шил для меня в ручную все костюмы. Она накладывала мне макияж, когда я была маленькой, и наблюдала, как я сама делала это, когда стала старше, упрямее и независимее. Она плакала во время моих соло и вскакивала с места, подбадривая. *Только сейчас* я с ужасом осознаю, что мама терпела неодобрение отца годами, пока я танцевала, и она терпела его потому, что танцы были именно тем, чем я хотела заниматься. Она была со мной, когда в течение целого месяца я прожила в больничной палате, она, молча, отвезла меня в общагу КУСД, пока я была в депрессии и лишена радости всей моей жизни.

Я была не единственной, кто потерял мечту после аварии. Из всех людей в моей жизни, мама, без сомнения, поймет выбор, который я сделала.

Слышу шок в ее голосе, когда она отвечает на звонок.

- Миа?

- Привет, Мам. - Сжимаю глаза, борясь с эмоциями, которые, уверена, не улучшат мою артикуляцию.

Моя семья не обсуждает чувства, и лишь под угрозой пыток Харлоу, я научилась этому. Осознание щелкает во мне, о маминой стойкости, пока я была маленькой и того, что она сделала, чтобы помочь мне исполнить свою мечту, которую, вероятнее, мне следовало воплотить в жизнь давным-давно.

- Я дома. - Делаю паузу, добавив. - Я не поеду в Бостон.

Моя мама тихо плачет. Она во всем тихоня. Но я знаю ритм ее небольших затрудненных вздохов, а также знаю запах ее духов.

Диктую ей адрес своей квартиры, сообщаю ей, что переезжаю сегодня и, что расскажу ей все, когда она придет повидаться со мной. Мне не нужны мои вещи, и не нужны ее деньги. Мне, вроде как, просто нужна моя *мама*.

Сказать, что мы с мамой похожи, ничего не сказать. Когда мы вместе, мне всегда кажется, будто люди думают, я - ее версия Марти МакФлая, которая перенеслась сквозь время из восьмидесятых в наши дни. У нас одинаковая конституция, схожие карие глаза, оливковая кожа и темные, прямые волосы. Но, когда она появляется из своего громоздкого Лексуса на обочине, и я ее вижу впервые за более чем месяц, у меня ощущение, что я смотрю на свое отражение в зеркале комнаты смеха. Она выглядит, так же как и всегда - что значит, не совсем процветающе. Ее смирение, *оседлый образ жизни*, возможно даже я. Отец никогда не хотел, чтобы она работала вне дома. Отцу никогда не было дела до ее хобби: садоводство, керамика, озеленение. Она любит отца, но она смирилась с отношениями, которые не дают ей ничего.

Она кажется крошечной в моих руках, когда обнимаю ее, отстраняюсь и ожидаю увидеть беспокойство или сомнение - *ей не следует играть с огнем, Дэвид будет в ярости!* - но вижу только громадную улыбку.

- Ты выглядишь потрясающе, - говорит она, она разводит мои руки в стороны, осматривая меня.

Это... хорошо, это немного удивляет меня. Я приняла душ с плохим напором воды в мотеле, я не накрашена, возможно, исполнила грубый жест сексуального характера, чтобы добраться до стиральной машинки. Картинка в моей голове похожа на что-то между бездомным и зомби.

- Спасибо?

- Спасибо боже, ты не едешь в Бостон.

И с этим, она отворачивается, открывает багажник внедорожника и выуживает оттуда гигантскую коробку с удивительной легкостью.

- Я привезла твои книги, и оставшуюся одежду. Когда твой отец успокоится, ты можешь приехать и забрать то, что я забыла. - Она пялится на мое удивленное лицо, а затем кивает на машину.

- Хватай коробку и покажи мне свое местечко.

С каждой ступенькой, пока мы поднимались в мою квартиру над гаражом, понимание осеняет меня словно кувалдой по голове.

Моей маме нужна целенаправленность также как и каждому из нас.

И этой целенаправленностью должна быть я.

Ансель боялся столкнуться лицом к лицу с его прошлым, а я своим будущим.

Толкая открывая входную дверь, эта громадная коробка чуть ли не валится из моих рук, но я как-то умудряюсь дотащить ее до стола в гостинной-столовой. Мама ставит коробку с одеждой на диван и осматривается.

- Маленькая, но очень милая, Карамелька.

Она не называла меня так, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать.

- На самом деле, я отчасти, люблю ее уже.

- Могу принести тебе какие-нибудь фотографии из студии Ланы, если хочешь?

Моя кровь бурлит в моих жилах. Поэтому я вернулась домой. Моя семья. Мои друзья. Жизнь, которую я хочу построить здесь.

- Хорошо.

Без каких-либо еще дополнений, она садится и смотрит прямо на меня.

- Итак.

- Итак.

Ее внимание переключается на мою левую руку, висящую неподвижно сбоку. Только сейчас, я понимаю, что на мне все еще обручальное кольцо. Она не выглядит удивленной, даже на чуть-чуть.

- Как Париж?

С глубоким вздохом, я сажусь с ней на диван и вываливаю ей все, тараторя. Рассказываю ей, что думала, это будет моим последним *ура*, последним весельем до неопределенного момента, пока я не покончу с этим и чудесным образом не пойму, что хотела быть похожей на отца.

Рассказываю о встрече с Анселем, о том, что *он* как солнышко, и что я чувствовала, что была близка к признанию той ночью. Разгрузка. Облегчение.

Рассказываю о браке. Пропускаю все сто процентов из секс-части.

Рассказываю о побеге от моей жизни в Париж, о совершенстве города, и как это, чувствовать поначалу, просыпаясь по утрам и осознавая, что замужем за совершенно незнакомого человека. Но также, о том, что эти чувства прошли и их место заняли отношения, за которые не уверена, хотела ли перестать бороться.

И снова, пропускаю каждую деталь части с сексом.

Сложно объяснить историю с Перри потому что, как раз, как я начинаю, она должна понять, что эта причина, по которой я уехала. Поэтому, когда я добираюсь до части о вечеринке, и будучи загнанной в угол Зверем, я почти чувствую себя идиоткой, что не заметила его за милую.

Но мама не понимает. Она все еще задыхается, и именно, эта крошечная реакция, вызывает поток слез, потому что все это время, я задавалась вопросом, насколько я огромная идиотка. Неужели я настолько незначительная идиотка, что должна была остаться и прояснить все с самым горячим воплощением мужчины? Или я настолько калосальная идиотка, что не оставила выбора никому, чтобы даже рассмотреть самую малость?

Вопрос в том, будучи частью самой проблемы, ты не осознаешь, насколько на самом деле она - огромна.

- Дорогая, - говорит мама, и больше ничего. Не важно. Это единственное слово содержит в себе еще миллион других, которые выражают сочувствие и в каком-то роде безжалостную защищающую маму-медведицу. Но также: беспокойство об Анселе, поскольку я точно изобразила его. Он хороший и любящий. И ему *нравлюсь* я.

- Дорогая, - вторит она тихо.

Другое осознание поражает меня: Я спокойная не из-за заикания. Я спокойная, потому что я похожа на маму.

- Хорошо, итак. - Притягиваю коленки к груди. - Тут еще много чего рассказывать. И именно по этой причине я здесь, а не в Бостоне. - Рассказываю ей о прогулках по городу с Анселем, о наших разговорах, о бизнес-школе, о моей жизни, и о том, что я хочу *делать*. Рассказываю о том, что он тот, кто убедил меня - даже если он и не знает этого - вернуться домой и в свою старую танцевальную студию по вечерам, чтобы обучать других, а в течение дня учиться здесь в колледже, чтобы я была готова начать свой бизнес в один день. Обучать детей как двигаться и танцевать, несмотря на то, как хотят двигаться их тела. Заверяю ее, что профессор Чаттерджи согласилась принять меня в программу MBA КУСД на мой старый факультет.

Приняв все это, мама наклоняется и изучает меня некоторое время.

- Когда ты успела стать такой взрослой, Карамелька?

- Когда встретила его. - Уф. Словно кулаком ударили в живот. Мама замечает это. Она кладет свою руку на мою, лежащую на колене.

- Он кажется... хорошим.

- Он и есть хороший. - Шепчу я. - Исключая момент с утаиванием Зверя. Он невероятный. - Делаю паузу, затем добавляю. - Папа собирается вечно избегать меня?

- Твой отец - сложный человек, но так же, я знаю, что он умен. Он хотел, чтобы ты получила степень MBA, потому что у тебя есть *варианты*, а не потому, что ты должна быть как он. Дело в том, дорогая, что ты никогда не обязана была делать то, что он хотел. Даже он знает это, независимо от того насколько сильно он давит на тебя, чтобы следовать по его пути.

Поднявшись с дивана, мама направляется к двери и останавливается, пока я полностью погружаюсь в то, что я реально не знала хорошо своего отца.

- Помоги мне перенести остальную пару коробок, и затем я поеду домой. Приходи на ужин, на следующей неделе. Сейчас у тебя другие заботы, которые предстоит разрешить.

Я пообещала Лоле и Харлоу, что они смогут приехать ко мне, как только я перееду, но после распаковки вещей, я так вымотана, что не хочу ничего кроме сна.

Уже в кровати, я сжимаю телефон так сильно, что чувствую, как ладонь становится скользкой, борясь с тем, чтобы не перечитать в сотый раз постоянно приходящие сообщения от Анселя. Пришло одно, и я открыла его. В нем говорится: **Если бы я приехал к тебе, ты бы повидалась со мной?**

Хихикаю, потому что, несмотря ни на что, я не могу просто так взять и решить перестать любить его. Я бы никогда не отказалась от возможности повидаться с ним. Я даже не могу заставить себя снять обручальное кольцо.

Глядя на телефон, я открываю текстовое окошко и отвечаю впервые, с тех пор как оставила его спящего в квартире. **Я в Сан-Диего, в целостности и сохранности. Конечно же, я хотела бы увидеться с тобой, но не приезжай, пока идет разбирательство по делу. Ты работал слишком усердно, чтобы бросить все.** Перечитываю то, что написала и затем добавляю, **я никуда не денусь.**

Исключая возвращения в Штаты, пока ты спишь, думаю я.

Он отвечает сразу же. **Наконец то! Мия, почему ты уехала, не разбудив меня? Я тут с ума схожу.**

И следующее: **Я не могу спасти. Я скучаю по тебе.**

Закрываю глаза, не понимая до теперешнего момента, как сильно мне нужно было услышать это. Ощущения сильнее стягиваются в груди, канаты оборачиваются вокруг моих легких, сжимая их вместе. Мой осторожный разум твердит мне, что бы я сказала *спасибо*, но вместо этого, я быстро печатаю **я тоже**, и откидываю телефон на кровать, прежде чем скажу больше.

Так сильно скучаю по нему, что чувствую, будто затянута в корсет, неспособная вдохнуть достаточно воздуха в легкие. Когда я снова беру телефон в руки, уже следующее утро, и я пропустила три его сообщения: **Я люблю тебя**. Еще: **Пожалуйста, скажи мне, что я не испортил все**.

И еще: **Умоляю, Миа. Скажи что-нибудь**.

Это второй раз, когда я ломаюсь, потому что по времени я определяю, что он написал его в своем офисе на работе. Я могу вообразить его, уставившегося в телефон, неспособного сконцентрироваться или сделать что-либо, пока я не отвечу. Но я не делаю этого. Я сворачиваюсь калачиком и засыпаю, нуждаясь в отключке, словно в отсоединении от сети.

Снова беру свой телефон, и хотя это семь утра, Лола отвечает на первый гудок.

После чуть более часа, я открываю дверь и бросаюсь в кучу из рук и растрепанных волос.

- Грабастаем ее, - говорит голос через плечо Харлоу, и я ощущаю еще руки.

Вы никогда не знаете, что это даже не два месяца с моего, от чего я начинаю рыдать на плече Лолы, держась за них обоих, будто бы они могли уплыть.

- Я так скучала. - Говорю я. - Вы никогда никуда не уедите. По крайней мере, не далеко, с этим мы справимся. Я была в Европе. И теперь, я определенно могу сделать это.

Мы, спотыкаясь, перебираемся в мою крошечную гостиную, комок из слез и смеха. Закрываю за нами дверь. Поворачиваю, и вижу, как Харлоу изучает меня, заставляя меня почувствовать себя меньше.

- Что? - спрашиваю я, разглядывая свои штаны для йоги и майку. Теперь понимаю, что не выгляжу для красной дорожки, но ее осмотр кажется немного излишним.

- Полегче, Клинтон Келли. Я распаковывала все, а затем легла спать.

- Ты выглядишь иначе. - Говорит она.

- Иначе?

- Ага. Сексуальнее. Замужество пошло тебе на пользу.

Закатываю глаза.

- Предположу, что ты про мою округлившуюся грудь. У меня новое нездоровое пристрастие к *rain au chocolat*.

- Нет, - говорит она, приближаясь и изучая мое лицо. - Ты выглядишь... нежнее? В хорошем смысле слова. Женственнее. И мне нравятся, что твои волосы немного длиннее.

- И загар, - поддакивает Лола, плюхаясь на диван. - Ты выглядишь сногшибательно. Как и твоя грудь.

Смеюсь, протискиваясь рядом с ней.

- Вот что Франция - без работы и с кондитерской за углом - сделает с тобой.

Тишина воцаряется, и после, кажется, вечности тишины, я понимаю, что я единственная, кто должен учитывать тот факт, что я была во Франции, и что теперь я *здесь*.

- Чувствую себя ужасным человеком из-за того, как уехала.

Лола встречается со мной взглядом.

- Ты *не* ужасная.

- Ты можешь не согласиться, когда я все объясню.

Рука Харлоу уже взлетела в воздух.

- Не нужно. Мы знаем, что произошло, обойдемся без благодарностей тебе, ты скрытная задница.

Конечно же, она уже слышала всю историю. Если быть точнее то, Лола услышала это от Оливера, которому рассказывал Финн, которому подфартило позвонить Анселю через час после того, как он проснулся и обнаружил, что его жена и все ее вещи исчезли. Для кучки парней, они через-чур, болтливые.

Мы подлавливаем, друг друга в простой краткости, мы формировали наше прошлое почти двадцать лет, и намного легче выплескивать все во второй раз, с тех пор как я вернулась.

- Он облажался. - Обнадеживает Харлоу, когда я добираюсь до части, в которой мы направляемся вместе на вечеринку.

- Все понимают это. Судя по всему, Финн и Оливер говорили ему, просветить тебя по поводу ситуации на протяжении недель. Перри звонит ему все время, пишет ему постоянно, названивает Финну и Оливеру, болтая об этом без умолку. Их разрыв, казалось, не удивил никого, кроме нее, и это, ей кажется, подлежит обсуждению. Предположу, что Ансель волновался, что это отпугнет тебя, и считал дни до того, как он сможет вернуться сюда. Из всего, что я услышала, он абсолютно и по уши влюбился в тебя.

- Но мы все согласны, ему следовало тебе рассказать. - Говорит Лола. - Похоже, тебя это огорошило.

- Угу, - мычу я. - Впервые он берет меня на вечеринку, и эта милая девушка начинает говорить со мной, затем ее лицо меняется, и она превращается в демона мщения. - Склоняю голову на плечо Лолы. - И я знала, что у него были длительные отношения, поэтому я не знаю, почему это было таким препятствием, рассказать мне о Перри, о том, что он жил с ней, и даже о том, что они были помолвлены. Возможно, было бы странно, но он сделал еще страннее, сделав из мухи слона. Плюс, провести шесть лет с тем, кого ты даже не любишь? Это, кажется, безумием.

Лола затихает, и затем мямлит:

- Знаю.

Ненавижу это небольшое угрызение совести, когда критикую его вот так. Ансель был

сформирован своим опытом взросления в странных, собственнических, и наполненных предательством отношениях, в которых состояли его родители. Думаю, верность и преданность значит для него больше, чем романтическая любовь, или, по крайней мере, то, что, он думал, было у них. Так же мне интересно, сколько времени у него заняло с Перри, чтобы доказать, что он не такой непостоянный, как его отец. Уверена, что то, что он продолжает состоять со мной в браке, по крайней мере, что-то да значит - независимо от того, насколько это было моим настойчивым требованием в первую очередь. Мне нужно решить, нормально ли я отношусь к тому, что это касается и доказательства чего-то самому себе и любви ко мне.

- Как у него дела? - спрашивает Харлоу.

Пожимаю плечами и отвлекаю себя, играя с обрезанными кончиками волос Лолы.

- Отлично. - Говорю я. - Работает.

- Я не про это спрашивала.

- Ну, обо всех этих *разговорах* по телефону, вы ребята, скорее всего, знаете побольше меня. - Обрываю я, и в ответ спрашиваю. - Как Финн?

Харлоу пожимает плечами.

- Не знаю. Наверно, хорошо.

- Что значит, не знаю? Вы не виделись?

Она смеется и показывает пальцами имитированные кавычки в воздухе, пока повторяет вполголоса мои слова про то, что *они* виделись.

- Уверяю тебя, я отправилась в Канаду не ради блестящей личности или навыков общения Финна.

- Так, ты ездила туда ради секса.

- Ага.

- И как это было вернуться, достаточно хорошо?

- Не знаю. Если честно, мне он особо и не нравится. Он определенно красивее, когда не разговаривает.

- Ты и в правду провокатор.

- Мне нравится, что ты кажешься удивленной. Финн и я? Этому никогда не бывать.

- Хорошо, Миа, прекрати увиливать. - Спокойно встречает Лола. - Что произошло дальше?

Вздохнув, отвечаю честно:

- Не знаю. То есть, это то, что я как предполагается должна сделать, так? Бизнес-школа? Выяснить, что я хочу сделать со своей жизнью? В первую очередь, было безответственно смотреться во Францию. А вернуться домой - это взрослое решение. Так почему же мне все это кажется наоборот?

- Ох, не могу ничего сказать по этому поводу. - Бубнит Харлоу. - Возможно, потому что вы обдумывали этот новый план вместе?

Киваю. Это правда.

- Мне так безопасно с ним. Будто мой мозг не всегда понимал этого, но тело - да? Мне не известен его любимый цвет, или кем он хотел стать в десять лет, но ничего из этого и не важно. И те дурацкие вещи, которые я знала о Люке, огромный список этих вещей в моей голове, из-за которых мне казалось, мы подходим друг другу... и они кажутся настолько смешными, когда я сравниваю их с моими чувствами к Анселю.

- Если бы ты могла стереть всю эту ситуацию из проведенного с ним времени, то осталась бы ты с ним?

Мне даже не нужно время на обдумывание этого вопроса.

- Конечно.

- Вот смотри, я наблюдала за тем, как ты потеряла самое ценное в своей жизни, и с этим ни я, и никто ничего не мог поделать, чтобы улучшить ситуацию. Мы не можем повернуть время вспять. Мы не можем вылечить твою ногу. Не в наших силах изменить все так, чтобы ты вновь начала танцевать. - Произносит Харлоу нехарактерным для нее дрожащим голосом. - Но я могу посоветовать тебе не быть идиоткой. Любовь - так, мать твою, сложно отыскать, Миа. Не просри ее из-за каких-то глупых границ на карте.

- Пожалуйста, не утрируй. - Говорю я. - Моя жизнь, и без тебя, ухудшающей ситуацию, запутанна достаточно в данный момент.

- И если я знаю хоть что-то о тебе, то уверена на сто процентов, ты уже пришла к такому же выводу. Просто тебе нужен кто-то разумнее, кто скажет это первым. Я имею в виду, я не преуменьшаю то, что он сделал, это был поступок хрена. Сейчас я играю адвоката дьявола.

Закрываю глаза и жму плечами.

- Так мы сейчас говорим о большом слове на букву Л, да?

- Лесбиянки? - невозмутимо спрашиваю я.

Она смиряет меня взглядом. Серьезно-связанная-со-своими-чувствами Харлоу не та, над кем бы вы захотели подшутить.

- Я *имею в виду* то, - продолжает она, игнорируя меня, - что это был не просто перепах с сладким, развратным мальчиком-французом.

- Это никогда не было просто перепахом с мальчиком-французом. - Подтверждаю я. - Думаю, именно поэтому, это тебя и сбивало с толку.

- Потому что у него *большой*. - Выдает она, и затем дает мне пять, пока мы все выкрикиваем:

- Каждый понимает в меру своей испорченности!

Но ее выражение вновь становится серьезным.

- Даже когда Люк ушел, - она продолжает, - я знала, с тобой будет все хорошо, так? Я сказала

Лоле: "Сейчас будет тяжело, но дай ей пару недель и она придет в норму." Но это... совсем другое.

- Почти смешно, насколько это отличается.

- Так что ты... решила? - Когда до меня туго доходит, о чем она, тогда она помогает мне. - Ты попросила меня поговорить с отцом об аннулировании, но ты действительно это хочешь? Вы двое вообще разговариваете? И не пожимай мне тут снова плечами или я перепрыгну этот диван и врежу тебе.

Вздрагиваю и пожимаю плечами.

- Мы переписываемся.

- Вы что в старшем классе? - спрашивает Харлоу, шлепая меня по руке. - Почему ты не позвонишь ему?

Смеясь, я отвечаю им:

- Я не готова пока еще услышать его голос. Я пытаюсь разобраться. Скорее всего, если я услышу, как он говорит мое имя, то запрыгну на следующий самолет до Парижа. - Поворачиваюсь и смотрю на них, добавляя. - К тому же, у Анселя там, на кону восхождение по карьерной лестнице, а я там была как хомяк, который бегаёт в колесе. Мне нужно все урегулировать, чтобы, если он когда-нибудь придет сюда, не чувствовал себя обязанным заботиться обо мне. - Останавливаюсь и поднимаю глаза к ним, наблюдающим все еще за мной с вполне нейтральными выражениями лиц. - Я должна повзрослеть, и Ансель будучи идиотом, вытолкнул меня из гнезда и наставил на верный путь. Он тот, кто побудил меня вернуться в бизнес-школу. Единственное, мне бы хотелось, не уезжать от него в гневе.

- Не будь так сурова к себе, - говорит Лола. - Я просто радуюсь тому, что ты здесь.

- Боже, как и я. - Поддерживает Харлоу. - Я серьезно сбила свой режим сна с твоими полночными звонками.

Бросаю в нее подушку.

- Ха, ха.

- Что на счет работы? Ты же знаешь мой отец с радостью наймет тебя, будешь сидеть такая красивая в одном из его офисов.

Хочешь ввести в заблуждение парочку руководителей среднего возраста пока лето?

- Вообще то, я нашла уже работу.

- Это же круто! - Лола берет меня за руку.

Всегда самая скептическая особа - Харлоу продолжает пялиться на меня.

- Где?

- В моей старой студии. - Отвечаю. И как только я произношу это, почти сразу же, Лола и Харлоу чуть не оказываются на моих коленях.

- Так горжусь тобой, - шепчет Лола, обнимая меня крепко за плечи.

- Мы так скучали по танцующей тебе. Блять, мне кажется, я сейчас расплачусь. - Добавляет Харлоу.

Я смеюсь, усердно пытаюсь оттеснить их немного.

- Не будет как прежде, девчонки. Я...

- Для нас будет. - Говорит Лола, отстраняясь на столько, чтобы можно было взглянуть в мои глаза.

- Хорошо, хорошо, - произносит Харлоу, встав и смотря на каждую из нас. - Достаточно синтимиенташъщиины. Мы идем перекусить и затем шопиться.

- Вы идите, а мне нужно заскочить в студию и переговорить с Тиной. Так же мне нужен душ.

Лола и Харлоу обмениваются взглядами.

- Хорошо. Но после того, как ты закончишь, мы выйдем *проветриться*. Я плачу за напитки.

Лола поддерживает.

- Небольшое *добро пожаловать домой*, для нашей Сахаринки.

Мой телефон жужжит поверх стола и Харлоу тянется к нему, отталкивая меня своими длинными и женственными руками.

- Оу, и, Миа?

- А? - говорю я, пытаюсь отобрать телефон.

- Ответь на чертов звонок, когда она позвонит тебе или сделай это сама. У тебя десять голосовых сообщений, и даже не стоит говорить о смс-ках. Не обязательно это сделать сегодня, даже не завтра, но перестань быть слабачкой. Ты можешь учиться, работать и претворяться, что ты не замужем, но ты не можешь провести нас в том, что ты не влюблена в этого парня «по самое не хочу».

Поездка в студию в этот день произошла определенно странно. Я ожидала, что буду нервничать и тосковать, но осознала почти сразу, что я еду по дороге, по которой ездила сотни и сотни раз, а мама сопровождала меня в каждой поездке. Я, фактически, никогда не была за рулем в этих путешествиях.

Эта поездка развязывает что-то во мне, заставляя меня взять под контроль то, куда я направлялась так пассивно и долго. Скромный торговый центр появляется у оживленного перекрестка Линды Висты и Морены, и после того, как я паркуюсь, у меня требуется несколько минут, чтобы переработать то, как по-другому здесь все выглядит. Новое стеклянное здание с замороженным йогуртом, метро. Вместо просторного китайского ресторана теперь студия каратэ. И скрытая, прямо в центре, с обновленной вывеской и новой гладкой кирпичной облицовкой, студия Тины. Борюсь с комком в горле, а нервы скручивают мой живот. Я так рада

видеть это место снова - не зависимо от того, как по-другому это выглядит - а также, немного больно от того, что это никогда не будет для меня тем, чем должно было быть.

Моя голова кружится от переполняющих меня эмоций облегчения, печали и *еще от кучи других*, но я не хочу, чтобы здесь сейчас, рядом со мной, были мама, Харлоу или Лола. Я хочу, чтобы со мной был Ансель.

Шарю в сумке в поисках телефона. Раскаленный воздух снаружи, кажется, давит на меня, как стена, но я игнорирую это, мои руки трясутся, когда я ввожу свой пароль и нахожу фотографию Анселя в списке избранных.

Мое дыхание затрудненное, и я на самом деле беспокоюсь, что у меня приступ астмы, пока я печатаю слова, на которые я знаю, он надеется, слова, которые я должна была написать ему в тот день, когда ушла.

Ты нравишься мне. Отправляю их. ***Мне жаль, что я так ушла от тебя,*** добавляю я быстро. ***Я хочу, чтобы мы были вместе. Знаю, там у вас слишком поздно, но могу я позвонить тебе? Я звоню.***

Боже, мое сердце так сильно стучит, что я слышу гул крови в ушах. Руки дрожат, и я пользуюсь моментом, прислоняюсь к машине, чтобы взять свои чувства под контроль. Когда я, наконец, собираюсь с силами, то открываю свои контакты и нажимаю на его имя. Проходит секунда и соединение установлено, звук гудков разносится в трубке.

Гудки идут и идут, и под конец включается голосовая почта. Сбрасываю вызов, не оставляя сообщения. Знаю, там середина ночи, но если его телефон включен - а он определенно включен - и если бы он захотел поговорить со мной, он бы ответил. Отталкиваю все тревоги и закрываю глаза, пытаюсь найти утешение в том, как хорошо ощущается признание самой себе и ему в том, что не готова закончить наши отношения.

Открыв дверь в студию, я вижу Тину стоящую внутри, и я знаю, по выражению на ее лице - челюсть напряжена, а слезы наполнили ее глаза - что она наблюдала за мной с тех пор, как я вышла из машины.

Она выглядит старше, как и предполагалось, но все такая же уравновешенная и изысканная с седыми волосами, собранными в тугую шишку, лицо, без какого либо макияжа, лишь ее фишка - вишнево-красный бальзам для губ. На ней неизменная одежда для тренировок: черная в обтяжку майка, черные йога-штаны и пуанты. Миллион воспоминаний связано с этой женщиной. Тина тянет меня в свои объятия, вздрагивая.

- Ты в порядке? - спрашивает она.

- Вот добралась до тебя.

Отстраняясь, она смотрит на меня своими большими голубыми глазами.

- Ну, рассказывай.

Я не видела Тину целых четыре года, поэтому смею предположить, она имеет в виду, *расскажи мне все*. Вначале, когда меня выписали из больницы, она приходила к нам домой навещать меня, по крайней мере, раз в неделю. Но я начала искать оправдания, почему меня не должно быть дома или почему я должна быть наверху за закрытой дверью. В конечном счете, она перестала приходить.

Но, тем не менее, я знаю, что не должна извиняться за то, что отдалилась. Вместо этого, я ведаю ей очень укороченную версию мой последних четырех лет, заканчивая на Вегасе, Анселе и моем новом плане. С каждым разом, рассказывая свою историю, мне становится легче. Клянусь.

Так сильно хочу получить эту работу. Мне нужно чтобы она поняла, я в порядке - *на самом деле* в порядке - и поэтому я звучу твердо и спокойно. Горжусь своим, ни разу не дрогнувшим, голосом.

Она улыбается, когда я заканчиваю, и признается:

- Я мечтала о том, что ты ко мне присоединишься.

- Как и я.

- Давай устрой тебе небольшую экскурсию, прежде чем мы окунемся непосредственно в дело. Хочу удостовериться, что ты помнишь нашу философию, и что твои ноги помнят, что делать.

Она упоминала по телефону о неофициальном собеседовании, но не о настоящих занятиях, от этого мое сердце чуть не вылетает из груди, трепеща со скоростью света.

Ты можешь сделать это, Миа. Ты живешь и дышишь этим.

Мы идем по короткому коридору, мимо большой студии, предназначенной для ее класса подростков, и движемся к небольшой студии в конце коридора, в которой проводятся частные занятия и занятия с новичками. Улыбаюсь, ожидая увидеть маленьких девочек, выстроенных в линию и ожидающих меня в черном боди, розовых колготках и крошечных чешках.

Все оборачиваются к нам, когда мы открываем дверь, а мое дыхание сбивается.

Шесть девочек выстроились в классе, по три с каждой стороны высокого мужчины, который стоит посередине, ярко-зеленые глаза полны надежды и озорства, когда мы встречаемся взглядами.

Ансель.

Ансель?

Что за...?

Если он здесь, тогда он в этом здании находится полчаса с тех пор как я звонила. Он видел, что я звонила? Видел ли он мои смс-ки?

На нем обтягивающая черная майка, которая облипает его мышцы груди, и угольно-серые брюки. Ноги босые, его плечи, расправлены, как и у рядом стоящих девочек, многие из которых украдкой бросают на него взгляды и еле сдерживают хихиканье.

Лола и Харлоу отправили его сюда, уверена в этом.

Открываю рот, чтобы заговорить, но меня перебивает Тина, которая с понимающей улыбкой проходит мимо меня, подбородок приподнят, когда она объявляет классу:

- Класс, это - Мудмуазель Холланд, и...

- На самом деле, мадам Гийом. - Тихо исправляю я, и резко поворачиваюсь к Анселю, когда слышу, как она невольно издает удивленный звук.

Улыбка Тины начинает сиять.

- Pardon. Мадам Гийом - новая наставница, она будет помогать вам, делать ваши растяжки и проведет первое занятие. Класс, пожалуйста, поприветствуйте нашего нового учителя? - Шесть маленьких девочек и один глубокий голос вместе выкрикивают:

- Привет, мадам Гийом.

Прикусываю губу, сдерживая смех. Снова встречаюсь с ним глазами и в одно мгновение понимаю, он читал мои смс-ки и еле сдерживает свое волнение от того, что находится здесь и слышит, как я назвала себя его женой. Он выглядит истощенным, но оживленным, и пока мы смотрели друг на друга, успели обменяться безмолвным разговором. Я призываю все свои силы, чтобы не побежать и не броситься в эти длинные сильные руки.

Как будто прочитав мои мысли, Тина прочищает горло многозначительно, и я мигаю и выпрямляюсь, пока отвечаю:

- Привет, девочки. И месье Гийом.

Несколько девочек начинают хихикать, но быстро затихают под решительным взглядом Тины.

- Также у нас сегодня присутствует гость, как вы заметили. Месье Гийом решил записаться к нам в академию. Пожалуйста, сделайте все возможное, чтобы показать ему ваше хорошее поведение в студии и на сцене.

К моему полному изумлению, Ансель настроен погрузиться в мир становления балериной. Тина отступает к стене, и я знаю ее достаточно хорошо, чтобы понять, что это не какая-то проверка. Это удивляет меня. Я могу захохотать и сказать им начать растягиваться, пока буду разговаривать с Анселем. Но он, кажется, готов действовать, и я хочу, чтобы Тина видела, что мне под силу справиться даже с самым огромным и великолепным отвлечением во всем мире, стоящим передо мной.

- Давайте начнем с растяжки. - Включаю какую-то тихую мелодию и показываю девочкам, что они должны повторять за мной: сажусь на пол и ноги вытягиваю перед собой. Прогибаюсь и тянусь руками, пока не дотягиваюсь до пальцев ног, говоря им:

- Если больно, то согните немного ноги. Кто посчитает для меня до пятнадцати?

Все стесняются. Все, кроме Анселя. И конечно же он начинает спокойно считать на французском:

- *Un... deux... trois...* - девочки смотрят на него и хихикают в пол.

Мы продолжаем разогревать мышцы: растягиваемся на самом низком балетном станке, делаем шпагат, от которого девчушки визжат и качаются из стороны в сторону. Мы пробуем несколько пируэтов - если я доживу до ста, я никогда не перестану хохотать над видом Анселя, делающего пируэт - и показываю им растяжку сидя с ногами, прижатыми к стене. (Это, возможно я сделала намеренно ради Анселя, но я никогда не признаю это.) Девочки усердно работают, хихикая еще больше, а некоторые из них храбреют и начинают показывать Анселю, как и что надо делать: как держать руки, как делать прыжки и вращения.

Когда в классе становится громко и хаотично, Тина подбегает ко мне, хлопая и обнимая меня.

- Я удаляюсь. Кажется, у тебя есть не завершенные дела. Увидимся здесь в понедельник вечером в пять.

- Так сильно люблю тебя. - Говорю я, оборачивая руки вокруг нее.

- И я, милая, - вторит она. - Теперь иди и скажи ему тоже самое.

Ансель и я выходим из студии, и молча, бредем по коридору. Мое сердце так сильно колотится, что кажется, от тяжести пульса мое зрение затуманивается. Чувствую тепло его тела, движущегося позади меня, но мы все равно ничего не говорим. Все еще не могу прийти в себя после моего удивления, я так потрясена, что даже не знаю как начать.

Теплый ветерок окутывает нас, когда мы открываем дверь наружу. Ансель наблюдает за мной внимательно, ожидая от меня хоть какого-то знака.

- *Cerise...* - начинает он, но затем делает дрожащий вздох. Когда он встречается со мной глазами снова, я ощущаю каждую тикающую минуту молчания.

Его челюсть сжата, пока мы палимся друг на друга, и когда он сглатывает, ямочка появляется на его щеке.

- Привет. - Говорю я, мой голос натянутый и бездыханный.

Он спускается с бордюра, но все еще возвышается надо мной.

- Ты позвонила мне, прежде чем приехала сюда.

- Я звонила с парковки. Было слишком много вещей, которые нужно было переварить, находясь здесь... но ты не ответил.

- Никаких телефонов в студии. - Отвечает он с милой улыбкой. - Но я видел, что мой экран телефона засветился от звонка.

- Ты прилетел сюда прямо с работы? - спрашиваю я и указываю подбородком на его брюки.

Он кивает. На его челюсти красуется однодневная щетина. Картинка того, как он бросает работу и направляется напрямик в аэропорт - ко мне - едва успев побросать пару вещей в сумку, делает мои колени слабыми.

- Пожалуйста, не злись. - Говорит он. - Лола позвонила мне и сообщила, где ты. Я как раз ехал сюда, чтобы встретиться с тобой к трем и поужинать. Также, Харлоу упомянула, что сломает мне ноги вместе с другими выступающими частями тела, если я отнесусь к тебе не так, как ты заслуживаешь.

- Я не злюсь. - Качаю головой, пытаюсь прочистить ее. - Просто... не могу поверить, что ты на самом деле тут.

- Ты думала, я просто буду сидеть там, сложа руки, и в какой-то случайный момент в будущем

исправлю это? Я не могу находиться в такой дали от тебя.

Могу сказать, он хочет спросить: *Зачем ты сбежала от меня? Почему даже не попрощалась?* Но он не спрашивает этого. И за это он получает от меня поблажку. Хотя мой побег во Францию и из нее были необдуманными, он стал причиной этого: первый раз от счастья, а второй раз от разбитого сердца. И, кажется, он понимает это. Вместо этого, он пожирает меня взглядом, задерживаясь на моих ногах в телесных колготках под коротенькой юбкой для танцев.

- Ты выглядишь прекрасно. - Говорит он. - Вообще то, настолько прекрасно, что мне трудно подобрать слова.

Меня накрывает облегчение, и я прыгаю в его руки. Он обхватывает меня, зарываясь лицом в шею. Его руки настолько длинные, что могут несколько раз обернуться вокруг моей талии. Его дыхание касается моей кожи, а сам он дрожит напротив меня. Я говорю ему:

- Так хорошо. - Он только кивает, и наши объятия, кажется, продолжают вечность.

Его губы находят мою шею, челюсть, посасывая и покусывая. Его дыхание горячее и мятное. Он шепчет какие-то слова на французском, которые я не могу перевести, но это и не нужно. Я слышу *любовь, жизнь, моя и извини*. Затем его ладони прижимаются к моему лицу, и его рот накрывает мой, глаза раскрыты широко и пальцы на моей челюсти подрагивают. Это простой, целомудренный поцелуй - без языка, никакой глубины - но то, как я начинаю дрожать, говорит ему, что это намного больше, так как он отстраняется и на его лице видна победа.

- Пошли, - говорит он, его ямочки углубляются. - Позволь мне поблагодарить девчонок.

Я так хочу его, нас наедине, но как-то даже сильнее возбуждаюсь от того, что он здесь с моими друзьями, вот так. Беру его за руку, и тяну к машине.

Пока Ансель натягивает свою рубашку, попутно рассказывает о своем перелете, странное ощущение во время отлета сразу же после работы, прибытие на рассвете, и ожидание на протяжении дня ради встречи со мной... все маленькие детали сходятся в вопрос, который стоит на повестке дня "Что теперь?". Я бросаю на него украдкой взгляды, пока веду машину. На фоне темнеющего неба, он смотрится, несомненно, изысканным и шикарным в своей лавандовой рубашке и в тонких брюках цвета древесного угля. А я не собираюсь утруждать себя сменой одежды, даже если только что вышла из танцевального класса. Если мы сразу поедem в мою квартиру, то без сомнений мы оттуда уже никуда не уйдем, но мне хочется повидаться с девчонками и поблагодарить их. Но возможно, еще важнее, чем это, позволить Анселью поблагодарить их.

Оставляю на потом удобную квартиру и везу его прямо к Харлоу и Лоле в бар Динамит. Тяну его через толпу, широко улыбаясь от того, что мой человек рядом со мной, мой муж, мой Ансель. Они сидят в изогнутой кабинке, потягивая напитки. Лола замечает меня раньше Харлоу. Черт меня подери, если ее глаза сразу же не наполняются слезами.

- Нет, - приказываю я ей, смеясь. Со всей ее жесткой бравадой снаружи, она слишком мягкая внутри. - Мы не будем делать это.

Она смеется, качая головой и вытирает слезы. Затем следует странное приветствие моих подруг и мужа, они обнимают друг друга так, словно лучшие друзья и всего лишь не виделись какое-то время.

Хотя, в каком-то смысле так оно и есть. Я люблю его, как и они. Я люблю их, и он тоже. Он выуживает два шоколадных батончика из внутреннего кармана пиджака, перекинутого через руку, и вручает один Лоле, другой Харлоу.

- За то, что помогли мне. Купил их в аэропорту, так что выглядят они не совсем ахти.

Они обе берут их, и Харлоу смотрит на свою, а затем снова на него.

- Если она не трахнет тебя этим вечером, то это сделаю я.

Его румянец, ямочки, тихий смех, и зубы покусывающие снова губу. У меня большие проблемы. Убейте меня к чертовой матери.

- Без проблем. - Отвечаю я ей, кидая его пиджак на диванчик, и тащу его с удивленными глазами и ухмылкой за собой на танц-пол. Мне, честно говоря, плевать, какая играет музыка, так как я никуда его не отпущу на протяжении всей ночи. Делаю шаг в его объятия и прислоняюсь к нему.

- Мы снова танцуем?

- Будет еще больше танцев, - отвечаю я. - Если ты заметил, я последовала твоему совету.

- Я так горжусь тобой, - шепчет он. Он прижимается своим лбом к моему, прежде чем отстраняется и встречается со мной глазами. - Ты только что, дала мне подсказку, что трахнешь меня сегодня. - Его улыбка растягивается еще больше, так же как руки сильнее оборачиваются вокруг моей талии.

- Воспользуйся всеми своими шансами.

- Я забыл их дома. - Его улыбка резко испаряется. - Но я привез свой пенис.

- Я попытаюсь не сломать его в этот раз.

- А мне кажется, тебе стоит постараться сильнее.

Басы сотрясают пол, и мы полу-криком подшучивают друг над другом, но настроение ускользает, и между нами повисает тяжелое молчание. Мы всегда были хороши во флирте, хороши в сексе, но мы должны были всегда претворяться кем-то, чтобы открыться друг другу.

- Поговори со мной, - говорит он, наклоняясь и шепча в мое ухо. - Расскажи, что случилось в то утро, когда ты ушла.

- Я чувствовала, что должна идти и встретиться лицом к лицу с тем, что предстояло. - Говорю я тихо, но он по-прежнему наклоняется, и я знаю, он расслышал меня. - Было хреново, что ты не рассказал мне о Перри, но это только дало мне толчок, в котором я нуждалась.

- Мне так жаль, *Cerise*.

Мою грудь сковывает, когда он называет меня этим ласковым именем, и я глажу его вверх и вниз по груди.

- Если мы собираемся попытаться построить отношения, мне нужно знать, что ты будешь говорить со мной.

- Обещаю, буду.

- Я так сожалею, что так сбежала от тебя.

Его ямочка появляется на секунду.

- Покажи мне, что ты до сих пор носишь обручальное кольцо, и я прошу тебя.

Поднимаю свою левую руку, и он рассматривает ее, потом наклоняется и целует тонкий золотой ободок. Мы покачиваемся, практически не двигаемся, пока все вокруг нас люди скачут, трясутся и танцуют. Прислоняю голову к его груди и закрываю глаза, дыша каждой его частичкой.

- В любом случае, мы покончили со всем этим. Сегодня твоя очередь рассказывать о себе.

С улыбкой, он наклоняется и целует меня сначала в правую щеку, затем в левую. Затем своими губами, он касается моих несколько длинных, восхитительных секунд.

- Любимый цвет - зеленый. - Начинает он напротив моего рта, и я хихикаю. Его руки ползут по моим бокам, соединяя их вместе на моей талии, пока наклоняется еще ближе и целует мою шею. - Я сломал руку в семь лет, пытаюсь, прокатится на скейте. Люблю весну, ненавижу зиму. Имя лучшего друга моего детства - Август, а его старшей сестры - Катерина. С ней я поцеловался в первый раз, мне было одиннадцать, ей двенадцать, в кладовке в доме моего отца.

Мои пальцы скользят по его груди, вверх к горлу, и встречаются позади его шеи.

- Моя самая большая душевная травма была тогда, когда мама уехала в Штаты, но даже притом, что мой отец был тираном, у меня было замечательное детство. Я был ужасен в математике. Своей девственности я лишился с девушкой по имени Ноэми, когда мне было четырнадцать. - Он целует меня в шею. - Последняя женщина, с которой я занимался сексом, была моя жена, МиаРоузГийом. - Целует меня в кончик носа. - Любимая еда - хлеб, знаю, звучит скучно до жути. И я не люблю сухофрукты.

Смеюсь и притягиваю его для настоящего поцелую - наконец - и *ох. Мой. Бог.* Его рот теплый, идеально подходящий под мой. Его губы мягкие и доминирующие. Чувствую его потребность касаться, пробовать, трахаться, которую он еле сдерживает, его руки спускаются на мою задницу, подталкивая мои бедра к своим. Его язык едва касается моего, из нас вырываются стоны, и мы отстраняемся, тяжело дыша.

- Не уверен, что когда-либо женщина кончала от моего рта, пока я не встретил тебя. - Признается он. - Люблю целовать тебя там. И люблю твою задницу. Она - идеальна. - С этими словами, я ощущаю, как его длинна упирается мне в живот, когда его руки сжимают меня. - Люблю все позы в сексе с тобой, но предпочитаю быть над тобой... Когда мы в миссионерской позе, ты делаешь ее такой пошлой и грязной, когда царапаешься и двигаешься подо мной.

Святое дерьмо. Начинаю извиваться в его руках.

- Ансель.

- Я знаю звуки, которые ты издаешь, когда кончаешь. Ты никогда не можешь симулировать их

со мной. - Он улыбается, добавляя. - Снова.

- Расскажи мне о повседневных вещах. - Умоляю я. - Это убивает меня.

- Ненавижу убивать пауком, так как думаю, что они удивительны, но я буду делать это ради тебя, если ты их боишься. Ненавижу быть пассажиром в машине, предпочитаю сам вести их. - Он процеловывает дорожку к уху, шепча. - Мы можем жить в Сан-Диего, но я хочу, по меньшей мере, проводить лето во Франции. И, возможно, мы перевезем мою маму сюда, когда она постареет.

Моя грудь почти болит из-за силы каждого сердцебиения.

Он улыбается, и я кончиком пальца провожу по его ямочке.

- Ты, правда, переедешь сюда?

- Думаю в феврале. - Говорит он, чуть пожимая плечами. Как будто это проще простого. Будто все уже сделано.

Я и рада, и разрываюсь. Все это так просто решено, что заставляет мою голову кружиться, но это ведь только июль.

До февраля еще так долго.

- Сколько времени еще до февраля.

- Я прилечу в Сентябре. Октябре. Ноябре. Декабре. Январе...

- Насколько ты приехал в этот раз? - Почему я еще не спросила об этом? Внезапно, я начинаю бояться ответа.

- Завтра улетаю. - Мой желудок ухает, и я ощущаю пустоту. - Я могу пропустить понедельник. - Продолжает он. - Но я должен быть на работе в четверг для первого этапа слушания.

Этого времени не достаточно. Проталкиваюсь с ним через толпу, и возвращаюсь к столику.

- Вы ребята...

- Знаю, Сахаринка. - Говорит Харлоу, кивая. - У тебя есть двенадцать часов. Без понятия, что вы еще делаете здесь. Идите уже.

Они не только узнали, когда он прибудет, но и когда его обратный рейс. Они все обговорили. Святой ад, я так люблю своих друзей.

Целую Харлоу, целую Лолу, и прокладываю путь к выходу.

Нам как-то удается добраться до квартиры все еще одетыми. Я молюсь, чтобы мы не разбудили Джулианну, пока спотыкаясь и целуясь, идем по дороге в сторону гаража, где Ансель запускает свои руки под мою одежду и белье, умоляя дать ему почувствовать меня. Его пальцы теплые и требовательные, отталкивают кружево в сторону и скользят туда-сюда по моей коже.

- Ты ощущаешься просто нереально, - шепчет он. - Мне нужно раздеть тебя. Я должен увидеть тебя.

- Тогда пойдем наверх.

Путаясь в своих ногах, мы взбираемся по деревянной лестнице, и я врезаюсь спиной в дверь, пока он целует меня вниз по шее, а его голодные руки хватаются за мою задницу, толкая меня в себя.

- Ансель, - смеюсь я, мягко толкаю его в грудь, чтобы откопать свои ключи в сумке.

Как только мы внутри, даже не утруждаюсь включением света, не желая убирать свои руки от его тела надолго, чтобы даже включить свет. Слышу падение ключей, далее следует сумка, его пальто, и теперь лишь мы, в темноте. Он наклоняется, берет меня за талию и приподнимает к своему рту.

- Мне нравится твоя квартира. - Говорит Ансель, улыбаясь в поцелуе.

Киваю напротив него, и выдергиваю рубашку из пояса его брюк.

- Хочешь, проведу тур по ней?

Он смеется, когда начинаю сердиться, пока мои пальцы возятся с его рубашкой в темноте.

Почему на ней так много чертовых кнопок?

- Этот тур включает в себя кровать, да ведь? - спрашивает он, и отводит мои руки, быстро расстегивая последние и наконец, стряхивая рубашку с плеч.

- И стол. А так же диван. - Подыгрываю я, отвлекаясь на огромный участок гладкой и идеальной кожи, внезапно появившейся передо мной. - Возможно, пол. И душ.

Прошло всего пару дней с тех пор, как я последний раз касалась его, но это чувствуется так, как будто прошел год. Мои ладони ласкают его грудь, а ногтями я царапаю его загорелый живот. Звук, который он издает, когда я целую его грудь нечто среднее между жаждущим стоном и рычанием.

Он стягивает мое боди с плеч вниз по рукам, пока мои руки не оказываются в ловушке.

- Давай начнем со спальни. Мы можем позже пройтись по плану.

- У нас есть двенадцать часов на это. - Говорю я.

Он прикусывает зубами мою нижнюю губу, и я хнычу, так сильно скучала по нему, что это было похоже на то, что мою грудь связали и сейчас оковы сняты, и я вновь могу дышать, глубоко и полной грудью.

Кровать самый большой предмет мебели в квартире, и даже в темноте, он умудряется найти ее с легкостью.

Он пятится к матрасу, целуя всю дорогу, затем садится, и тянет меня между своих разведенных ног. Его руки ласкают мою кожу на задней части моих бедер, вверх - вниз, пока его пальцы не добираются до кромки белья. Свет от уличного фонаря пробивается тусклой полоской на стену, и я могу видеть его лицо и плечи. Его штаны уже расстегнуты, а член

тверд, кончик выглядывает из под резинки его боксеров, длинной упираясь в живот.

Он тянет меня вперед, и я чувствую тепло его губ на шее.

- Двенадцать часов даже близко не достаточно. - Шепчет он слова в мою гошу. Он проходитесь языком между моей грудью, затем посасывает сосок через кружево бюстгальтера. Я пытаюсь освободить руки, и он сжаливается надо мной, помогая стянуть мне одежду вниз по телу, оставляя ее лужицей у ног.

Когда я, наконец, могу двигаться, то запускаю пальцы в его волосы, и все такое родное - звуки, запах, то, как моя кожу пылает, когда он сосет кожу под ключицей. Как я могла подумать, что смогу прожить даже день без этого?

- Хочу это снять. - Шепчет Ансель, протягивая руки позади меня и расстегивая маленькие крючки бюстгальтера. Его руки спускают лямки, двигая их в противоположных направлениях, и когда они падают, его руки начинают скользить по моим плечам, по груди, мягко перекачивая ее в ладони. Наклоняясь, он держит одну, а другую целует.

Он издает тихие звуки одобрения, перемещая одну руку вниз по моей заднице. - И это. Снимай их. - Его губы смыкаются на моем соске, проводя языком по нему.

Это именно тот момент, когда мне обычно хочется раствориться внутри кого-нибудь другого, чтобы успокоить свой разум костюмами и притворством. Но сейчас, единственное кем я хочу быть это только собой.

- Ты тоже. - Говорю я. - Стягивай штаны. - Наблюдаю за ним с еле сдерживаемым голодом, когда он встает и скидывает оставшуюся одежду на пол.

Ансель больше не указывает мне что делать, он ложится всего в нескольких дюймах от изголовья и ждет, пока я просовываю пальцы под кружево и спускаю трусики по бедрам. Ни говоря ни слова, он тянется к себе, сжимая свой член у основания и медленно поглаживая.

Я взбираюсь на постель, нависая над ним и расставляя ноги по бокам его бедер. Он отпускает член, и он снова преподнимается к животу, его глаза расширены и сосредоточены на пространстве между нами, которое уменьшается и уменьшается. Нетерпеливыми руками, он хватает мои бедра, размещая меня четь выше на нем.

Его челюсть сжимается, а шея прогибается на подушке. Он рычит: *Прикоснись ко мне.*

Пробегаю пальчиками по его груди, ниже, скользя вниз по длине, по яйцам, по бедрам.

Что-то настолько грязное есть в этом, быть над ним вот так. Я обнажена для него, выставлена на показ. В такой позе я не могу спрятать лицо в его шее, или исчезнуть под тяжестью и удобством его тела.

Это что-то новенькое для нас, видеть его в *моей* квартире, в *моей* кровати, со своей спутанной шевелюрой посреди *моей* подушки. Его глаза сверкают, его губы покраснелись от моих поцелуев, и это вызывает во мне такие собственнические чувства, которые я еще никогда не испытывала.

- Ты такая теплая, - шепчет он и тянется ко мне между ног. - Такая готовая. - Пальцы ласкают кожу, исследуя, прежде чем он берет свой член и прижимает его к моему входу. Не могу не смотреть на его лицо, от его сосредоточенной концентрации, где наши тела качаются, словно

высосали весь воздух из комнаты, и мы сгораем от единственного вздоха.

Его бедра толкаются вперед, приподнимаясь, выше, выше, и вот, наконец, он входит немного. Я опускаюсь медленно на него, дыша так быстро и сильно. Не способная закрыть глаза, из-за его нереального выражения лица: глаза крепко сжаты, губы приоткрыты, щеки покрыты румянцем, пока он задыхается подо мной, лишенный самообладания.

Такая наполненность, его так много, даю своему телу секунду, чтобы оно привыкло к ощущениям его так глубоко. Но это не то, чего я хочу. Не хочу быть тихой. Хочу прочувствовать его скользкую толщину и жадную грубость его рук. Хочу чувствовать его на протяжении всей ночи.

Начинаю мягко раскачиваться над ним, потерянная в его реакции также, как он, потеряв в ощущении меня. Его руки сжимают мои бедра, сдерживая, не позволяя мне двигаться, и вот, его глаза открываются, и он смотрит на меня, улыбается, показывая мне истинную сущность Анселя: сияющие глаза, игривые ямочки, сладкий и развратный рот.

- Устрой мне небольшой предствление, *Cerise*. Сломи меня.

С усмешкой, я приподнимаю тело и скольжу вниз, затем немного ускоряюсь, двигаясь резче, загипнотизированная маленькой морщинкой между его бровями, пока он наблюдает за моим лицом, пытаюсь сконцентрироваться. Его бедра меняют угол проникновения, и он удовлетворяется тем, что я начинаю задыхаться, его рука тянется туда, где мы соединяемся, и прикасается ко мне, ласкает, потирает, и тихо шепчет объезжать его быстрее и сильнее.

- Позволь мне, услышать звуки наших тел, - рычит он, толкаясь в меня. - Пусть появится моя маленькая дикарка.

Он напряженно смотрит на то, как я начинаю кончать - и шепчет: "Ох, *Mia*, вот так вот" - ладонями я упираюсь в его грудь, мои глаза сосредоточены на его раскрытых губах. Начинаю умолять его:

- Пожалуйста, ох, умоляю. - Моя голова откидывается назад, когда наслаждение взбирается по моему телу. - Я там. Я *там*.

Он кивает мне тихонько, улыбается и усиливает давление пальцев на моей коже, наблюдая, как я разрушаюсь в чистые ощущения, сотрясаясь на нем, закрываю глаза от интенсивности яркого и ослепляющего освобождения. Затем падаю ему на грудь.

Мир переворачивается, и теперь я лежу спиной на мягких простынях, и чувствую его руку между ног, прикасающуюся ко мне, прежде чем снова войти в меня. Он начинает двигаться надо мной - медленными и уверенными толчками. Его грудь прижата к моей. От него исходит жар, а его рот ползет от моей шеи к губам, он посасывает и вкушает его, тихо рыча проклятия, и такие слова как *влажная, кончай, сладкая влажная кожа, глубже, настолько глубоко, так глубоко*.

Провожу руками вниз по его спине, хватая его за задницу и наслаждаясь работой мышц, когда он движется, вбиваясь в меня и двигаясь сильнее, когда я шире развожу ноги, впиваюсь в его кожу ногтями, и содрогаясь под ним, чувствуя другой оргазм, висящий прямо на краешке чего-то.

Выдыхаю его имя, и он ускоряется, смотря в мое лицо и пыхтя тихо *Да. Ебать*.

Его тело покрыто потом, глаза путешествуют от моей груди, к губам, затем он приподнимается достаточно, чтобы посмотреть туда, где он двигается во мне. Он весь влажный от меня, и такой твердый везде - мускулы напряжены и готовы лопнуть, готовы взорваться. Эта поза самая лучшая для нас, это трение, то, как он подходит мне, его вращающиеся бедра, то, как он наблюдает за нашими телами, и затем за моим лицом, и снова вниз, а затем вверх. Выдыхаю сдавленно:

- *Ооо.*

Из него вырывается стон облегчения, когда я вдавливаю голову в подушку, и обезумевшая под ним, кончаю с резким вскриком.

- Я близко. - Рычит он, откинув голову и прикрыв глаза. - О, Боже, Миа.

Он падает на меня, бедра вращаются так дико и глубоко, что мы почти упираемся в спинку кровати. Руки сжимают подушку в кулаках над головой. Он громко стонет, пока кончает. Звуки эхом рикошетят от потолка и затихают у глухих стенах.

Мои чувства возвращаются ко мне по одному: сначала ощущение его, все еще во мне, затем вес его тела, тепло и влажность от пота. Мое тело ослабевшее, и налито удовольствием, словно свинцом.

Слышу звук его затрудненного дыхания, и тихое *я тебя люблю*, прямо в ухо.

После этого, я пробую и вдыхаю запах соли на его коже, когда целую его в шею, и огибаю форму его плеч надо мной, медленно раскачиваясь, когда он снова начинает двигаться. Остались лишь чувства.

Он смахивает волосы с моего лица, и смотрит на меня.

- Я хочу притвориться. - Говорит он.

- Притвориться?

- Да.

Он приподымается и нависает надо мной, а я глажу его влажную от пота грудь, и прикасаюсь там, где он исчезает во мне. Дрожь ползет по позвоночнику, и я ощущаю тепло его взгляда, натиск его внимания, пока он изучает мое лицо и чувства отражающиеся на нем.

- Притвориться кем? - спрашиваю я.

- Нами, через шесть месяцев. - Его пальцы перебирают мои волосы, убирая влажные пряди со лба. - И то, что я живу здесь. Хочу сделать вид, будто судебное разбирательство закончилось и мы с тобой вместе. Навсегда.

- Хорошо, - тяну его лицо к себе.

- И возможно у тебя даже есть костюм танцовщицы, и ты наконец научилась жонглировать. - Он целует и отстраняется, хмуря брови от притворной серьезности. - Ты же не боишься высоты, не так ли?

- *Это* твоя мечта?

Он склоняет голову, и его рот растягивает озорная улыбка.

- Конечно, одна из многих.

- А другие, какие? - интересуюсь я. Я бы нарядилась ради него во что угодно, но также знаю, что могу быть и самой собой для него, также легко. Хочу каждую ночь проводить любя его, как и сейчас.

В сотый раз я задаюсь вопросом, на моем лбу, что ли написаны слова, которые я еще не сказала, так как его улыбка расширяется, достигая его глаз, что от этого у меня захватывает дух.

- Думаю, тебе стоит подождать и увидеть все самой.

mir-knigi.org